

Протоиерей Димитрий Смирнов

Проповеди

Книга 5

Сестричество во имя Преподобномученицы Великой княгини Елизаветы; Москва; 2007

Четверг седмицы 8-й по Пятидесятнице

Сегодняшнее евангельское чтение нам хорошо известно, оно часто слышимо в церкви. Господь говорит: «Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». Дальше Господь поясняет, что это значит: «Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее». И Он приводит в пользу этой мысли такой аргумент: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?»

И когда человек действительно задумается, что дороже души, то, естественно, у него бывает желание свою душу спасти. А спасение души зависит от того, кому она верит: либо себе, своим страстям, либо Богу. И в зависимости от этого душа и направляется либо в одну сторону, либо в другую. Мы это все время видим в своей жизни: часто нам хочется совершить нечто, но мы знаем, что это будет поступок нехороший. И вот в нас начинают бороться два желания: с одной стороны, наша страсть нам повелевает сделать то-то или то-то, а, с другой стороны, совесть наша говорит: не делай этого, это нехорошо.

Душа человека наполнена всякими страстями. Слово «страсть» происходит от славянского «страдание»: это то, что приносит человеку страдание. Вот, например, жадность. Жадный человек все время страдает, потому что ему приходится постоянно желать без насыщения, да еще регулярно что-то терять, то с одним предметом расставаться, то с другим. Или блудный страдает от того, что невозможно постоянно удовлетворять свою похоть. Пьяница страдает, потому что выпил, немножко прошло времени — и опять надо выпить; постоянно нужно покупать, доставать, хитрить, ловчить, скрывать, обманывать. Страсть гнева вводит человека в такое состояние, что он места себе не находит, у него буквально искры из глаз сыплются, губы дрожат, он злится, кричит, топает ногами, совершает такие поступки, от которых ему же потом бывает плохо: поругался с домочадцем, тот с ним не разговаривает неделю, и вот он ходит, томится, мучается. Любая греховная страсть заставляет человека страдать.

Страсти находятся в душе, и наша беда заключается в том, что они с душой срослись, стали уже ее свойством, и, чтобы освободиться от них, нам нужно идти против собственной души. Поэтому отвергнуться себя, погубить свою душу значит погубить свои страсти, свои греховные желания. Тогда, освободившись от них, можно идти за Христом, приобретать те добродетели, которые должен насадить в себе человек-христианин вместо греховных привычек, страстей, стремлений, желаний. В этом постоянном отвержении от себя, от своих страстей и выборе всегда заповеди Божией и есть спасение души.

Однако на практике все гораздо сложнее, часто человеку трудно разобраться, как ему поступить, что в данном случае является волей Божией, а что против воли Божией. Например, какая-нибудь женщина занимается важным делом, которое очень нужно людям, — допустим, она врач, лечит тысячи больных, огромную совершает работу. А дети ее находятся в яслях, потом в детском саду, потом в школе-интернате на пятидневке. Но когда она приходит на суд Божий, Господь у нее, оказывается, не спрашивает, как она лечила больных, как она к ним относилась, а спрашивает за ее детей. Ей казалось главным то, а на самом деле главное это. Ну что толку, если ты дала здоровье тысячам людей? Все они через несколько лет все равно умрут, а бессмертную душу своих детей ты погубила своим небрежением, потому что не читала им Евангелие, не водила их в храм, не заботилась о том, причащаются они или нет, не научила их молитвам. И теперь твои деточки занимаются там, на земле, неизвестно чем, а виновата ты. Господь говорит, что выше души нет ничего на земле, поэтому «какой выкуп даст человек за душу свою»?

Получается, что самое святое на свете дело может оказаться грехом, причем страшным грехом, и потом человек будет нести за него ответственность. Можно очень много дел делать добрых и хороших и среди этих добрых и хороших дел незаметно погубить свою душу. Как же нам жить, чтобы все наши дела приносили пользу душе? Для этого нужно непрестанно думать о спасении своей души и о том, полезно ли это дело для нее или бесполезно. Теоретически это очень просто определить, а практически каждый из нас будет впадать в миллион заблуждений до тех пор, пока методом проб и ошибок не поймет, что же полезно для души, а что вредно.

Общее правило таково: то, что мы делаем против любой своей страсти, полезно для нашей души, а если мы каким-нибудь образом служим своей страсти, то это для нашей души вредно. Есть и правило святых отцов: из двух добродетелей надо выбирать большую, а из двух зол — меньшее. Вот, например, что лучше: в храм пойти или больного посетить? Как здесь правильно поступить? Как раз в таких вопросах, которые нам жизнь задает, и проявляется, насколько мы преуспели в христианстве, потому что здесь важна рассудительность: нельзя ли отложить посещение больного на завтра? насколько он тяжело болен? зачем идти в храм именно сегодня? и так далее. Только оценив весь комплекс этой проблемы, помолясь Богу, чтоб Господь нас вразумил, мы можем выбрать правильное решение и тогда уже ничтоже сумняшеся поступим так, как Бог вразумил. На

каждый вопрос готового ответа нет, поэтому нам нужно постоянно упражняться, постоянно молиться, постоянно книги читать духовные, святых отцов, апостола Павла, который был мудрейший человек.

Вот, например, подходит ко мне человек и просит милостыню. Но одно дело, если у него нет рук или ног или он больной, не в состоянии работать; ему помочь — это моя святая обязанность. Другое дело, когда у человека здоровые руки и ноги и он может работать, но не хочет и пользуется слабостью и неразумием людей. Тогда, давая ему деньги, я не пользу ему приношу, а развращаю его. Так же и не всякое удовлетворение просьбы ребенка есть добро, чаще всего это бывает зло. Мама должна трезво рассуждать: зачем это ему надо? не прихоть ли это? нужно ли это? Мало ли что захочется! Ни в коем случае нельзя потакать всем желаниям.

Или ближайший пример: батюшка стоит, исповедует. Люди подходят, каждый думает только о себе, у каждого свои проблемы, свои желания: вот я решил проблему свою — мне хорошо, и я совершенно не думаю ни о ком, ни о чем. И человеку совершенно неважно, что за ним стоит две сотни человек. Батюшка поэтому поневоле торопится, а у человека возникает чувство, что священник нерадивый, недостаточно выполняет свой долг, хотя, наоборот, он-то как раз и старается каждому внимание уделить, постоянно взвешивает, у кого какая нужда, сколько в данный момент можно каждому времени дать, — то есть ему приходится постоянно учитывать весь комплекс нюансов.

Или как раз сегодня мы у апостола Павла читали, что жена должна слушаться мужа. Но вот муж говорит: дай мне денег, я пойду водку себе куплю. Как же должна поступить жена: давать или не давать? Это неизвестно. В каждом конкретном случае надо решать эту проблему целиком: каков муж? как на нем отразится, если я ему дам и если я ему не дам денег? присутствует ли в этот момент у нас дома кто-то еще? И так далее. Дать деньги на водку — это зло, но иногда не дать — зло еще большее. Поэтому надо поступать не по страсти: хочу давать, не хочу, — а рассуждать, все время думать, все время молиться, все время трезво оценивать ситуацию.

Духовная жизнь есть весьма сложная постоянная работа, а мы из-за своей лени привыкли действовать бездумно и во всем ищем готовые рецепты. Мы привыкли все делать автоматически. В воскресенье работать грех? Да, грех. Но если человек в яму провалился, что же, его не вытащить оттуда? А ведь это работа: надо спуститься, придется перепачкаться. А потом ведь грязный не будешь ходить, надо же и постирать. А стирать грех! И что теперь делать? Пускай он в этой яме протухнет? Подождем до понедельника?

Нам в руководство даны правила — заповеди Божии. Но вот в Писании говорится: «Прозящему у тебя дай», а есть такой памятник христианской письменности «Дидахи» — учение двенадцати апостолов, в древности его читали в церкви как Священное Писание, — и там сказано, что прежде, чем ты подашь милостыню, пусть она вспотеет в твоей руке. Ты должен думать, ты должен решать каждый раз задачу. Если не можешь решить, тогда блаженней, конечно, давать. Если не знаешь, давать или нет, лучше дай, потому что ты этим для своей души пользу, конечно, приобретешь. Но когда ты видишь, что твое даяние явно приносит вред, тогда лучше откажи. Пусть ты будешь не добреньким, пусть о тебе скажут нехорошо — это лучше, чем ты своими руками повредишь душу человека. Надо думать не о себе, не о том, что он про тебя скажет, не о том, как он на тебя посмотрит, не о том, обидится он на тебя или не обидится, потому что наша цель не человекоугодие, а Богоугодие.

Вот как это все трудно, как это сложно, но тем не менее эту проблему с нас Господь никак не снимает. Очень легко набрать себе правил: это можно, это нельзя. И в церкви только и слышишь: батюшка, а это можно? Как будто духовная жизнь — это сплошное «можно» или «нельзя». Нет, духовная жизнь совершенно иное. Духовная жизнь — это постоянная работа души, когда человек определяет, с помощью Божией, ища волю Божию, что ему можно, а что нельзя. Поэтому одному можно есть мясо перед причастием,

а другому нельзя; одному можно каждый день причащаться, а другому нельзя. Люди-то разные, и что позволено Юпитеру, то не позволено быку, как говорит латинская пословица.

А как же? А вот он? Да, ему можно, а тебе нет. И это надо очень трезво себе представлять. Но у нас нету работы души, нам лень, мы не хотим соображать, мы не хотим молиться, мы думаем только о себе, мы погружены в себя, и мы отыскиваем себе правила, чтобы нам было легче. А жизнь духовная — она очень трудна. И если мы хотим ее иметь, нужно, чтобы совесть наша обнажилась, чтобы она стала чувствительной, чтобы она кровоточила.

Ведь каждая заповедь Божия — это не просто предписание: выполнил инструкцию, и все в порядке. Нет, все эти инструкции фарисеи выполняли в совершенстве, а когда пришел Бог, они Его распяли. Поэтому если мы все наденем платочки, все будем в среду и пятницу мясо не кушать, а в воскресенье в церковь ходить — это очень хорошо, но для Царствия Небесного этого недостаточно. Для Царствия Небесного нужна еще духовная жизнь. Поэтому мы должны постоянно отвергаться себя и, что бы ни делали, должны думать и рассуждать о том, угодно ли это Богу и не вредит ли ближнему, не огорчает ли это его. И если мы последовательно будем думать не только о себе, а учитывать всю сумму наших человеческих общений, то постепенно наша душа будет приучаться к истинному, правильному устройению, и мы тогда познаем, что такое любовь. Потому что любовь познается в постоянном отвержении себя.

Мы сегодня читали: «Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с Ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам его». Каковы будут дела — так каждому Господь и воздаст. И если мы душу спасем от страстей и достигнем добродетелей христианских, то Господь нам воздаст по этим добродетелям. А если мы останемся в страстях, то нас никакие предписания не спасут. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
30 июля 1987 года*

Память святителя Амвросия Медиоланского

Те евангельские заповеди блаженства, которые мы сегодня слышали в храме, читаются ради памяти святого епископа Амвросия Медиоланского. Господь произнес эти слова впервые, сидя на горе, а народ толпился внизу, поэтому они называются Нагорной проповедью. Они являются центральными в Священном Писании, и на каждой литургии мы их поем — святая Церковь избрала их для пения третьего антифона, чтобы каждый христианин знал их наизусть. Но не только умом.

Почти все знают наизусть «Отче наш», но многие, повторяя эту молитву, не воспринимают, что там сказано, и не потому, что это какие-то уж очень мудреные слова. Нет, таково свойство падшего человеческого ума: он воспринимает только то, что ему близко и понятно, а мимо остального просто скользит. То, что человек не понимает, становится ему чуждым. Поэтому хотя слова мы и знаем, в душу нашу они часто не проникают. И нам нужно обязательно потрудиться умом своим, своей душой над ними, чтобы они вошли в нас.

Все люди стремятся к блаженству, просто все по-разному его понимают. А христианин блаженство должен понимать в смысле духовном. Каждый день во всех церквах поется о том, что «блажени нищии духом... блажени плачущии... блажени алчущии и жаждущии правды», блажени те, которых возненавидели за имя Христово,

блажени те, которых гонят за имя Христово; и что им надо радоваться, потому что велика их награда на небесах. Но как достичь этого блаженства, каков путь к нему? Почему Господь говорит: «Блажени нищие духом»? Нищий — это человек, который просит. Нищий духом — значит тот, кто не честолюбив, кто приобрел смирение, считает себя хуже всех, не превозносится, не тщеславится, понимает, что он человек не духовный, и просит Духа у Бога. Поэтому если мы стяжаем нищету духовную, то приобретем и Небесное Царство, познаем, что есть истинно духовное блаженство, блаженство пребывания с Богом.

Для того чтобы это в себе стяжать, есть единственный способ — стать учеником Христовым. Христианство — это не религия, потому что «религия» от слова «связывать», когда человек пытается как-то наладить связь с Богом. А в христианстве главным исповеданием является то, что Сам Бог пришел на землю. И Господь сказал: Я с вами пребываю до скончания века. То есть когда мы собираемся вместе, Господь пребывает здесь, с нами. И сейчас Он здесь. И душа каждого человека это чувствует, но чувствует тоже по-разному. Каждый может это вместить только в свою меру. Вот в чем самая главная трудность и проблема для нас.

Когда Христос ходил по Палестине, Его окружало множество людей, которые были в разном положении по отношению к Нему: три самых верных ученика — самый узкий круг; потом круг чуть пошире — двенадцать учеников, включая этих троих; потом еще круг — семьдесят учеников, куда входили жены-мироносицы, братья Христовы по плоти (дети Иосифа-плотника) и многие другие. Евангелист Лука, чье Евангелие мы сегодня читали, входил в число семидесяти. Был еще круг людей, которые приходили Его послушать или исцеляться от своих болезней — вот сегодня мы читали Евангелие о том, как очистились десять человек от проказы. И когда Христа повели на суд, все тоже вели себя по-разному: Иоанн пошел за Ним на двор первосвященника, другие апостолы убежали, Петр отрекся, а те, которым Господь проповедовал и которых исцелял, кричали Пилату: «Распни, распни Его!»

Вот так же и мы сейчас — толпа, окружающая Христа. Среди нас есть ученики Христовы самые верные, есть другой круг, третий, четвертый. Христа окружали не только ученики, а и враги, которые Его ненавидели. И среди нас есть такие, которые ненавидят Христа, хотя часто не отдают себе в этом отчета. Им-то кажется, что они любят Его, но на самом деле они являются Его ненавистниками, потому что те слова, которые говорил Христос, вызывают в них противную реакцию.

Все те, что кричали: «Распни, распни Его!», были глубоко верующими людьми. Глубоко верующими — только совсем не в того Бога, а совершенно в другого, противоположного. И когда пришел живой Бог, Он им не понравился, Он оказался им не по вкусу. Так и многим, кто приходит в храм, совсем не по вкусу заповеди Христовы: они живут по-своему, у них своя жизнь, свои представления. Христос сказал, например: «Блажени нищие духом». А враг Христов говорит: «Что это я буду перед ним смиряться? Он сам виноват, пусть он у меня первый прощение просит, потому что он меня первый обидел». Что это, как не вражда против Христа? Хотя такой человек может и в храм ходить, может и свечи ставить, и записки подавать целыми тетрадками, но проку в этом никакого нет, если он противится Его заповедям. Христос ему совершенно не нужен, ему нужно только удовлетворение собственного религиозного чувства.

Это чувство есть у каждого человека (им, собственно, человек и отличается от других творений), и его можно удовлетворять и в буддийском храме, и в мечети, и в синагоге, и в баптистском собрании. Везде, где люди собираются молиться какому-нибудь богу, они всегда удовлетворяют свою религиозную потребность. Религиозность — неотделимое свойство человека, как видеть семь цветов радуги или как пить, есть, спать и так далее. Сейчас, конечно, создался новый тип людей, абсолютно безрелигиозных, но это аномалия. Например, дальтоник видит только два цвета или человек безнравственный не различает

добро и зло. Вот так же и человек полностью нерелигиозный не чувствует, что есть над ним какая-то высшая сила. Можно сказать, что он уже даже и не человек, потому что потерял главное человеческое свойство.

Однако смысл существования человека не в его религиозности, и в ней нет какой-то заслуги. Человек получит мзду на небесах только в том случае, если он пойдет путем заповедей Христовых. Мы обязательно должны принять их всем сердцем, умом; вникнуть, что же Христос от нас хочет, для чего Он пришел на землю. Ведь не просто так Он сошел с небес, будучи Богом, стал человеком, столько всего претерпел, вплоть до самой смерти!

Господь пришел, чтобы основать Церковь. Он утвердил ее на Своей Крови. А чем Церковь отличается от любого собрания людей? Вот мы все собрались в храме и молимся, и в это же время в какой-то мечети люди тоже молятся. При первом взгляде можно сказать, что мы молимся все вместе, а там мужчины отдельно, женщины отдельно, или у нас мужчины без головных уборов, а там, наоборот, шапками голову покрывают. Но неужели в этом все дело? Нет, не только в этом, есть очень большая, принципиальная разница.

Христос основал Церковь и дал ей службу, Божественную литургию. Мы ее совершаем каждый день и на ней приобщаемся Христу как бы тремя разными образами.

Во-первых, мы молимся Ему, мы обращаемся к Нему — не только к Нему, а ко всем трем Лицам Пресвятой Троицы. Мы общаемся с Богом, говорим Ему некие слова: хор поет от нашего имени, а мы, сочетаясь с теми словами, которые поются, делаем их нашими молитвами, возносим Богу хвалу. И эта молитва никогда не бывает безответна, Господь нам отвечает.

Во-вторых, Господь к нам Сам обращается через Свое слово: вот мы читаем Евангелие, и слово Божие входит в нас, или не входит, или не все входит. И то, что мы сейчас прочли в Евангелии, ничем не отличается от того, что Господь произнес тогда; только сейчас мы по-славянски читаем, а Он по-арамейски говорил, вот и вся разница. То есть мы слышим слова Господни, и они имеют такую же живительную силу. И мы можем их либо принять, либо мимо пропустить.

И третье, самое главное. Каждый, кто слышал тогда в Палестине слова Христовы, мог подойти ко Христу, дотронуться до Его плеча, сесть у Его ног, мог Его видеть, Его осязать. И мы также можем покаяться в грехах, которые совершили, очиститься на исповеди от той грязи, которая налипла на нашей душе с прошлого воскресенья до сегодняшнего дня, попросить у Бога перед Крестом и Евангелием прощение — перед Крестом, на котором Он пролил за нас Свою Кровь, и перед Евангелием, в котором изложены заповеди, по которым мы должны жить и по которым мы не живем. Сравнивая свою жизнь с заповедями, которые нам Господь дал, и, видя, что она не такова, мы можем сказать: «Господи, Ты нас прости, Ты нам помоги, чтобы следующую неделю мы прожили лучше, чем эту; пусть мы сделаем маленький, но шаг навстречу к Тебе». И, принеся покаяние, мы можем тоже прикоснуться к Телу Божественному, к Телу Христа, и с нами тоже может произойти чудо.

В Евангелии мы читали, что Господь исцелил десять прокаженных от страшной, неизлечимой болезни. До сих пор не знают врачи, как не знали и в первом веке, как ее лечить. И тогда этих несчастных людей изолировали от общества, и сейчас их поселяют в специальный поселок, лепрозорий. Они там живут, между собой женятся, у них рождаются такие же прокаженные дети, и они там заживо гниют и умирают. Это страшное место, куда запрещен вход здоровым людям, потому что проказа очень заразна. Во времена Христа не было лепрозориев, и в этих бедняг кидали камнями. Они не имели права ходить по той же стороне улицы, что и остальные, а ночевать могли только за чертой города. То есть они страдали ужасно даже не столько от своей болезни, сколько от такого отношения к ним людей. Но тех, которые кидали в них камни, тоже можно

простить, потому что вдруг он приблизится слишком близко — и я заболею, и заболеет моя жена, заболеют мои дети, все мои родственники. Это очень страшно.

А Господь их спас. Они очистились совершенно, но пришел поблагодарить Его только один из десяти, самарянин, иноплеменник, еретик (остальные девять были иудеи). Вот и мы собираемся на Божественную службу причащаться Святых Христовых Тайн. Эта служба называется «Евхаристия» — «благодарение», и в ней, собственно, заключен весь смысл христианской жизни. Мы не можем Богу ничего дать, ничем Ему заплатить. Мы можем Его только благодарить — за то, что Он нас создал; за то, что мы все-таки родились, потому что и зачатых нас могли убить, но вот мы выжили; за то, что Он дал нам вырасти, мы не погибли; за то, что Он нам даровал святое крещение и мы получили возможность жизни вечной; за то, что Он нам дал веру.

Каждый из нас ее ничем не заслужил. Господь нас избрал и дал нам веру как дар. Сколько бедных неверующих людей в мире мучаются: не знают, как им жить, ходят в потемках, не имеют смысла жизни, страдают, гонятся кто за чем: кто за деньгами, кто за удовольствиями; разные-разные ищут себе приключения, чтобы насытить эту жажду. А нам Господь даровал эту драгоценность. И даровал нам Самого Себя в пищу, чтоб мы Им питались. Чем же наше сердце, наша душа, наш ум могут отвечать Богу на все его бесчисленные благодеяния? Только одним — благодарением.

Поэтому основное делание нашей христианской жизни, как это, может быть, ни странно звучит, есть причастие. Мы должны вновь и вновь приходить благодарить Бога, вновь и вновь соединяться с Ним. Хотя мы, конечно, недостойны этого, и Господь это знает, но Он для нас, недостойных и грешных, это установил. Чтобы, вновь и вновь прикасаясь к Нему, вновь и вновь слушая Его слово, вновь и вновь принимая в себя Его благодатное Пречистое Тело, наша душа умащалась и исцелялась от греховной проказы. Ничто, никакой дар мы не можем Богу принести, никакую жертву, кроме этой. И эта служба так и называется: бескровная жертва. Когда мы собираемся вместе совершать Божественную литургию, мы приносим Христу Богу жертву хвалы: «Милость мира, жертву хваления». Участие в этом есть то высшее, на что способна человеческая душа. И мы это тоже не сами создали — нам дал Господь. Он повелел: вот так Меня благодарите.

Таким образом и осуществляется наша связь с Богом, которой не имеет ни одна религия мира. Каждый христианин ежедневно может прикоснуться устами своими к живому Богу. Он не где-то там в неведомом, далеком небе, а рядом, Его можно ощутить. Мы говорим о Царствии Божием, о том, как его достичь. Но вот здесь, сейчас, в данный момент Царствие Божие пришло на землю, и каждый из нас призван к тому, чтобы с ним соединиться. Каждый из нас, очистив свою душу покаянием, насколько это возможно, может приобщиться к нему.

Но не всегда, когда мы причащаемся, мы чувствуем это небесное сочетание нашей души с Богом. Нам мешает наша суета, наша погруженность в грех. Мы соединяемся с Богом и на какие-то доли секунды ощущаем Его благодатное участие в нашей жизни, но потом как-то отвлекаемся, опять погружаемся в мирские заботы. Поэтому чем дальше мы пойдем по пути своего очищения, тем глубже будет наше соединение с Богом, пока мы не достигнем такой глубины обожения, когда сможем исповедать: Бог живет в нас.

Обязательно должен присутствовать наш шаг навстречу Богу. Если мы будем просто формально причащаться, мы ничего не почувствуем, наоборот, сожжем свою душу. Нет, надо обязательно с покаянием, обязательно с чувством понимания, кто мы и кто Он; обязательно постоянно сознавая свою отверженность от Бога, свое глубокое недостойнство, греховность, погружение в суету и уповая только на Его милость.

Как Он к нам милостив! Ни один из нас не может дерзать на это, но Сам Господь говорит: «Приимите, ядите... Пейте от нея вси». Не так: ты пей, а ты не пей. Нет: «Пейте от нея вси». Он для того и веру нам дал, чтоб мы причащались. Это угодно Ему, Он хочет этого, потому что так Он нас соединяет с Собой и друг с другом. Мы говорим: братья и

сестры! И наше братство и сестричество осуществляется именно в святом причастии, потому что мы все становимся одним телом. Берется Святой Агнец и раздробляется на много частиц, каждый из нас причащается их, и тем самым мы опять собираемся в этом Теле Христовом, в этом Агнце все вместе.

Поэтому это главное делание нашей жизни — то, что нас и освящает, и попаляет наши грехи, и соединяет нас с Богом. И где бы мы ни были, что бы мы ни делали, мы должны всегда об этом помнить и всегда к этому стремиться. Каждый из нас должен жить одной Евхаристией, к ней одной стремиться. Только таким образом можно достичь блаженства, только таким образом можно достичь Царствия Небесного. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
20 декабря 1987 года*

Вечерняя служба под Дмитриевскую родительскую субботу

Сегодняшняя родительская суббота была установлена князем Дмитрием Иоанновичем Донским после битвы на Куликовом поле. Вид погибших воинов — а погибло несколько десятков тысяч человек — ужаснул и тронул его сердце, и он решил установить специальное поминовение усопших перед днем памяти Дмитрия Солунского, покровителя всех воинов и своего небесного покровителя, предстательством которого остался живым в такой страшной сече. Поэтому в субботу перед Дмитрием Солунским мы поминаем всех павших воинов, а вместе с ними и остальных наших усопших сродников. Это стало русской традицией, ни в одной Церкви мира такая служба не совершается, только в России и там, где живут русские люди.

За последние десятилетия наш народ очень одичал. Это по всему чувствуется: и по тому, как в храме себя ведут бесчинно, и, самое главное, по тому, что никто своей веры православной не знает. Мы стали хуже, чем войско Мамай, с которым сражался князь Дмитрий. В этом отчасти наша вина, отчасти и не наша. Не наша, потому что не мы с вами церкви ломали, а наша, потому что, дожив до седых волос, мы так и не поинтересовались, в чем же состоит вера православная.

Всякая вера начинается с того, что человек задумывается о смерти. Первый раз это происходит в самом юном возрасте. Когда ребенку исполняется три-четыре года, он приходит в недоумение: а что с ним будет потом? Начинает спрашивать у взрослых, но обычно ему никакого ответа не дают, и этот вопрос потом забывается, маленький человек перестает об этом думать. Причем когда мы были детьми, у нас не было страха перед смертью. Он появляется потом, когда люди начинают покойников бояться и бывают подвержены всякой прочей глупости. Это происходит от того, что человека пугает всякая неизвестность. Поэтому, не зная, что его ждет после смерти, он начинает бояться смерти.

Раньше, не так еще давно, люди умирали на руках у своих родственников. Сейчас нет, сейчас так устроено, что человек обычно умирает в больнице и у родных нет возможности ни обмыть покойника, ни обрядить, они получают уже готовый гроб с телом. Поэтому мы с этим таинством смерти непосредственно не сталкиваемся и не видим, как происходит момент смерти. А на самом деле видеть, как человек умирает, для души очень полезно. Александр Васильевич Суворов говорил: «Тяжело в учении, легко в бою». Если мы увидим, как люди умирают, то начнем задумываться: а сам-то я как буду умирать?

Смерти бывают разные: люди верующие, а тем более святые умирают совсем не так, как люди безбожные или маловерующие. Вот Лев Николаевич Толстой всю жизнь ломал голову, почему крестьяне так легко и хорошо, со спокойной душой умирают: чувствуя

приближение кончины, позовет человек своих детей, благословит их, скажет, как распорядиться имуществом, сложит руки на груди, вздохнет два-три раза, и душа отходит. И Толстой все бился над этим вопросом, никак не мог его разрешить. Его удивляло, почему простого мужика ничто не мучает, голова его ни о чем не болит, душа его совершенно спокойна, он не кричит, не плачет, не говорит: доктор, спасите меня! почему вы меня не лечите? За горло никого не хватает, а отходит спокойно. В чем основа такого спокойствия? Основа — в глубокой вере в Бога и в глубоком знании того, что с ним будет потом. Человек знал, куда он отправляется. И нам это тоже очень полезно знать.

Что же такое смерть, как она происходит? Смерть наступает в тот момент, когда останавливается сердце. Часто бывает, что мозг перестает действовать — а человек живет, любой орган выходит из строя — человек еще жив, если же останавливается сердце, то человек мертв. Дело в том, что в сердце находится душа человека. Каждый из нас состоит не только из тела: костей, мышц, сухожилий, кожи, внутренних органов, — у нас есть душа. Это легко доказать: вот человек живой, сердце его бьется, он смотрит на нас, может даже с нами говорить. Прошла одна секунда — и он умер. Что в нем произошло? Кости те же, мышцы те же, кровь та же, мозг тот же. Что случилось? Душа от тела отошла.

И наши мысли, чувства, отношение к людям, молитва — это не есть продукт тела, но именно души. У лошади тоже тело есть, но она не мыслит и не чувствует, и нет у нее таких впечатлений, как у людей, нет у нее молитвы, потому что у нее нет бессмертной души, которая есть у человека. Этим-то человек и отличается от животного. А если у человека душа погибла, то он превращается в животное. И мы это очень часто наблюдаем: когда люди теряют Бога, теряют свою божественную, духовную сущность, они очень быстро превращаются в высокоорганизованных, но все-таки животных и живут как животные; им только поесть, поспать, какие-то удовольствия получить, отработать свое — ну совсем как рабочий скот. Никаких мыслей, только посмеяться, повеселиться, выпить, закусить и все. Хотя что-то божественное в человеке все-таки еще сохраняется, речь например, правда, она становится очень примитивной: пятьдесят матерщинных слов и несколько глаголов, и с помощью этого человек объясняется. Так и обезьяну можно научить тридцати-сорока словам.

Но вернемся к смерти. Вот мы умерли, сердце перестало биться, и душа от тела отошла. Что с нами в этот момент происходит? Оказывается, мы можем видеть свое тело — то есть у нашей души есть и глаза, и уши. И все наши эмоции, все наши чувства, весь наш разум, оказывается, находятся не в уме, а в душе. Поэтому, когда душа от тела отходит, она продолжает и мыслить, и чувствовать, и жить. И после смерти тела она наблюдает ту комнату или улицу, где нам Господь привел помереть. Если мы в больнице умрем, душа увидит, как вокруг нас засуетятся врачи; а если это случится ночью, то услышит, как наши соседи начнут кричать, звать нянечку, медсестру. Потом тело накроют белой простыней и на каталочке в морг повезут — душа это увидит, и увидит то, что в морге происходит, как делают вскрытие нашего тела.

После смерти человека его душа получает способность проникать в суть вещей, поэтому она будет не только слышать все разговоры между родственниками, детьми, племянниками, зятьями, но даже будет ощущать то, что они думают. Она увидит, как они делят наши ковры, как ругают нас за то, что мы не успели с ними съехаться, как стремятся первыми деньги с книжки снять. Потом увидит безобразную сцену поминок, когда все соберутся, начнут водку пить, салаты есть. Вот говорят, что на поминках не чокаются, потому что чокается считается весельем, а на поминках нужно, дескать, грустить. Но когда выпьют рюмку-другую, грусть пройдет, начнется веселый разговор и про покойничка забудут. А душа наша в этот момент будет очень страдать, потому что все мы люди грешные и, когда нас похоронят, душа пойдет по мытарствам и будет очень нуждаться в молитве тех людей, которые остались на земле. А люди эти какой-то ерундой

занимаются: тратят деньги на венки, которые никому не нужны, на покупку всяких снедей, водки.

Может, даже кто-то из наших родственников придет в храм: вот у нас человек умер, что надо сделать? Ему скажут: платите столько-то за сорокоуст. А что такое сорокоуст? Никто не знает. Слышали только: сорокоуст, помянуть, заказать, заплатить. Заплатил человек, взял пакет с песком, взял молитвы, ему объяснили, что венчик надо покойнику на лоб положить, а молитву в правую руку — это называется заочно отпеть. Но деньги-то заплатили, а молиться никто не молится. Молиться будет дядя там, в алтаре, который покойника не знает. Ему все равно, что Марья, что Дарья, потому что от всей души он может молиться лишь за того, кого знает. Это только святой, который духом своим проникает в тайны жизни другого человека, — только он может так молиться за незнакомого. Но святых угодников не пруд пруди, это крайне редкое явление. Поэтому усопший будет нуждаться в молитве, но ее не дождется.

И вот душа пойдет по мытарствам, полетит по страшным испытаниям. Как существо духовное, душа человека является носителем разных духов. Господь Иисус Христос, Который создал всех нас, хотел бы, чтобы душа наша была наполнена Духом Святым, но, к сожалению, у нас она наполнена не святостью, не благодатью, а гордостью, завистью, сребролюбием, любовью к вещам, жадностью, осуждением, клеветой, болтливостью, всяким хамством, непочтением. И бесы, которые населяли душу в течение жизни, будут стараться утянуть ее в преисподнюю. И многих туда утянут с помощью прельщения — с болтливым заговорят; блудливого постараются склонить к блуду; кто любил поесть, попить, будет соблазнен видимостью еды; кто имеет сильное пристрастие к родственникам, к деткам своим, тому деток покажут, он к ним ринется и так далее.

У человека духовного должна быть одна возделенная мысль — соединиться с Богом. А у нас этого нет. Вот сегодня, видите, сколько народу собралось усопших помянуть. Потому что очень любят своих родственников: маму, папу, дедушку, бабушку, мужа, дитя. Плохо ли? Очень хорошо. Но придите в воскресенье — вы увидите гораздо меньше народу, потому что Бога воскресшего любят гораздо меньше. К папе, маме любовь гораздо сильнее, чем к Самому Богу. Значит, если наши папа с мамой в аду, то и мы тогда будем в аду вместе с папой и мамой обниматься, а Бога не встретим.

Самое главное, чему нас Господь хочет научить, — любви к Богу. И если бы мы к Богу устремились, то могли бы и Бога достичь, и папу с мамой из ада преисподнего своей молитвой вытащить. Но Господь нам такую возможность предоставляет, а мы не хотим. Мы о Боге и не задумываемся, нам важно только эту земную жизнь прожить, чтобы на земле все было хорошо, чтобы никто не болел, чтобы нас никто не обижал, и все шло у нас гладко. Вот к этому мы стремимся и всё пытаемся нашу жизнь устроить. Пытаемся устроить — а у нас ничего не получается, все разрушается, а потом так и помираем ни с чем: и в этой жизни ничего не достигли, и небесная жизнь у нас проходит сквозь пальцы.

Бога и Царствия Небесного достигнет, пройдет мытарства только тот человек, который любит Бога больше всего: больше своей жизни, больше, чем маму с папой или чем своих деточек и внуков, больше, чем телевизор, собственное брюхо, свои наряды, — больше всего на свете. Что рядом с Богом ни поставь, человек всегда выбирает Бога. Поэтому Господь и говорит, что только таких есть Царствие Небесное.

Многие из нас, когда умрут, будут очень разочарованы, потому что каждый себя считает верующим человеком. Но не всякая вера спасает от грехов, а только такая, когда человек жизнь свою посвящает Богу. Хорошо, что мы за родственников молимся, это говорит о том, что мы люди добрые, что у нас совесть есть. Это всё задатки хорошие, но их надо еще дальше развивать, надо устремляться к Богу, надо заповеди Божии исполнять.

Хорошо ли, что мы родственников любим? Хорошо. Но надо, чтобы мы и Бога любили, потому что надеяться нам не на что: молиться за нас абсолютно некому, мы, кажется, последнее поколение церковное. Пусть каждый придет домой и подумает: кто за

меня, когда я умру, будет молиться? Прийти, помянуть, заочно отпеть, чтобы чужой дядя в алтаре помолился, — это еще, может быть, для кого-то сделают. А чтобы ходить в церковь, просить: очисти, Господи, его от грехов, прости ему все, что он сотворил. Вот так с любовью молиться, да чтобы еще тот, кто молится, был Богу угоден, чтобы его молитва еще до Бога дошла — есть у нас такие? Нету. Спрашивается, почему же мы тогда время теряем, почему мы не ходим каждый день в церковь, почему мы до сих пор не выучили наизусть Священное Писание, заповеди Божии? Почему мы до сих пор не начали постов соблюдать? Почему живем как во сне? Разве мы не знаем, что люди умирают? Знаем. Значит, нам никакого оправдания нет, потому что мы нарушаем основную заповедь Божию.

Господь сказал: первая заповедь — возлюби Бога своего всею душою своею, всем умом своим, всею крепостию, всем своим существом. Мы все должны устремляться к Богу, а мы к Богу равнодушны. Вот мама умерла — мы плачем, папа умер — плачем, сыночек, не дай Бог, умер — вообще убиваемся. А то, что душа наша в аду пребывает, то, что мы Бога не знаем, не знаем еще, что такое Дух Святой, об этом мы не плачем, не убиваемся. Но по покойникам-то плакать, оказывается, грех. Не положено по покойникам плакать, это не православный подход, это нехорошо. Некоторые нарочно напоказ стараются кричать, чтобы люди сказали: о, как она маму любит. А любовь-то не в этом выражается. Любовь выражается в том, что родителей надо чтить при жизни, помогать им. А то мама где-то там жила неизвестно где, а потом умерла — и начинают слезы лить. О чем же лить? Тогда расставались на месяцы, не виделись — и теперь расстались на некоторое время. Какое же тут горе?

Рыдать над покойником есть тяжкий грех еще и потому, что Бог Сам знает, кого когда забрать; кому надо девяносто пять лет прожить, чтобы осознать всю свою жизнь, а кому хватит и двух: родился, два года пожил и помер. Господь Сам знает, кому в Афганистане быть застреленным, а кому приехать из Афганистана и здесь умереть через месяц. Так тоже бывает: всю войну прошел, слава Богу, а дома умер уже после победы, десятого мая погиб. Потому что не от человека зависит, когда ему умереть.

И вот умер человек, а мы начинаем плакать, убиваться. Что это значит? Значит, мы не согласны с волей Божией. Бог человека забрал, а мы, видите ли, плачем, нам не нравится, мы кричим: за что? почему? мог еще пожить, врачи такие-сякие, не спасли! Как будто от врачей зависит, сколько человеку жить. Врач пытается помочь, сделать, что там по учебнику положено: при такой болезни такие таблетки, при другой — другие. Опухоль — значит, что надо? Операцию. Разрезали, отрезали, а уж выздоровеет ли, это от Бога зависит. Один и тот же палец у одного месяц заживает, а у другого три дня. Что Бог дал, кому сколько надо поболеть, тот столько и поболит. Поэтому убиваться, плакать по покойнику — это грешно, нехорошо, это и Бога очень оскорбляет. Но самое тяжелое впечатление получает та душа, по которой убиваются.

Я не люблю отпевать: отпеваем покойника, поем, стараемся, чтобы было слаженно, стараемся в каждое слово душу вложить, а люди вокруг черные платочки наденут, стоят сонно так и ждут. Ни слова не понимают, ни один не перекрестится, и только суета: куда эта пошла? кто будет холодец варить? кто чего первый понесет? какие венки? То есть молиться никто не молится. Получается, что покойник нужен только батюшке. Но ведь все слова, которые в отпевании сказаны, направлены именно к тому человеку, который стоит рядом и должен молиться.

И нам надо глубоко об этом задуматься. Не только во время родительской субботы, а почаще стараться размышлять о смерти, особенно о своей. Каждая душа человеческая после смерти пребывает в той обители, которой она сподобилась в результате своей жизни. Что заслужил, то и получаешь. Поэтому от того, как мы здесь живем, зависит наша участь там. Есть такое понятие: Страшный суд. Все об этом слышали, любой школьник, любой журналист это знает. А что такое Страшный суд, почему он будет, от чего это

зависит? Это зависит от того, как люди на земле молятся. Пока есть еще святые угодники Божии, которые молятся за весь мир, мир стоит. Таких угодников Божиих очень мало, меньше, чем пальцев на обеих руках, но их молитва сдерживает гнев Божий, который мы своей жизнью заслужили — и мы сами это понимаем.

Вот фашисты напали на нашу землю — мы, естественно, понимаем, что всю эту фашистскую нечисть нужно истребить, с лица земли стереть. Потому что это не люди, они дошли до самого последнего зверства, до которого можно дойти. Их никто не звал, они пришли, убивали, причем не просто убивали, а зверски: жгли в печах, душили в газовых камерах. Понятно, что у нас родилось чувство справедливого гнева. Поэтому мы встали на войну, мы смогли их победить ценой очень большой крови: на одного немца десять русских положили, но все-таки прогнали. А теперь другая война идет, но о ней никто не задумывается, ни один борец за мир ни в одной речи никогда об этом не говорит. Немцы за четыре года убили двадцать миллионов человек — значит, по пять миллионов в год убивали. А у нас в стране ежегодно убивают восемь миллионов, и не какие-то фашисты, гитлеры, а матери своих собственных детей в своем чреве, что ни одному гитлеру в голову бы не пришло. Ни один фашист до этого не додумается, а современный русский человек дошел до такого осатанения, что убивает совершенно спокойно: а, подумаешь, аборт. Никто, ни птица, ни кошка, ни собака, до такого зверства не дойдет, а человек доходит.

Что с нами за это нужно сделать? Есть ли на свете такая казнь, которой нужно нас казнить? Даже если нас живьем сжечь, то этого будет мало. Почему до сих пор на нас небо не упадет, луна почему нас не раздавит? Именно потому, что еще находятся люди, которые молятся Богу. Но их становится все меньше. Даже в церкви: люди вроде верующие, а посмотри, как они живут. Вот мы пришли сегодня в храм молиться Богу, покойников наших поминать, мы все верующие. А чем наша жизнь отличается от жизни людей неверующих? Ничем, ни внешне, ни внутренне. Спрашивается, сколько же Господь может это беззаконие терпеть?

Мы видим: люди уже настолько озверели, что, конечно, Страшный суд будет, это совершенно очевидно. А перед этим придет антихрист и станет единым правителем над всем человечеством. Все народы объединятся, никаких войн не будет, будет дружба. Тот мир во всем мире, за который все борются, наконец, наступит — мир антихриста. Все будут кричать: ура! да здравствует! Наконец-то мы освободились от войн! — антихриста прославлять. А этот человек будет дьявол во плоти, и его правление продлится всего три с половиной года. Потом, в середине его царствования, начнется страшный голод, и люди будут просить, чтобы он их накормил, а он скажет: а что я могу сделать? это не от меня зависит. Таким образом Господь даст понять, что жизнь зависит не от этого правителя, а только от Него.

И тогда некоторые действительно к Богу повернутся, но основная масса все равно будет Его проклинать, как и сейчас прокликает. Люди сами грешат, а Бога во всем обвиняют: почему это Он допускает войны? почему это Он допускает смерть младенцев? почему это Он нас так создал, что мы такие плохие? Все на Бога сваливают. Бог сделал человека прекрасным, а люди все изуродовали, все превратили в помойку, и, вместо того чтобы себя обвинить, покаяться, они во всем Бога обвиняют. Так же и при антихристе будут небеса проклинать, а потом осатанение дойдет до того, что возненавидят христиан, начнут их гнать, мучить и убивать. Когда же скорбь христианская достигнет предела, Господь с силою и славою многою сойдет на землю и тех, кто ни на какие податки антихриста не согласился и сохранил верность Богу, соберет, а остальных от Себя отринет. И благодать Божия, в такой силе пришедшая на землю, воскресит всех людей, живших от Адама. Мы так и поем в Символе веры: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века».

Некоторые говорят: а как же все воскреснут, где они поместятся? На самом деле до нас жило не так-то много людей. Сейчас на земле живет пять миллиардов человек, и умерло тоже пять миллиардов, чуть больше. Поэтому если все воскреснут, на земле тесно не станет, а будет гораздо просторнее, чем сейчас в Китае, мы эту прибавку даже и не заметим. И вот тогда уже произойдет окончательный суд и окончательное разделение. Одни пойдут в вечное Царство блаженства со Христом — те, которые Богу угодили, и те, которые не очень Богу угодили, но которых мы с вами вымолили: молились, просили прощения их грехов, и Господь их помиловал. Вот эти все пойдут в радость вечную, а остальные, которые Бога отвергали, не выполняли Его святых заповедей, — те пойдут в муку вечную.

Когда мы с вами умрем, до Страшного суда у нас еще останется время. И если за нас будут молиться, то по молитве Церкви наша участь может измениться. Но после Страшного суда ничто не изменится, поэтому он и называется страшным — потому что он окончательный. Поэтому если за нас некому молиться, надо нам вот что сделать: найти какого-то человека и облагодетельствовать его так, чтобы он всю жизнь о нас помнил. Мы всё на сына, на дочь, на племянника, на внука надеемся, а Господь сказал: тот, кто слушает слово Божие, тот Мне и сестра, и брат, и мать. Поэтому мы и обращаемся к церковным людям: братья и сестры. Хотя по крови-то мы все разные, по крови мы не родственники, но у нас есть нечто общее — дух. Это же гораздо важнее. И на наших деточек мы не можем положиться именно потому, что по телу мы родственники, а по духу — чужие люди. Поэтому любой верующий человек нам часто гораздо ближе, чем эти самые родственники. Значит, когда мы так о деточках да о внучках излишне печемся, мы делаем величайшую глупость. Лучше бы мы больше пеклись о братьях по вере. Тогда, может быть, они за нас и помолились бы. Как в притче о домоправителе, который мудро поступил — вот так же и мы можем найти себе друзей «богатством неправедным», чем-то человека отблагодарить, как-то ему помочь.

Поэтому если у нас молитва плохая, если мы не способны вникнуть в заповеди Божии, мы можем делать добро. Каждая собака и кошка чувствует, что такое добро, и каждый человек это понимает. И надо нам стараться как можно больше делать добра, чтобы, когда мы умрем, как можно больше людей о нас вздохнуло: Господи, какой хороший человек умер! И вспомнили нас добром, и помолились о нас хотя бы один разочек. Представляете, если за нас один разочек помолются десять человек? Как хорошо! А если за нас два разочка помолются сто человек? А если в течение пяти лет на каждой родительской нас будут поминать тысяча человек? Неужели тысяча человек не умолят Бога за одну душу? Умолят, упросят. Скажут: он, может, и нагрешил, но Ты его прости, ведь сколько же он добра сделал: и мне, и тому, и тому...

Поэтому, пока у нас еще есть такая возможность, пока время есть, надо стараться все время добро делать, да так обильно, чтобы у человека, которому мы его делаем, аж дух захватывало, чтобы он никогда в жизни этого не забыл, чтобы его это ошеломило, чтобы он всю жизнь нас как благодетелей вспоминал. Недаром мы молимся о родителях, о духовном отце, наставниках и благодетелях. Хотя мы люди грешные, и мало чего понимаем, и многие уже к учению и не способны, но у нас остается вот это великое дело — будем стараться делать добро, чтобы через это приобретать себе молитвенников. Иначе жуткая участь нас ждет, просто жуткая. Недаром Господь такие слова подбирал: геенна огненная, огонь неугасимый, червь неусыпающий, — чтобы мы поняли, что это все не шуточки, это все очень серьезно. Пройдет еще немножко времени, несколько лет, и мы в этом убедимся на сто процентов.

Так что, если у нас есть хоть какая-то вера, надо обязательно к жизни своей относиться очень серьезно. А мы все порхаем, все телевизор смотрим, все стираем, все готовим, как будто это самое главное. Нет, обязательно надо задумываться. Голова дана не чтобы шапку носить или платок, а чтобы думать: вот я сейчас живу — а вдруг завтра

умру, и что потом? И каждый день надо так задумываться: с чем я к Богу пойду? на что я жизнь свою потратил? Да, вспомнил, какое-то добро я сделал. А зла сколько?

Недаром картина Страшного суда изображается в виде весов. Конечно, весов никаких не будет, но пусть каждый подумает: что на этом суде перевесит: то зло, которое он натворил в мире, или добро? Допустим, мы облагодетельствовали сто человек — и в своем чреве убили одного ребеночка. Вот это убийство перевесит то добро, которое мы сделали, или нет? Сколько нужно детей из детского дома взять и воспитать, чтобы перевесить ту кровь, которую мы пролили? Кто это взвесит? Ведь сколько бы ты добра ни сделал, мертвого-то уже не воскресишь. Так как же нам нужно молиться, как же нам нужно просить, как же нам нужно умолять, сколько нужно в церковь ходить, как нам нужно грехи смывать! А мы всё спим, всё спим, а время-то идет, каждый день мы всё старимся, сосуды наши ветшают, сердце становится все более восприимчивым к болезням. Еще немножко, и мы умрем, душа отлетит. И что начнется?

Поэтому хорошо, что мы пришли за родственников помолиться, но нужно подумать и о себе, ведь о нас думать никто не будет. Будем молиться, будем задумываться, будем почаще в храм ходить. И если кто еще способен, его здесь научат, в чем заключается православная вера, как нужно верить правильно, что такое: православная. Верующих-то много. У любого на улице спроси: Бог есть? Есть. Но это ничего не значит, потому что спроси у сатаны: Бог есть? — он тоже скажет: есть. Сатана, значит, тоже верующий, и любой бес тоже верующий. Но бесы и сатана Царствия Божия не достигнут. Поэтому все эти верующие, которые веруют в душе, никогда в Царствие Божие не войдут, ни один. Придут, а им скажут: мы вас даже и не знаем. Вы в душе веровали — вот так в душе в Царствие Небесное и войдете, а на самом-то деле нет. Потому что на работу ходите не в душе, зарплату получаете не в душе, обедаете не в душе. Вот возьми и неделку в душе покушай. Или захотел поспать — в душе поспал, а сам сидишь и работаешь. Нет, мало, надо поспать, надо поесть, надо попить. А Бог — это, значит, так, это можно в душе?

Поэтому надо ходить в храм почаще и учиться православной вере. Еще не поздно. Раз мы живы, значит, Господь не потерял надежду. Потому что человек умирает в самый благоприятный момент своей жизни: либо он уже достиг самой большой благодати, которой мог, и тогда Господь его прибирает, либо Господь просто останавливает этого

человека, потому что видит, что дальше будет хуже. Поэтому раз мы еще живы, Господь нам оставил еще какое-то время, значит, Он надеется, что мы сможем исправиться. Поэтому надо стараться времени не терять. Надо бросить все и заниматься только своей душой, а всем остальным — постольку-поскольку, если у нас останутся на то силы. Потому что ну будешь ты академиком, будешь министром, детям по машине купишь — и что толку, если самого главного-то нет? Машина есть, а веры нет, любви нет, исполнения заповедей Божиих нет. Спрашивается, зачем все это железо? Удобно, конечно, и на рынок съездить, и на работу, но это ведь не главное. К машине неплохо бы еще веру иметь. Сама машина не грех, но, когда она идет впереди заповедей Божиих, это уже плохо. Значит, не о том человек думает.

С прихожанами

Прежде всего, каждый день, каждый час мы должны думать о своей душе, в каком она состоянии, близко ли она к Богу или далеко. И если мы будем об этом думать, наша жизнь будет меняться к лучшему. Господь нам в этом поможет, лишь бы сумели проснуться.

Почему я так долго говорю? Не потому, что надеюсь, что вы с завтрашнего дня все переменитесь. Но хоть бы одного удалось пробудить из ста — и то было бы величайшей наградой. Господь мне это тоже в заслугу поставит: сам, дескать, грешит, а вот человеку сумел рассказать, объяснить. Может, и мне какие грехи простит.

И надо нам всем все время стараться что-то для Господа сделать, послужить как-то Господу, каждому на своем месте. Тогда наша жизнь изменится. Поэтому, братья и сестры, то, что мы молимся за наших усопших сродников, это очень хорошо и очень правильно, это дело богоугодное. Но все-таки надо не забывать и о своей душе. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
4 ноября 1988 года, вечер*

Суббота седмицы 30-й по Пятидесятнице

Господь нас создал по образу Своему и по подобию. А поскольку Господь — это есть Святая Троица, то нам также присуща троичность, которая наблюдается во всем. Например, человек состоит из тела, души и духа, хотя он часто этого даже и не знает. Некоторые доходят даже до того, что отрицают существование души и считают, что состоят только из одного тела — и практически так, собственно, и получается порой.

Если мы долгое время будем только сидеть или лежать, то по прошествии нескольких месяцев наши ноги атрофируются, мы уже ходить не сможем, нам придется учиться этому заново. Если нам завязать глаза и в течение года не давать смотреть на Божий свет, а потом внезапно повязку снять, то мы ослепнем, потому что глаза отвыкли от света, атрофировались. И так происходит со всем, что касается нашего тела, с любым органом. То же самое и с душой. Если душа человека не действует, то она постепенно атрофируется, она как бы засыпает и исчезает. То же самое и с духом. Дух — это самая важная, бессмертная часть нашей души, которая должна быть обращена к Богу. А большинство людей, живущих на земле, совершенно не пользуются этой главной частью своей души, она никак не действует. Поэтому дух как бы умирает в человеке, и он превращается в животное — сперва разумное животное, а потом уже и неразумное. Действительно, иногда смотришь на человека и думаешь: почему же он так неразумно поступает? А именно потому, что душа его и дух деградировали.

В зависимости от того, какая сфера в них развита, люди так и называются: духовными, душевными или плотскими. Человек, который пренебрегает жизнью телесной и душевной, развивает в себе сферу духовную. Он не думает о том, во что ему одеваться, что есть, пить, какие ему книжки читать, какой сегодня фильм по телевизору. Его это абсолютно не волнует. Его волнует только то, угодил ли он Богу, как он исполняет заповеди Божии, есть ли у него возможность сегодня в храм пойти. Он жаждет постоянно причащаться Святых Христовых Тайн, он любит читать слово Божие, святых отцов, любит молиться — то есть его интересует только духовное. Такого человека называют духовным.

Тот, кому все равно, что есть, что пить, во что одеваться, но кто любит душе своей доставлять всякие удовольствия: хорошую книжку почитать, хорошую музыку послушать,

хороший фильм посмотреть, с хорошим человеком побеседовать, — это человек душевный.

А есть люди плотские, которым не интересны ни книжки, ни музыка, ни молитва, ни Евангелие, ни Церковь, ни причастие. Им только есть, пить, одеваться: как я выгляжу, да что бы такое повкусней, получше поесть, да что бы на себя такое покрасивее, потеплее, поинтересней надеть — забота только об этом, только этим живет человек.

Царство Небесное — это царство духовное, и в него входят только люди духовные, потому что плотского и душевного человека Царство Небесное не интересуется. И вот Господь пришел на землю для того, чтобы разбудить в людях духовное, чтобы возродить человеческий дух, чтобы человек опять устремился к Богу, к Небу. И если у кого-то из людей, живущих на земле, дух проснется, то он может войти в Царство Небесное, но не сразу, потому что сперва нужно победить в себе плотское, а потом и душевное. Победить — это не значит уничтожить. Нет, победить — значит подчинить себе. Дух, как самая высшая и самая важная часть нашего существа, должен повелевать и душой, и телом. И если человек победит свою плоть и свою душу, отвернется ее, он опять придет к первоначальному состоянию, станет таким, каким создал его Господь, а значит, он сможет достичь Царствия Небесного.

Зачем люди обычно приходят к Богу? Человек привык для своей души делать только благо, чтобы ей было хорошо — и вдруг на душе у него появляется какая-то тяжесть, душа начинает страдать. Тогда он и обращается к Богу: в церковь идет или просто начинает молиться. Или человек по плоти страдает: заболело что-то у него самого, или у сына, или дочери, и его интересуется избавление от плотских, телесных страданий. Тогда он тоже к Богу идет, потому что часто обратиться просто больше некуда. И вот приходит человек к Богу, а Господь-то ему говорит совершенно о другом: голубчик, твое душевное страдание и твое телесное страдание связано с тем, что ты дух свой забыл и потерял. Давай лучше послушаем о Царствии Небесном. Может быть, тебя это как-то и заинтересует. Может, ты задумаешься о своем бытии, о том, как ты живешь?

Но большинство людей приходят в церковь совершенно не потому, что им Царствие Небесное нужно. Нет, кому отпеть, кому крестить, кому помянуть, кому избавиться от душевной боли, кому избавиться от телесной болезни — у каждого до Бога своя нужда. И когда Господь наш Иисус Христос по земле ходил, тоже многие люди к Нему обращались: у кого кровь течет двенадцать лет, кто парализованный тридцать восемь лет, у кого дочь бесноватая, у кого сын умер, — то есть всякие скорби людские. И Он всем помогал.

И сейчас люди, которые приходят в храм, чтобы избавиться от скорбей, получить облегчение для своей души и для своего тела, конечно, это получают, потому что духовное в человеке пробуждается только тогда, когда он убедится, что Бог благ и любит его. Человек попросит: избавь меня от болезни — и Господь дает облегчение, а у человека в душе от этого рождается благодарность. Потому что ну не все же осатанели до такой степени, что даже и благодарности у них нет. Господь помог — и, естественно, человеку хочется что-то сделать для Бога в знак благодарности. Это естественное чувство. И вот именно с того момента, когда у человека рождается благодарность к Богу, начинается жизнь духовная, потому что человек уже не себе хочет, не для себя хочет Бога использовать, а стремится сам что-то сделать для Бога. И когда он задумывается, чем же он может Богу угодить, то узнает, что, оказывается, Богу-то ничего от нас не нужно. Богу нужно только одно: чтобы мы все вместе с Ним были в Царствии Небесном. И Он хочет нас этому научить. Но научить можно только того, кто желает учиться.

Кто имел дело с детьми, например в школе преподавал, знает: если ребенок не хочет учиться, то заставить его невозможно. Единственный способ его к учебе привлечь — это возбудить в нем интерес к данному предмету. И Господь тоже хочет в нас возбудить интерес к данному предмету. Я сейчас почитаю из Евангелия, и, может быть, кто-то заинтересуется, в сердце проснется какое-то святое желание. Это, конечно, вряд ли, но

все-таки надежда есть, раз мы пришли в этот день в церковь, Господь нас сюда привел, из всего города именно нас выбрал, такую небольшую кучку людей. Здесь кучка, во Владыкино маленькая кучка, на ВДНХ, в Свиблово — вот мы в разных церквях собрались, каждый для какой-то своей нужды, а Господь нам предлагает Свое учение о Царствии Небесном.

«Чему подобно Царствие Божие? и чему уподоблю его? Оно подобно зерну горчичному, которое, взяв, человек посадил в саду своем; и выросло, и стало большим деревом, и птицы небесные укрывались в ветвях его». Вот как Господь объясняет: Царствие Небесное начинается в человеке с маленького зерна — с того момента, когда в человеческом сердце рождается благодарность Богу. Зерно горчичное — это самое маленькое из всех семян, какие только существуют. Если мы зерно посадим и будем на него глядеть, мы не увидим, как оно растет. Но если посадим и придем через месяц, мы увидим маленький росточек. Так же и Царствие Небесное — оно не сразу растет, оно растет постепенно. Постепенно человек начинает молиться, хотя еще, может быть, слов молитв не понимает, но постепенно, с годами до него доходит все больше и больше. Постепенно человек начинает в церковь ходить — сначала редко, потом чаще, а потом каждое воскресенье. И у него возникает даже потребность ходить каждый день. Он начинает это любить и уже страдает от того, что из-за житейских забот вынужден от церкви отлучаться. И желание послужить Богу растет, растет: человеку уже не хватает молитвы, он желает чаще причащаться, он хочет постоянно читать Священное Писание. Потом он и этим насытиться не может. Он хочет уже и ближним своим помогать. И ему уже не хватает собственных детей, внуков, он уже и соседу хочет помочь, а потом и совсем чужому человеку и так далее и так далее — растет в нем Царствие Божие, растет, как дерево.

И сказано: «птицы небесные укрывались в ветвях его». Что за птицы небесные? Это христианские добродетели. Когда в человеке вырастает Царствие Божие — в душе его, потому что Царствие Божие внутри нас, — тогда птицы небесные христианских добродетелей поселяются в его сердце, начинают жить в ветвях Царствия Небесного. В человеке вдруг откуда ни возьмись начинает проявляться терпение, смирение, кротость, послушание, молитвенность, рассуждение и много всяких замечательных качеств, которых не было, но постепенно, постепенно они начинают вырастать. И он из преступника — из преступившего все заповеди, раздражительного, злого, полубесноватого человека — начинает преображаться. Он становится совершенно иным, но, конечно, на это уходят годы, как и дерево растет годы. Поэтому Господь привел именно этот образ, как растет Царствие Божие в сердце человека. Но бывает, что семечко-то лежит, но прорасти не успело: его птица склевала. А бывает, что его и сорняки заглушили. А бывает, что кто-то ногой наступил на росток, и он исчез. Так и с нами бывает.

«Еще сказал: чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло все». Три меры муки — это дух, душа и тело. А закваска что такое? Закваска — это желание угодить Богу. И вот возьмем мы муку, замешаем, положим туда закваску и будем смотреть — но увидим, что ничего не происходит. А если мы отойдем на час, то, вернувшись, увидим, что тесто уже вываливается из кастрюли, то есть незаметно, постепенно все пережарилось. Вот так и у человека не сразу все подчиняется жизни духовной. Это преображение бывает постепенно: уходят постепенно из жизни всякие телесные, душевные удовольствия, это все становится ненужным. Человек устремляется только к Богу, только в Царствие Небесное.

«И проходил по городам и селениям, уча, и направляя путь к Иерусалиму. Некто сказал Ему: Господи! неужели мало спасающихся? Он же сказал им: подвизайтесь войти сквозь тесные врата, ибо, сказываю вам, многие поищут войти, и не возмогут». Когда

Господь открывал Свои уста, Он говорил только о Царствии Божиим. Он не говорил, какие нужно лекарства употреблять, чтобы не болеть; как нужно деньги в оборот пустить, чтобы был большой прибыль, — Он этому не учил. Он учил только Царствию Небесному. И вот, когда Он это все рассказывал, один человек говорит: «Господи! неужели мало спасающихся?» Потому что совершенно очевидно, что людей, которым Царствие Божие действительно нужно, очень мало. А Господь сказал: подвизайтесь войти тесными вратами.

Почему тесными, почему путь в Царствие Небесное очень тесный? Почему Господь сказал, что верблюду сквозь игольные уши легче пройти, чем войти в Царствие Небесное? Да потому, что все ненужное придется отбросить. А этого ненужного у нас очень много. Если посмотреть, из чего наша жизнь состоит: сколько лишнего времени мы теряем, сколько сил, на что мы тратим свой ум, свои глаза, свои уши, свою жизнь. На что? На всякую ерунду, а помимо этого еще и просто на грех. Вместо того чтобы к Царствию Небесному идти, мы идем от Царствия Небесного. И от этого всего дурного придется избавляться. Поэтому путь в Царствие Небесное узкий, настолько, что надо все греховное с себя снять — и только тогда мы сможем туда протиснуться.

«Когда хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в дверь и говорить: Господи! Господи! отвори нам; но Он скажет вам в ответ: не знаю вас, откуда вы. Тогда станете говорить: мы ели и пили пред Тобою, и на улицах наших учил Ты. Но Он скажет: говорю вам: не знаю вас, откуда вы; отойдите от Меня все делатели неправды. Там будет плач и скрежет зубов, когда увидите Авраама, Исаака и Иакова и всех пророков в Царствии Божиим, а себя изгоняемыми вон». Почему так Господь говорит? Потому что многие из нас просто не успеют. Жизнь человеку дана для того, чтобы он постепенно сбрасывал с себя лишнее, ненужное, все время взращивал в своем сердце Царствие Небесное. А мы? Обычно человек палец о палец не ударяет. Где-то там церковь существует, где-то там служба идет, где-то Священное Писание лежит на столе, где-то есть молитвенник, иконы, где-то добродетели христианские, а нас это не волнует, нас интересует только своя жизнь: вот моя работа, вот моя квартира, вот мои дети, вот мои внуки, вот моя программа по телевидению. Надо заложить, купить, продать, съездить, полечиться, отдохнуть, новое платье сшить — масса проблем. Так много, что уходит десять лет, двадцать, тридцать, а Царствие Небесное в нашем сердце все не растет и не растет.

А жизнь наша очень коротка. Сейчас у мужчин она сократилась до пятидесяти пяти лет, у женщин до шестидесяти пяти — семидесяти, то есть предельно коротка. Причем если раньше человек умнел к девятнадцати годам, то теперь в двадцать пять лет мужчина еще ребенок, только к тридцати годам что-то в голове проясняется, он более-менее становится взрослым — а уже в пятьдесят пять умирать. Значит, сколько осталось на жизнь? Двадцать пять лет. За это время какое дерево можно вырастить? Если сосну посадить, она за такой срок станет только в руку толщиной — это если начать выращивать. А если нет? Тогда вообще ничего не будет.

И вот жизнь проходит в грехе, и двери для человека затворяются — человек умирает. Происходит разрыв его состава: тело отдельно, душа и дух отдельно. В таком состоянии человек уже ничем не может себе помочь, бывает поздно. И если он жил только плотью — что ему теперь делать? Плотская жизнь исчезла, его плоть сейчас черви едят. Если он жил душевной жизнью — где его теперь книжечки? где его магнитофончики? где родная природа? искусство? где все, чем он жил? Ничего этого там нет. Чем же ему жить? Только страданием и плачем: что я делал? зачем я жизнь свою загубил? У телевизора просидел, хоккей просмотрел или всю жизнь кастрюлями прогремел, тортов испек полторы тысячи штук, а толку-то в этом нет никакого. Поэтому будет плач и еще скрежет зубов — остается только зубами скрежетать в бессильной злобе, потому что кого еще винить, как не самого себя? Церкви-то открыты, Священное Писание издается, молитвенники —

пожалуйста, молись, душу свою исправляй, стремись к Царствию Божию. Но все это было неинтересно, поэтому ничего в душе нет: нет любви к Богу, нет желания Царствия Небесного. Ну а на нет и суда нет.

Потому Господь и говорит: «И придут от востока и запада, и севера и юга, и возлягут в Царствии Божиим. И вот, есть последние, которые будут первыми, и есть первые, которые будут последними». Многие из тех, кто с детства веруют и с детства в храм ходят как попало, через пень-колоду, в Царствие Небесное никогда не попадут. А попадут туда другие люди, которые, может быть, сейчас и в церковь-то не ходят, еще, может быть, у них и веры нет, но которые, уверовав, отбросят все и начнут серьезно заниматься спасением своей души. Человек в последние годы своей жизни может уверовать, опомниться — и за этот короткий срок успеет вырастить в своем сердце Царствие Небесное.

Как этого достичь? Вот мы посадили семя — что теперь нужно делать, чтобы оно выросло быстрее, чтобы усилить его рост? Надо, забыв обо всем, все время за этим семенем ухаживать, нужно землю рыхлить, нужно его постоянно поливать, окучивать, если возможно, сделать какую-то теплицу, постоянно удобрять. А что значит рыхлить землю своего сердца? Это значит постоянно вырывать из своей души всякие грехи, всякие сорняки — то, что выросло в результате нашей жизни. Что значит землю поливать? Это постоянно орошать душу слезами покаяния, все время каяться в своей прежней жизни, в своих прежних грехах. А удобрять? Это в землю нашего сердца всаживать слово Божие, все время читать Евангелие, все время молиться, все время причащаться. Все время, постоянно только так трудиться, забыв обо всем: о том, как ты выглядишь, что тебе есть, что пить, — имея одну вожделенную цель, Царствие Небесное. Тогда Господь увидит: о, какой человек, все бросил, все оставил и желает только Царствия Небесного. И Господь такому человеку поможет, и за оставшуюся жизнь Царствие Небесное вырастет в его душе.

А если мы будем просто лежать, то под лежащий камень вода не течет. Поэтому многие из нас, верующих в Бога, когда умрут, будут очень опечалены, потому что Царствие Небесное перед их носом затворится. Они будут стучать и говорить: Господи, ну как же так? Куличи мы пекли? Пекли. Яйца красили? Красили. Пост, ну не всегда, но иногда-то соблюдали? Соблюдали. Раз или два раза в году причащались? Причащались. Молитвы хоть изредка читали? Читали. Родителей в церкви поминали? Поминали. Все вроде делали. Почему же Царствие Небесное закрывается? А Господь скажет: Я вас не знаю даже, кто вы есть. Почему же Господь не знает, ведь Он вездесущ? Да потому, что познать можно только, войдя внутрь, а внутри-то у нас и не было Царствия Небесного, внутри-то у нас и не было благодати Божией. Потому мы и остались для Бога непознанными, потому и терпим урон, что жили только для себя.

И вот Господь нас учит, а уж воспримем ли это, извлечем ли из этого какую-то пользу — это от нас зависит. В Царствие Небесное входят только желающие, причем желающие беспредельно, настолько сильно желающие, что Господь сказал: блаженны только те, кто алчет и жаждет праведности. Вот если ты алчешь и жаждешь, как будто по пустыне шел две недели и не ел, не пил, — если так хочешь Царствия Небесного, тогда получишь. А если так не хочешь, то не получишь ничего. И очень скоро, по прошествии десяти, пятнадцати, двадцати лет, в этом убедишься: что и жизнь прожил зря и бесполезно, и все муки и страдания тоже прошли попусту. Вот Господь нам это объясняет и рассказывает. Хотим — верим, хотим — нет. Верить — войдешь в Царствие Небесное, не веришь — как прочие человецы, погибнешь в геенне огненной. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
24 декабря 1988 года*

Суббота седмицы 3-й по Пасхе

Христос воскрес!

Господь сказал: «Сие заповедаю вам, да любите друг друга». Вот какая дана нам заповедь. Поэтому, когда мы оказываем нашему ближнему какую-то нелюбовь (а это очень часто бывает: между нами возникают и ссоры, и свары, и взаимное раздражение, и гнев, и обиды), мы всегда должны помнить о том, что этим мы обижаем не только человека, которому говорим сердитые слова, мы еще нарушаем заповедь Божию. Мы этим самым идем против Бога, совершаем тяжкий грех, потому что за каждого человека Кровь Христа пролита, каждый человек достоин любви. Поэтому, когда мы нарушаем этот закон, то помимо того, что портим отношения с нашим ближним, нарушаем еще отношения наши с Богом: когда мы грешим против нашего ближнего, Господь отворачивается от нас.

Кто-то скажет: а если ближний ко мне плохо относится и сам вызывает меня на гнев? Да, так бывает, но нигде в Евангелии не сказано, чтобы ближний нас любил. Сказано, чтобы мы любили, а уж как к нам будут относиться, это от нас не зависит. Мы не можем сделать так, чтобы все нас любили, потому что все люди разные. Обязательно кто-то будет нас любить, кто-то к нам будет равнодушен, а кто-то нас будет не любить. Бывает даже, что нас кто-то ненавидит, но это не значит, что мы должны этому человеку отвечать ненавистью. Господь сказал: «Любите врагов ваших».

Зачем Господь дал нам заповеди? Чтобы мы постигали, каков Бог. Вот сейчас солнышко сияет над Москвой, облачков нет и не жарко. И от этого хорошо всем: и тем, кто в данную минуту грабит чью-то квартиру, и тем, кто сейчас в вытрезвителе, и тем, кто на дороге вымогает взятку, — всем солнышко сияет. Господь его дает и хорошим и плохим, и злым и добрым, потому что Он милостив. Он, конечно, каждого вразумляет в свое время, каждого учит, каждому посылает какие-то обстоятельства, чтобы человек опомнился, но Его милость распространяется на всех. Поэтому если мы хотим достигнуть Царствия Божия, мы должны поступать по-Божьи, то есть оказывать друг другу любовь. А если не оказываем, значит, мы грешим.

Дальше Господь говорит: «Если мир вас ненавидит...» А это часто бывает. Например, один человек в семье верующий, а остальные неверующие — понятно, ненависть: куда ты пошел? опять молиться? дома дел полно; заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет. Разные разговоры бывают, потому что у человека это раздражение вызывает, ненависть, злобу. И Господь нам повелел не сердиться на этих людей, потому что они не понимают, что они говорят, не понимают, что они делают, против Кого идут; они не понимают, как они тяжело согрешают, и, самое главное, не понимают, что им за это будет. Поэтому мы должны их жалеть.

И вот Господь говорит: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел». Первый христианин на земле был Иисус Христос. А как Он жил? Его все время гнали, все время обижали, на Него все время клеветали, Его предали, избили, оплевали, Его убили. Вот что Он получил. А за что? Мертвых воскрешал, голодных кормил, плачущих утешал, бесноватых исцелял, слепым давал глаза — вот Его дела. Никто не мог сказать, что Он кого-то обидел, кому-то зло принес. Нет, Он показал образ кротости, любви, смирения, терпения, прощения, нежности, любви. Поэтому когда мы встречаем такое отношение, надо вспоминать: мы христиане. У нас крест на шее есть? Есть. На кресте Кто изображен? Распятый наш Господь. Если уж с Ним, нашим Господом, нашим Господином, так поступили, то с нами, рабами Его (если мы действительно рабы Божии), как должны поступать? Точно так же, ничего другого мы от мира не увидим.

Значит ли это, что мы должны быть как злые собаки? Нет. Господь сказал: «Я посылаю вас, как овец среди волков». А у овцы такая участь: ее дерут на части, ее едят, а она — нет, она никогда не огрызается, зубы не скалит, с волком не бодается, она терпит. Вот так и мы должны с любовью относиться ко всем. Потому что наши страдания здесь, на земле, какие бы они тяжелые ни были: болезнь ли, нападение родственников, знакомых, непонимание на работе, еще какие-то скорби, — но мы должны понимать, что это все временно, Господь нас через это испытывает.

Дальше Господь объясняет: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир». Вот почему. Если бы мы были мирские люди, то мир бы любил свое. Человек всегда любит свое. Вот дети наши, даже если они нехорошие, невоспитанные и плохо к нам относятся, а мы все равно их любим, потому что это свое. Поэтому если человек злой, жестокий, нет в нем любви, он, конечно, любит такие проявления и везде. Он хочет, чтобы был «порядок»: половину людей пересажать, пьяниц всех перестрелять, наркоманов удавить, сумасшедших в газовую камеру — всех распределить. Поэтому ему хочется, чтобы опять был Сталин. Ему говорят: да он сто миллионов человек удушил. Нет, все равно было хорошо, потому что тогда на две копейки что-то подешевело. Для него главное — не люди, а главное, что что-то подешевело. И человеку нельзя ничего объяснить, потому что это свое, родное, близкое, хотя жестокое и злобное, — поэтому он это и защищает. А наоборот, кроткое, то, что с любовью, что со смирением, он отвергает, ему это ненавистно. Это все понятно и естественно: каждый выбирает себе по вкусу, по сердцу своему. По этому люди все так и распределяются, что одни Богу служат, другие — дьяволу. Тут уж ничего не сделаешь.

И дальше: «Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше. Но все то сделают вам за имя Мое, потому что не знают Пославшего Меня». То есть не знают люди Бога, поэтому и ненавидят друг друга, поэтому и зло творят.

«Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем». Да, до пришествия Христа Спасителя, пока эти слова не были сказаны, человек мог оправдаться: а я не знал. Допустим, мне сделали зло — у меня сразу желание ответить на зло злом. И кто-то из нас до сегодняшнего дня, пока в храме не был, может быть, этих слов Христовых никогда не слышал и думал, что раз мне сделали плохо — так и я сделаю плохо. Раз человек со мной не разговаривает — и я с ним не буду. Мы люди грешные, и поэтому у нас естественно рождается в душе такое мстительное чувство. Но с сегодняшнего дня ни один из нас, кто сегодня в храме был и эти слова слышал, уже никакого извинения не имеет. И на Страшном суде Господь скажет: вот помнишь, ты ответил злом на зло. А ты знал, что это делать нельзя? Знал. А почему делал? Кто «знал волю господина своего... и не делал по воле его, бит будет много; а который не знал, и сделал достойное наказания, бит будет меньше».

Большинство людей думают, что достаточно веру иметь в душе, и хватит. Но вот человек пришел в храм, и ему сказали, что в храм нужно ходить каждое воскресенье. Пока ты не знал, ты имел извинение в своем грехе. А теперь ты знаешь и, когда пропускаешь воскресную службу, значит, ты грешешь сознательно. Одно дело, человек шел, поскользнулся, оперся на стекло и выдавил. Это один поступок. Другой поступок, когда человек берет камень и бьет это стекло нарочно. Ответственность разная. Даже в суде: умышленное убийство — один срок, неумышленное, случайное убийство — совсем другой, гораздо меньше. Тоже убил человека, тоже плохо, тоже жалко, но все-таки это случайность, оплошность или халатность, а не намеренное же убийство.

Поэтому Господь и говорит: Я пришел в мир и проповедовал, теперь уже никакого оправдания себе не будете иметь. Поэтому каждый раз, когда мы приходим в храм и узнаем какую-то божественную истину, заповедь Божию, она нас просвещает, наша жизнь

становится лучше, если мы исправляемся. А если нет? Тогда мы подвергаем себя большому осуждению, потому что с не знающего ничего и спрос меньше. Поэтому если мы ходим в храм, мы должны постоянно улучшать свою жизнь: то, что мы услышали, то, что мы усвоили умом, надо принять и сердцем и обязательно в своей жизни исполнить — иначе будем грешить.

«Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего. Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня и Отца Моего». Некоторые говорят: религий много, а Бог один. Хорошо, но если человек, принадлежащий какой-то другой религии, идет против Христа — а Христос есть Сын Божий, — следовательно, он идет и против Отца Небесного. Кто ненавидит Сына Божия, тот ненавидит и Отца. Действительно, кто бы утерпел, если бы его ребеночка во дворе обижали, истязали? Нет, мы вышли бы и заступились. Или как бы мы поверили такому человеку, который бы сказал: я тебя люблю и уважаю, а сына твоего ненавижу? Мы бы эту любовь не приняли. Поэтому все веры, все религии на земле, которые отвергают Сына Божия, отвергаются и Отцом Небесным. Потому что одни люди поклоняются Творцу, Отцу Небесному, Который послал Сына Единородного, а другие только думают, что они Ему поклоняются, а на самом деле давно уже служат дьяволу. Поэтому многие люди, верующие в душе или исповедующие другую какую-то религию, пребывают в полной уверенности в своей правоте, но на самом деле уже давно уклонились с пути. Вот человеку в лесу завяжи глаза, покрути его вокруг своей оси, сними повязку и скажи: теперь иди домой. А он и не знает, где дом, пошел в какую-то, как ему показалось, нужную сторону, а на самом деле — совсем в противоположную. Поэтому Священное Писание есть для нас компас, который указывает нам правильную дорогу.

«Когда же придет Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца, Дух истины, Который от Отца исходит, Он будет свидетельствовать о Мне; а также и вы будете свидетельствовать, потому что вы сначала со Мною. Сие сказал Я вам, чтобы вы не соблазнились». Господь говорил о Духе Святом. И действительно, когда человек верует только головой, ему кажется, что все веры одинаковы. А различает истину человек на самом деле сердцем. И если в нашем сердце поселится благодать Святаго Духа, она нас научит различать, где правда, где ложь, как нам правильно поступить в том или ином случае, — всему нас научит. А путь к этому идет через очищение от греха.

Вершина всех добродетелей есть любовь, и если мы не научимся любви, то все напрасно. Вот как апостол Павел говорит: если ты слышишь пение ангелов, если ты знаешь все человеческие языки, если ты имеешь такую молитву, что можешь горы переставлять, если ты знаешь все тайны, от тебя ничего не сокрыто ни на земле, ни под землей, ни на небе — все знаешь, полное имеешь знание, если даже самого себя ты отдашь на сожжение, если ты все, что имеешь, нищим раздал, но если ты не имеешь любви, никакой тебе в том пользы нет, никакой. Вот это главное, потому что Бог есть любовь.

Ведь все люди братья и сестры, все произошли от Бога, все произошли от Адама, все мы — одно, а у нас даже в семье и то свары. А что уж говорить, если это сосед или человек из другого дома? А в некоторых городах сейчас дерутся квартал на квартал. Чего не поделили мальчишки? Дерутся, убивают друг друга, ненавидят. Человек с другой улицы или человек другой национальности — уже надо его убить. За что? Я как-то подсчитал: у нас в храме прихожане пятнадцати национальностей. Что нас всех собрало? Только не национальность, не кровь — собирает Дух Христов, Дух любви. Какая разница: негр, малаец, китаец? Главное — причастен ли человек Сыну Божию, научился ли он любви.

Господь пришел на землю, чтобы всех людей объединить в любви. Поэтому когда мы нарушаем этот закон, мы нарушаем главный закон вселенной, закон всемирного притяжения. Этот закон действует даже в материальных телах. Его Исаак Ньютон, замечательный богослов и математик, открыл. Это закон всемирного тяготения друг к

другу. Тяготение существует даже между неживыми телами: книгу отпусти — она падает, она притягивается к земле. И только человек, в сердце которого вошел грех, отделяется; он хочет от людей отойти, отстраниться; они все его раздражают, они все ему мешают. Если ему что-то не нравится, он стремится все переделать по-своему — и причем каждый хочет устроить на свой лад. Ему не нравится, что другой человек не так живет, не так одевается, не так говорит. Он хочет всех заставить, все переиначить, а из-за этого скандалы, драки, ссоры, убийства.

Освящение куличей

Ведь никто, ни одно насекомое, ни одно животное, так страшно не живет, как человек. Потому что все слушаются закона Божия: и птичка, и деревце, и мушка любая. Как Господь пчелку научил мед собирать, так она и собирает; от начала до конца исполняет так, как Господь положил. Трутень, матка, рабочая пчела — у каждого свое задание. Пчелка не завидует трутню: что ж ты, мол, ничего не делаешь, не работаешь, а мы тут должны работать. Или матка сидит одна — ишь ты, какая королева! Нет, везде порядок, ни зависти, ни злобы, каждый занят своим делом. Если опасность угрожает, защищают все, жизнью жертвуют ради детей, ради яиц, которые отложили, ради меда, который оставили потомству. А люди? А люди совсем не так: только злоба, зависть, ненависть.

Поэтому если мы хотим жить по закону Божию, нам надо это зло преодолеть — и не в ком-то, а в себе. Обычно мы осуждаем других: этот плохой, тот плохой, все кругом плохие. Так и говорят: какие люди пошли, какие все стали плохие, какие все стали злые. А ты посмотри на себя в зеркало, какой ты-то сам? Начинать искоренять зло надо с себя. Победишь зло в себе — тогда сможешь победить в своем дитяти. Смотришь: и ребенок твой зло в себе победил. Потом за детьми другие члены твоей семьи потянутся, потом соседи по лестничной клетке, потом подъезд твой, весь дом, весь твой квартал, потом район, город, вся страна твоя, потом весь мир. Только так, постепенно, только с себя.

Вот Господь явил образ этой любви ученикам, они приняли, и это пошло дальше, дальше — и уже весь мир покрылся церквами. А потом люди стали от Христа отступать, стали церкви ломать; кино, вино, домино — только этим и начали жить. Поэтому единственное наше спасение в том, чтобы опять вернуться к закону Божию. А он заключается только в одном слове: любовь. Все заповеди сводятся только к одному: люби Бога всей своей душой и люби ближнего своего. Вот в этом весь закон и заключается.

Но иной говорит: я Бога люблю. Да как же ты Бога любишь, если в церковь не ходишь? кто же тебе поверит? Или: мамочка, я тебя люблю, ты у меня самая родная! А что же ты мне не мог позвонить два месяца? Разве это любовь? Машину свою больше любишь, чем меня: пропадаешь в гараже с утра до вечера. Так значит, твоя любовь-то там, потому что где сокровище человека, там и его сердце. Кто что любит, тот к тому и тяготеет.

Поэтому надо нам свою жизнь всю переделать. У нас, конечно, нет этой любви. А как ее достигнуть? Мы же не можем ее выжать из себя. Нет, это все постепенно. Надо учиться смиряться, надо учиться друг друга терпеть, надо учиться обязательно прощать. Вот это и значит оказывать любовь. Человек нехорошо по отношению ко мне поступил, чем-то меня раздражил или пьяный опять пришел. Кому же на пьяного приятно смотреть? Тяжело, конечно. Во-первых, ты же любишь-то трезвого, а приходит совершенно другой человек. Тебе, естественно, это не нравится, тебя раздражает и запах плохой, и поступки, и вид какой-то глупый, противный. Но что толку, если ты будешь на него свою злобу выливать?

Что это вызовет? Скандал: ты его ругаешь, он тебя. В результате сvara, драка, слезы, разделение. Ну, так для начала промолчи — я уж не говорю, возлюби человека, прости ему все до конца. Но помолчать можно? Хотя бы с этого начни.

И вот так потихонечку можно себя научить видеть в человеке прежде всего добро. Тогда и любой пьяница скажет: вокруг меня такие прекрасные люди, никогда мне слова худого не сказали, никогда меня ничем не укорили, а я, негодяй, пью. Да его совесть замучит, он раз выпьет, два выпьет, а потом уже не сможет. Раньше он говорил: какие скандалистки, вот я от этого и пью. А когда дома мир, тишь, покой, ему будет самому стыдно того состояния, которое он испытывает. Только совесть может человека заставить, но никак не ругань. Никакой руганью ничего никогда не достигнешь, это просто бесполезно. Потому что она не убеждает, она только человека отталкивает и пугает, больше ничего. Маленького ребеночка можно еще воспитать; когда он не понимает, можно ему наподдать, ничего в этом страшного нет, если с любовью. Но взрослого человека разве можно воспитать? Вот у нас есть исправительно-трудовые учреждения. Что, разве там воспитывают? Нет, там людей уродуют, они выходят из тюрьмы хуже, чем пришли туда. Ушел в тюрьму вор, пришел убийца. Спрашивается, кому это нужно?

Говорят, надо наказания ужесточать. Да это только большее зло родит: чем ты хуже к человеку отнесешься, тем больше в нем пробудится злобы. А на самом-то деле к преступнику, как к человеку больному, нужно относиться с гораздо большей любовью, если мы хотим, чтобы от него была польза. Изоляция, конечно, должна быть, потому что иной не может себя никак управить. Выпустить его — он обязательно набезобразничает. Конечно, надо его изолировать. Но надо ли его бить? надо ли его истязать? надо ли плохо кормить? лишать переписки с родственниками, свиданий, телевизора? надо ли лишать его книг? Нет, конечно, в тюрьме должна быть изолированная от всего общества, но вполне нормальная жизнь, как у всех, с добром, с любовью. Даже больше должна быть любовь в тюрьме к человеку, чем он имеет на заводе, дома. Почему люди преступниками становятся? Рождаются-то ребеночки все хорошими. Маленький в колясочке лежит, ножками дрыгает, «агу» говорит. А вырастает через пятнадцать лет зверь зверем: отца ненавидит, от матери бежит, делает только одно зло. Всего за пятнадцать лет он превратился в чудовище. Спрашивается, кто виноват? Мы. Мы не научили его любви, поэтому он стал зверем.

Вот из-за этого вся наша жизнь такая тяжелая, и страшная, и мрачная. Поэтому нам надо это глубоко понять. И если мы поймем, жизнь вокруг нас начнет преображаться. Но это преображение должно начаться с нас самих. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
20 мая 1989 года*

Всенощное бдение под перенесение мощей святителя Николая

Святитель Николай и Иоанн Богослов — два великих угодника Божия, которые прославились своей любовью и к Богу, и к людям. Их память совершается подряд: вчера праздновали память Иоанна Богослова, а сегодня — святителя Николая, который святой Церковью приравнен к апостолам: каждый четверг богослужение совершается в честь святых апостолов и святителя Николая. Таким образом, духовное значение этого угодника Божия приравнивается к славе апостолов.

Святитель Николай, так же как Иоанн Богослов, исполнил Новый Завет, свой завет с Богом, и достиг совершенной любви. И благодаря этой любви он имеет большое дерзновение ко Господу, то есть он дерзает молиться и своей молитвой склоняет промысл Божий. Действительно, когда человек болеет, и мы молимся за него, и он выздоравливает, это понятно и естественно. Но такие великие угодники, как святитель Николай и Иоанн Богослов, могут и мертвых воскрешать. То есть Господь уже решил: этому человеку должно умереть, — но по молитве Своего угодника Он изменяет решение, изменяет Свой промысл. Такая дерзновенная молитва бывает только у тех, кто близко стоит к Престолу Божию.

Обычно, когда какой-то новый человек приходит в храм, первым делом он идет к иконе святителя Николая. Часто человек ничего не знает из Евангелия, ничего не знает о Христе, не знает ни одной заповеди — но знает, что святитель Николай помогает, и поэтому ставит ему свечку, неумело крестится и, оглядев всех вокруг, уходит домой. Почему люди приходят к святителю Николаю? Потому что от него всегда бывает помощь, он очень скор на слышание, он очень добр и милостив. Поэтому когда у нас есть к Богу какая-то нужда, нам всегда нужно заручаться и молитвенной помощью Николая угодника, взывая к его доброте, чтобы к нашей молитве он присовокупил и свою. И тогда наша молитва как на крыльях полетит к Богу, если мы, конечно, святителя Николая упросим.

Этот угодник Божий был очень прост по своей жизни, не имел ни выдающегося образования, ни особенно знатного рода, и единственно, чем прославился, — это тем, что он все время творил добрые дела. А после своей блаженной кончины он сотворил еще гораздо больше, чем при жизни, поэтому его слава такая огромная, поэтому его русский народ так и возлюбил.

Ведь это удивительно: о чем ни попросишь, святитель Николай сразу дает. Почему же человек, у которого такое милующее сердце, имеет дерзновение в молитве? Из этого мы можем извлечь и для себя духовную пользу. Дело вот в чем: любовь, которую человек имеет в сердце, — свойство Божие. Поэтому чем больше у кого-то любви, тем больше он уподобляется Богу, а чем больше он уподобляется Богу, тем он ближе к Нему.

В Евангелии есть один эпизод — и Господь сказал, что о нем будет возведено по всей вселенной, где бы ни было проповедано Евангелие: пришла грешная женщина и, возливая миро на ноги Спасителя, плакала о своих грехах и отирала Его ноги волосами своими, как полотенцем. Многие сидящие вокруг возмутились: зачем же миро, которое стоит дороже золота, так бессмысленно выливать? не лучше ли его продать, выручить за него много денег, а эти деньги раздать нищим, голодным, чтобы накормить много людей? Но Господь сказал: «Оставьте ее... Она доброе дело сделала для Меня, она приготовила Меня к погребению». Господь знал, что Ему скоро надлежит умереть, и жены-мироносицы не успеют умастить Его тело по восточному обычаю. Поэтому промыслом Божиим так устроилось, что эта женщина самое драгоценное, что имела, принесла в дар Ему, своему Спасителю. И Он сказал ей: иди, за то, что ты возлюбила много, прощаются тебе грехи многие.

Любовь попадает грехи в сердце человека. Всякий грех, которые мы с вами совершаем, воздвигает между нами и Богом стену. Вот некоторые люди говорят: никакого Бога нет, мы в Него не веруем. Почему так? Не потому, что их никто вере не научил; не потому, что они каких-то книг не прочли. Таким людям можно и книги давать, и кино показать, перед ними можно и чудо совершить, хоть мертвого воскресить — но с ними ничего не произойдет, потому что Бога человек видит сердцем. И если сердце его погружено в грех, он ничего не увидит. Когда мы ныряем в мутную воду и открываем глаза, там увидеть ничего нельзя. Только в прозрачной воде видно: вот камушки, рыбки плавают, водоросли какие-то на дне. Так и Бога узреть может только чистый сердцем. Поэтому большинство людей неверующие не потому, что их не научили, а потому, что

они живут нечестиво; их сердце наполнено грехом, поэтому они не чувствуют Бога. А когда сердце свободно от греха, любой человек, даже если ему не рассказывать ничего о Боге, обязательно будет Его чувствовать. Это неизбежно.

В прошлом веке один немец решил сделать опыт: воспитывать своего сына изолированно от божественных книг, от общения с верующими людьми. Мальчик не имел никакого понятия о Боге, слово «Бог» в доме не звучало. И тем не менее однажды отец застал его в саду, когда он, обратив лицо к солнцу, молился. Никто его этому никогда не учил, это было строжайше запрещено — и все-таки ребенок пришел к Богу, потому что он был чист, у него не было греха, и поэтому он Бога познал.

Иногда говорят: он хороший человек, но неверующий. Но это невозможно. Да, он может хорошо себя вести, быть хорошим семьянином, уметь держать себя в руках, выпивать умеренно и не курить; при хорошем воспитании его можно научить правилам приличного поведения — но его греховность обязательно проявится в гордости, пусть даже внешне это будет никак не заметно. Потому что только гордость, гордыня человеческая застилает человеку Бога.

И чтобы избавиться от греха, чтобы покрыть свой грех, надо нам уподобляться святителю Николаю и делать побольше добрых дел. От этого наше сердце будет оттаивать от греха. Потому что если мы рассмотрим свою жизнь, то увидим, что мы в основном все делаем только для себя. Могут возразить: я еще детям делаю, маме, папе. Но это все равно для себя, потому что дети, мама, папа — это все равно твое, продолжение тебя, тут нет никакой пользы другим. Некоторые утешаются тем, что они на работе какую-то большую пользу людям приносят, хотя на самом деле это все абстракция. Господь сказал: «Возлюби ближнего», то есть окажи ему любовь. И любовь нужна не абстрактная — вот ты создал какую-то машину, а ей кто-то там пользуется. Но ведь он не ощущает тепло твоей души, пользуясь тем, что ты создал, а человеку нужно именно оказать любовь, дать ему тепло своей души, вот чего Господь хочет. Апостол так и сказал: «Суд без милости не оказавшему милости». И Страшный суд в том и будет выражаться, что Господь спросит: Я был болен, ты Меня посетил? Я был голоден, ты Меня накормил? Я был в темнице, ты ко Мне пришел? То есть оказал ли ты любовь человеку?

Но оказать любовь можно только имея такое особенное свойство души. А если у нас в сердце нет любви, как нам ее достичь? Это возможно в одном случае: если мы будем оказывать ближнему любовь, даже когда нам этого совсем и не хочется, даже когда нам и некогда, и трудно. Но надо это все равно делать — и тогда постепенно мы войдем во вкус этой духовной жизни, тогда нам откроется Христос. Потому что Христос всегда в болящем, Христос всегда в скорбящем, Христос всегда в плачущем. Господь Сам страдал, и поэтому Он всегда близок к страдальцу. И если мы утешаем несчастного каким-то доступным для нас образом, пусть это будет самая маленькая малость, то тем самым мы оказываем любовь Самому Господу Иисусу Христу.

Святитель Николай именно этим путем пошел, и преуспел, и достиг славы апостольской. И каждый из нас может, пойдя этим путем, достичь того же. Тогда у нас будет и молитва лучше получаться, тогда и гордость в нас будет смиряться, потому что мы станем другими людьми — другого качества, другого свойства. Понятно, что не сразу наше сердце изменится, но постепенно, если мы будем делать добрые дела, эта перемена произойдет. Конечно, не нужно взваливать на себя очень много, чтобы потом не справиться и все бросить. Часто человек рвется, думает, что у него получится, но не рассчитывает своих сил и потом начинает ныть, стонать, унывать. Тогда что толку в его трудах? Богу нужно доброхотное даяние, от всего сердца, а не со злобой или раздражением. Иной человек за матерью ухаживает, за отцом и все делает с раздражением. Но если он не рад тому, что Господь дал ему этот крест, тогда какой в этом смысл? Он лишает себя всякой награды, потому что делает вынужденно, скрепя сердце, часто даже с ненавистью, а в этом нет никакой цены.

Цена будет тогда, сердце наше умягчится тогда, когда мы станем это добро творить не по понуждению, а с радостью. Вот к этому надо и стремиться. Поэтому, начиная с малого, будем делать все больше и больше, как святитель Николай. Ведь сколько народу к нему обращаются: миллионы и миллионы людей. И всем он успевает помочь, всех облагодетельствовать. Положим и мы начало благое по молитвам святителя Николая. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
21 мая 1989 года, вечер*

Среда седмицы 3-й по Пятидесятнице

Господь сказал Своим ученикам: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков». А мы об этом всегда забываем, показываем зубы, хотим бороться за какую-то мнимую справедливость по отношению к себе, как будто она может быть на этой земле. Бессмысленная трата времени. Поэтому Господь сказал: всегда помните о том, что мир — это волки, а вы — это овцы. Если ты хочешь быть христианином, надо быть овцой. А овца — это не та, которая ест, это та, которую едят. Такова роль Церкви в мире, и первым агнцем стал Сам Христос. Если мы Евангелие читаем, мы видим, что Господь никоим образом не отстаивал Свою правоту, никоим образом не защищался, а даже, когда Петр достал меч, чтобы оборонить Его от нападающих, сказал: вложи меч свой в ножны свои, неужели ты думаешь, Петр, что Отец Мой Небесный не может призвать легион ангелов, чтобы Меня защитить? И добровольно отдался в руки палачей и добровольно принял смерть.

Истинные христиане всегда эту муку принимали добровольно, доказывая таким образом, что для них, христиан, собственная шкура не представляет большой ценности. Тем самым они свидетельствовали об истине, потому что, как известно нам со школы, самое дорогое у человека — это жизнь. Поэтому жизнь свою он может отдать только за самое-самое важное. И когда человек отдает эту жизнь вот так кротко, спокойно, уверенно, то для всех окружающих он является свидетелем Истины. И многие угодники Божии легко жизнь отдавали. Может быть, кому-нибудь довелось читать житие Киприана Карфагенского. Его смерть прекрасна. Сначала он скрывался от гонений, потому что время его не пришло, а потом, когда понял, что его смерть может принести пользу, он сам добровольно пошел и сдался римским властям, сам заплатил деньги палачу, сам положил голову на плаху. А христиане расстелили вокруг белые простыни, чтобы собрать его кровь, потому что кровь мученика — это святыня, которая может творить чудеса.

Среди нас немного найдется людей, готовых умереть за Христа, потому что мы еще не воспитаны в христианстве, а воспитаны по волчьим законам этого мира, где «человек человеку враг», «хочешь жить, умей вертеться», «ты мне, я тебе» и прочие отношения, совершенно скотские, волчьи. Но христиане не должны так действовать. Кто-то скажет: ну тогда нас затопчут, съедят. Нет, Бог не в силе, а в правде, и с кем Бог, тот и побеждает. С Александром Невским был Бог, поэтому при численности войска в десять раз меньше он немцев разбил. А когда Иосиф Виссарионович встречался с Черчиллем и Рузвельтом и после переговоров кто-то из них сказал: «Ну, с нами Бог», Сталин с ухмылкой ответил: «А с нами дьявол». И поэтому уже во Вторую мировую войну на одного немца погибло десять русских. Разница, как видите, большая. Поэтому очень важно, с кем Бог. Но неужели Бог был с Гитлером? Нет, хотя на пряхках у фашистов и стояла эмблема «С нами

Бог», конечно, не было с ними Бога. Но для духовного возрождения Руси это насильство дьявольское было очень полезно. Конечно, война эта случилась по промыслу Божию, как, собственно, и каждая война и все вообще в мире.

И дальше Господь говорит: «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Живя в мире, нужно иметь много мудрости. Вообще святые отцы добродетель рассудительности ставили даже выше, чем любовь, потому что любви может достичь каждый христианин, а рассудительности совсем не все. Апостол Иаков говорит: чтобы получить мудрость, надо ее просить у Бога. Надо все время просить у Бога вразумления, потому что нам очень трудно в этом мире жить, очень много нужно проявлять мудрости, особенно с людьми внешними.

В одной газете был описан случай, как на человека напал тигр, и этот человек повернулся к нему лицом и стал пятиться. И так пятясь, долго с ним разговаривал, убеждал, чтобы он его не ел. И тигр с любопытством за ним следовал, пока не показалось селение. А когда они уже были близко от жилья, тигр повернулся и ушел. И наше общение с людьми внешними очень напоминает общение с тигром, потому что они не понимают, чем мы живем; они не понимают наших ценностей; они не понимают, зачем мы в храм ходим. Священник за деньги, это понятно, а остальные-то зачем? Остальные либо фанатики, либо шизофреники. Потому что как же так? Бога нет, а они что-то тут изображают и еще за это деньги платят. Ясно, что люди больные.

Им и в голову не приходит допустить, что Бог-то есть. Кто же на самом деле больной? Но, к сожалению, такая норма. Ведь у нас как? Что большинство считает, то и норма. Только вот норма эта меняется, а Бог всегда тот же. И даже если на земле один верующий останется, он единственный и будет нормальным, а все остальные пять миллиардов людей — ненормальными, далекими от нормы. Потому что та высшая норма, к которой призывает нас Господь,— это есть святость. Значит, в ту меру, в которую мы с вами святые, в ту меру мы и нормальны, а все остальное аномалия. Потому что человек должен был свят, должен быть, это его призвание. А на деле он живет хуже, чем таракан, хуже, чем самое жуткое животное; ни одна лягушка, ни одна птица не делает таких грехов, которые делает человек.

У человека какой прекрасный разум, какая прекрасная кисть руки! Он может и на арфе играть, и может бутылкой пробивать голову соседу. А человеческий глаз? Кошка различает два-три цвета всего, а человек может картины писать, человек может мозаики создавать, человек может творить прекрасные здания. А без Бога что он творит? Вот эти коробки, которые наставлены везде. Дай ему что угодно, любые деньги, накорми его как угодно сытно, построй ему дачу в самом лучшем месте — он не сможет создать прекрасный храм, как простые полуголодные артельщики создавали сто, двести, триста лет назад. Они совершенно не с жиру создавали прекрасные здания, они творили от Духа, Который был в их душе. И чем больше оскудение Духа, тем безобразнее творение рук человека.

Сравни писателя, который жил сто лет назад, и теперешнего. Это даже с точки зрения литературной ужасно. Все, к чему прикасается человек двадцатого века, гораздо более безобразно, чем-то, что творили в прошлом. И это во всем прослеживается. Чем дальше человек отступает от Бога, тем хуже. И общение с этим миром, который все больше в пучину греха ввергается, становится все сложнее. Поэтому нам нужна мудрость и простота. Мудрость не в том, чтобы придумывать какие-то теории, какие-то изыскивать ходы, пути, подходы. Нет, надо идти просто и прямо, потому что истина очень проста, как решение математической задачи. Как учителя по математике говорят ученикам: ты правой рукой достаешь левое ухо, зачем? так просто все решается.

Когда у человека Бог в душе, тогда вся жизнь его решается просто. И мудрость человеку может быть дана только от Бога. Вот сейчас люди создают комиссии, решают, как сохранить семью, да что делать с детьми, да национальный вопрос. Раньше такие

вопросы вообще не стояли даже. Что значит сохранить семью? Люди уже тысячу лет женились, выходили замуж, рожали детей. Какие проблемы? Откуда они взялись? Они возникли, потому что человек отошел от Бога и стал, естественно, дураком. Человек создан для брака, для семьи, для деторождения. Посмотри, как человек устроен. Тело создано для продолжения рода человека. Какие тут могут быть проблемы? Проблемы возникают, когда человек отходит от Источника жизни, от своего Творца — и сразу у него путаница в голове, он не знает, что делать: надо спасать молодежь, надо бросаться туда, надо бежать сюда. Чего спасать? Как однажды директор школы сказал некоему священнику: «Дайте мне воспитанную мать, и я дам вам воспитанное поколение». При чем тут комиссии, заседания каких-то дядей, педагогов? Ничего не произойдет, пока человек не станет существом духовным, то есть причастным Духу Божию.

И дальше Господь, поясняя эту мысль, говорит: «Остерегайтесь же людей». Скажут: о, какое противоречие, ведь в другом месте Господь говорит: люби людей. Здесь никакого противоречия нет. Человек может заниматься змеями, ездить в пустыню, собирать от них яд и вообще очень любить этих животных. Они очень красивы, но, обращаясь с ними, надо их остерегаться, потому что укусит — и умрешь. Так же, любя людей, их надо обязательно остерегаться. Очень важно здесь мудрость проявлять, потому что человек — это самое опасное существо на свете.

Если представим на секунду, что все человечество завтра вымрет, то уже через двадцать-тридцать лет атмосфера очистится, в реки вернется рыба, все зарастет прекрасными деревьями, появятся почти исчезнувшие животные, никто не будет загаживать эту прекрасную планету, все, что человек устроил, вся его поганая деятельность, исчезнет, земля опять станет прекрасной. Только вот любоваться ею будет некому.

Так же и в отношениях с людьми. Поэтому Господь говорит: будьте осторожны, потому что «будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас, и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками». Вот почему надо остерегаться. Потому что человек может принести нам вред, будучи уверен, что он делает правду. Каждый из нас обязательно с этим в жизни столкнется. Наши деды и отцы уже с этим столкнулись, когда их били и убивали. И каждое поколение христиан с этим сталкивается обязательно, и мы столкнемся немножко позже, когда все вернется назад, на круги своя. Поэтому надо нам обязательно быть к этому готовыми.

«И поведут вас...» Почему Господь попускает, что Церковь время от времени сотрясается от гонений? Это очень важно. Сейчас, когда Горбачев «разрешил» в церковь ходить, все сразу повалили креститься, никто ничего не боится, начальству могут резко отвечать: знают, что им за это ничего не будет. И таких христиан очень много. Вот мы раньше крестили: двадцать детей и трое-четверо взрослых. А теперь? В последнее воскресенье я крестил сорок человек: двадцать два взрослых и восемнадцать детей. Взрослых даже больше. Откуда они взялись? Чего это они все так быстренько уверовали? Что, по телевизору проповеди стали читать? Нет, как-то не слышно. А откуда же вдруг такое? Потому что боязни уже нет. А ну снова гонения? Скажут по телевизору: кто в церковь пойдет, расстреливать на первое время не будем, но годиков на пять посадим. И кто будет в церковь ходить? Совершенно другое дело. Пойдут уж самые-самые, кто уж крепенько-крепенько Бога любит, кто готов за Бога пострадать. А остальное все отшелушится.

Господь очищает Свою Церковь через страдание. Потому что человек часто против Церкви действует не со зла, а ему так в голову вдолбили, и он многого не понимает. И когда перед ним является свидетель кроткий, спокойный, уверенный в Истине, не боящийся смерти, это действует на него сокрушительно. Сколько мы знаем из житий святых мучеников: те самые палачи, которые их терзали, через час, другой, третий вдруг сами начинали веровать. Вот мучеников Севастийских поставили в ледяное озеро, и когда

воин, их стерегущий, увидел, что им на главы спускаются венцы с небес, то он разделся догола и бросился в это озеро, сказал: и я хочу быть с ними. Сам язычник, некрещеный, но захотел того же, потому что их благородство, вера действовали сокрушительно.

Поэтому это свидетельство очень важно. Христианин должен побеждать не силой оружия, не силой ума, не красноречием, не логикой, — христианин должен побеждать своей простотой, ясностью, верой и верностью Богу. Вот его орудия, вот он чем должен побеждать и вот чем свидетельствовать. И если мы так будем действовать, так будем жить, то вокруг нас, конечно, люди будут обращаться. А красиво говорить многие умеют. Словами какие доказательства ни приводи, в этом толку нет, потому что человек верует не умом, а сердцем. А сердце склоняется именно на правду. И если мы будем мудры, если мы будем просты, тогда мы можем кого-то склонить, даже врага, к истине христианской.

«Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец — сына; и восстанут дети на родителей, и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца спасется». Да, христианину часто приходится эту ненависть мира испытывать. Мы думаем, что это только у нас в стране, где атеизм некоторое время официально был главенствующим. На самом деле нет. Православные люди, которые в Америке живут, то же самое говорят, что к Православию относятся с подозрительностью. Потому что ты не такой, как все. В основном там протестанты, а это уже почти не христианство. Поэтому отношение с предубеждением, может быть, не в такой яркой форме, как у нас в двадцатых годах, когда до расстрела доходило, но все равно это отчуждение присутствует и его всегда приходится на себе ощущать. И этого не надо бояться, это надо преодолевать. И не надо беспокоиться о том, что нам сказать. Нам надо беспокоиться только о том, чтобы Дух Отца нашего Небесного был в нас, чтобы мы были христиане подлинные. Тогда Дух будет в нас свидетельствовать.

Святой апостол Павел в послании, которое мы сегодня читали, тоже об этом говорит: «Живущие по плоти о плотском помышляют». Человек плотской живет жизнью своего мяса: он думает только, как ему одеться, да есть ли в магазине сахар, да что он купит завтра, да вдруг пиломатериалы подорожают. Он живет жизнью плотской, его интересует только то, что можно потрогать, пощупать; всего остального он не понимает. Он не понимает жизни искусства, не понимает жизни духа, потому что это нельзя потрогать. Какая ему разница, что Айвазовский, что Матисс, что Вивальди, что Моцарт. Вот рок-музыку, которая по нервам бьет, это он воспринимает — грубую музыку, которая уже почти материально осязаема. Потому что там такие децибелы, что она касается не только струн души, но уже и материи мозга, разрушает его, как наркотик. Вот это он воспринимает. А музыка, которая требует работы души, никак не задевает его, потому что в его душе уже ничего такого нет. Такой человек помышляет только о плотском.

«А живущий по духу — о духовном. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут». Почему не могут? Потому что превратились в животных. Это все равно что собачку убеждать: веди себя хорошо. Плотского человека можно только ограничить законом: вот это переступил — тюрьма; вот это — расстрел; на работу опоздал на десять минут — премии лишу. А говорить о совести совершенно бесполезно. Пока человек не станет духовным существом, пока Духа Божия не будет в нем, о какой совести может идти речь? Поэтому апостол Павел и говорит: «не могут». Потому что когда дух уходит от человека, то происходит распад. А почему «вражда против Бога»? Почему «помышления плотские суть смерть»? Да очень просто: потому что плоть наша через семьдесят, от силы восемьдесят лет умирает.

«Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас». Поэтому нам нужно стремиться к тому, чтобы Дух Божий в нас жил. «Если же кто Духа Христова

не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности». Как достичь этого Духа? Надо любому движению плоти противодействовать, все время угнетать плотские вожделения, греховные, для того чтобы свой дух освободить, чтобы жить нам духовной жизнью. Все, что у нас от животного, от зверя, надо в себе побеждать.

Вот собаку ударил — она оскалилась. Это естественно, на собаку за это никто не обижается, потому что она зверь. А человек? Ударили тебя по правой щеке — как ты, человек, должен поступить? Ты должен левую подставить. Вот разница между животным и человеком. Собака подставить левую щеку не может, как и плотской человек. Для него даже понятия такого нет. Как так? Меня будут бить, а я буду щеку подставлять? Ему непонятно, потому что сам он уже давно стал зверем. А высшее существо может поступать именно так, благородно. Оно может тут же простить обидчика, тут же потерпеть — и тем самым достигает спасения своей души. «Претерпевший до конца спасется», потому что он уподобляется Самому Богу, потому что это проявление божественное. Люди Богом пренебрегают, люди на Бога ропщут, люди храмы разрушают, люди молиться не хотят, ту планету, которую им Бог дал, они превратили в помойку. А что Бог? А Бог терпит, Бог смиряется, Бог ждет, Бог кормит. Некоторые вообще знать Бога не хотят, а Он все равно их кормит. Вот такая любовь. Так и мы: если хотим, чтобы Дух Божий был в нас, и мы должны так же поступать. Вот это есть высшая ценность нашей жизни.

«Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас». Вот так мы только и можем ожить: если приобщимся к Богу. «Итак, братия, мы не должники плоти, чтобы жить по плоти; ибо если живете по плоти, то умрете, а если духом умерщвляете дела плотские, то живы будете». Да, будем жить вечно. Если Дух Божий придет в наши сердца, Он с нашим сердцем не расстанется никогда, мы будем жить всегда с Богом. И общение с Богом — это, собственно, и есть жизнь, потому что общение с Богом никогда не прекращается, ни на земле, ни на небе. Это, собственно, и есть цель всей христианской жизни. Для этого Бог и на землю пришел, чтобы людей познакомить с Богом: какой Он, Бог? что Он от нас хочет? зачем Он нас создал? Для этого Он принял плоть человеческую, потому что как мы можем Дух познать? Только через Иисуса Христа: познавая Иисуса Христа, мы познаем, каков Его Отец, потому что каков Сын, таков и Отец. Он так и сказал: «Я и Отец — одно».

Поэтому, проникая в тайну Божественной личности Христа, мы познаем и каков Бог. И если Бог станет Царем нашей жизни, то есть мы во всем покоримся Ему, будем каждое Его словечко выполнять, то Он увидит, что мы действительно истинные ученики, и тогда Господь Дух Святой придет и поселится в наши сердца. Тогда мы действительно ничего не будем бояться, потому что жизнь нашего тела не будет представлять для нас такой огромной ценности. Тогда мы поймем, что самое дорогое у человека на свете — это не жизнь тела, а жизнь духа, нашей души. Вот в этом и смысл христианской жизни, большинством населения земного шара давно уже утраченный. Осталось несколько сотен людей на земле, которые действительно, по-настоящему, по совести и по жизни это дело Христово продолжают. Поэтому еще мир этот стоит. А когда эти люди исчезнут, все рухнет, потому что это будет уже никому не нужная помойка. Потому что Бог только Себе подобных может в Царствие Небесное привести, только людей, достигших божественной жизни.

Поэтому нам надо стремиться к этой божественной жизни. Нам нужно много простоты, много кротости, много любви и много мудрости. И на приобретение этого надо всю нашу жизнь употребить. Поэтому если мы действительно, всерьез хотим быть христианами, нам уже некогда будет за коврами в очереди стоять, нам будет совершенно неинтересно, есть ли сахар, нет ли сахара, и что там по телевизору показывают, кто там

президент, что происходит. Это уже просто не будет нас волновать, потому что это все равно временно. Мало ли было президентов, мало ли было царей, сегодня одно, завтра другое, послезавтра третье. Нам будет важно, живем ли мы так, как Бог нам заповедал, или мы живем по иным каким-то законам. Вот что важно, вот в этом нашу жизнь надо переделать. Да поможет нам в этом Господь Бог по молитвам всех святых, которых мы прославляем. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
5 июля 1989 года*

Неделя 3-я по Пятидесятнице

Господь сказал: «Светильник для тела есть око». А народная мудрость говорит, что глаза есть зеркало души. В глазах отражается внутреннее состояние души человека: и гнев, и злоба, и зависть, и блуд, и сребролюбие. Поэтому Господь и говорит: «Если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло». Потому что если душа твоя светла, то и сам ты весь светел, если же в твоих глазах отражается какой-то грех, значит, этот порок есть в тебе, значит, ты темен в силу того греха, который отражается в твоих глазах.

«Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» На этот вопрос, который ставит Господь, нет ответа, он подразумевается: если то, что излучают наши глаза, есть тьма, тогда какова на самом деле тьма, которая есть в нас, насколько она омерзительна! Если маленькую толику, отражение нашего греха, и то уже глаза передают, то насколько омерзителен грех сам по себе! А почему же человек носится со своим грехом, по русской пословице, как с писаной торбой? Почему человеку грех так дорог? Почему грех воюет в плоти нашей? Потому что мы забываем о горнем, забываем о Боге, забываем о суде Божию. Обо все забываем, мы стали ко всему равнодушны, и поэтому грех и завоевывает наше сердце.

«Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть». Господь говорит слова, которые всем понятны. Конечно, если кто-то пытается двоим угодить, то это не получится: обязательно будет какое-то смущение, обязательно, пока он будет стремиться к одному, в это время другого упустит. Поэтому Господь говорит: «Не можете служить Богу и маммоне». «Маммона» — значит «богатство», но здесь имеется в виду богатство не только в денежном выражении, а вообще материальное бытие. Нельзя одновременно и Богу служить, и миру. Это невозможно. Если человек хотя бы часть своей души отдает служению маммоне, отдает греху, то тогда он уже Богу угодить просто не может.

Нельзя, например, день и ночь молиться, милостыню нищим раздавать, каждый день читать Евангелие, исполнять все заповеди и раз в недельку, по четвергам вечером, чуть-чуть по часу воровать — а все остальное время жить благочестиво. Это краткое воровство перечеркивает всю жизнь. Поэтому если мы, допустим, ходим в храм, причащаемся, изучаем Священное Писание, стараемся Богу угодить — и немножечко еще кого-то осуждаем, то этим самым мы зачеркиваем все остальное. А тем более такими смертными грехами, как зависть, гнев, объедение, блуд и так далее. Эти грехи человека сразу лишают благодати Божией, и он оказывается вне Церкви, пока в нем не произойдет покаяния, изменения. Такой человек сам себя отделяет от Церкви, хотя он может и в храм ходить, и по виду ничем не выделяться.

Поэтому Господь говорит, что надо нам выбрать, кому мы собираемся служить: Богу или маммоне? Потому что и тому и другому мы никак не услужим. Если человек даже один мизинчик отдаст маммоне, то он весь в этой сети запутается и все равно его жизнь пройдет впустую.

Неужели лучше ринуться в эту маммону: устроиться работать в какой-нибудь кооператив, порнографией заниматься, что сейчас доход приносит, или на панель пойти — зарабатывать большие деньги, этому служить и совершенно с головой в это окунуться? Потому что невозможно одновременно немножко себе, немножко Богу. Так что надо нам обязательно выбрать, кому мы собираемся в нашей жизни послужить. А уже сделав этот выбор, нужно свою жизнь так и переориентировать.

Обращаясь к Богу, мы говорим «Господи». Это форма обращения, которая была в славянском языке и значит «господин». Если действительно Бог, Который вселенную создал, Которого мы называем Отцом, — если Он действительно нам Господин, то мы должны Его слушаться. А то какой смысл, если мы говорим «Господи», а сами делаем так, как будто наш господин совершенно другое существо, противоположное Богу? Получается: мало того, что мы не выполняем, что Господь говорит, но еще и издеваемся над Ним и лицемерим. Потому что, называя Его Господином, мы сами палец о палец не ударяем для того, чтобы Ему каким-то образом подчиниться. Поэтому Господь так и сказал: «Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное». Совсем не всякий. Очень многие пребывают в полной уверенности, что они такие верующие, что у них все правильно, но на самом деле большинство так называемых верующих останутся за порогом Царствия Небесного. Они и в этой жизни его не видели, тем более не увидят его и в той.

Дальше Господь советует, как нам жить для того, чтобы Богу послужить и наследовать жизнь вечную. «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды?» У каждого из нас есть, чем наготу прикрыть. Кто побогаче, у того шубка каракулевая; кто победней, у того пальтишко на ватине, но всем тепло. Если средства позволяют, пожалуйста, норковую шубу купи, в этом никакого греха нет, что человек одевается тепло и богато, но плохо, когда это становится для него смыслом и целью жизни, когда он все время думает об этом, все время его только это заботит. Поэтому Господь говорит: «не заботьтесь». Потому что излишняя забота о пище и об одежде есть грех, это противоречит тому, чего Господь от нас хочет.

И Господь приводит пример: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» Да, по призванию человек гораздо лучше, но по своей жизни гораздо хуже. Птица, когда гнезду угрожает опасность, прикидывается раненой и отводит опасность от птенцов. А человек своих собственных детей убивает: видите ли, ему трудно их прокормить. Можно ли себе представить такую картину: воробья три яичка принесла, воробей посмотрел — многовато; два расклевал и выкинул из гнезда, одно оставил? Можно ли представить такое безумие у птицы? Нет, конечно. А человек так поступает безумно, восстает на самого себя.

Господь говорит: вы не лучше ли птиц? И по идее, по замыслу Божию мы, конечно, лучше: у нас есть разум, чувства, ум, способности колоссальные, такие, что мы можем даже всю эту землю, которую Господь нам дал, взорвать несколько раз,— вот какое у нас могущество. Но в нравственном отношении мы живем гораздо хуже насекомых, птиц, животных. Поэтому нам нужно у животных еще очень многому научиться — научиться чистоте жизни, нравственности. А ведь мы должны превзойти нравственность не только птиц и животных, но и человеков, потому что мы призваны к ангельской жизни. Царствие Небесное — это Царствие Духа. А мы об этом даже и не помышляли, и многие даже и не знают, с чем это едят. Вот так далеко от Бога удалились.

«Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» Сколько умных людей в безвестности и в бедности пребывают, а сколько дураков становятся академиками и министрами. Потому что это от человека не зависит. Как Богу угодно, так и будет. Сколько ни рвись, невозможно чего-то достигнуть, если не будет на то воли Божией. Поэтому Господь и говорит, что это бесполезно.

«И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться? потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». Почему Господь говорит «малoverы»? Потому что человек по малoverию все боится, что останется без куска хлеба, по малoverию боится, что с ним будет какое-то несчастье, и старается копить, обеспечить себе «черный день». А когда черный день приходит, то бриллиантовое кольцо меняется на буханку черного хлеба. Никакое золото, оказывается, никого ни от чего не спасает. А еще и кирпич может на голову упасть, и тоже никакое золото не поможет, ничто не поможет. Можно в самой привилегированной больнице от халатности врачей умереть, потому что врач туда не по способностям попадет, а по благу. Так что ни связи не спасут, ни деньги не спасут, ни способности не спасут.

Поэтому Господь и хочет с нами заключить договор, который называется «Новый Завет» («завет» по-славянски значит «договор»): дорогие Мои деточки, давайте так — ищите Царствие Небесное, старайтесь приобретать сокровища духовные, учитесь все время Богу угождать, а Я Сам о вас позабочусь. Позабочусь, чтобы у вас и денег было, сколько вам нужно, и одежд, какие вам нужно; и обо всем том, в чем вы имеете нужду, Я позабочусь Сам. Но человек по своему малoverию рассуждает, что лучше синица в руке, чем журавль в небе. На Бога надейся, а сам не плошай: пока есть возможность, надо ухватить, а то потом не будет. И человек целый день ухватывает, ухватывает, а когда вечер пришел, уже и помолиться нет сил, потому что то, как он пытается правило прочесть, нельзя назвать молитвой ни с какой натяжкой.

Поэтому получается: весь день человек трудится неизвестно для чего, а молитва его скудна и все духовные упражнения у него в забвении, ему все это делать не хочется, это ему тяжело, о духовном слушать ему скучно, лучше о мирском поговорить, то-се обсудить, как чего где, какой счет, да сколько времени, да какая погода, да кто к власти пришел, да какая книжка будет выпущена — это все интересно, занимательно, это все для этой жизни. А в ту жизнь человек не простирается и оказывается к ней не готов.

Многие думают, что, когда наступает смерть, демоны душу хватают, скручивают — и на суд, а там сидит такой страшный Бог и говорит: ну вот, раз ты не молился, не постился, вот мы тебя сейчас в преисподнюю, и там ты будешь мучиться. Нет, все это совершенно не так происходит. Просто есть узкие врата в Царствие Небесное и широкие врата, ведущие в погибель. И каждый человек сам своей жизнью, своими поступками выбирает — выбирает, куда он идет. Как апостол говорил: «Кто Духа Христова не имеет, тот и не Его». Если человек не стяжал Святого Духа, если он не знает, что такое Святой Дух, никогда Его не чувствовал, никогда с Ним не общался, никогда Его не имел, если человек этого даже и не нюхал никогда, какое может быть ему Царствие Небесное? Потому что Царствие Небесное — это есть общение со Святой Троицей через благодать Святого Духа. А человек к этому не стремится, он знать этого не желает. Некоторые и в храме довольно часто бывают по разным причинам, но что касается именно духовного: преодоления себя, преодоления грехов,— даже слушать об этом не хотят. Им это неинтересно: опять, мол, одно и то же.

Да, это все одно и то же. Все Евангелие написано об одном и том же, Церковь две тысячи лет одно и то же говорит, просто на разные лады: язык немножко меняется, уровень образования у людей меняется, меняется, так сказать, антураж, а смысл все тот же самый — все та же проповедь Царствия Небесного. Поэтому кто хочет Царствия Небесного, кто хочет Бога, кто хочет Его, Бога, видеть, кто хочет Его ощущать, кто хочет жить с Богом отдельной жизнью, кто от всего мирского отворотился, для кого все вот это второстепенное: и семья, и дети, и деньги, и все-все-все — ушло на второй план его бытия, а главное, он стремится именно к Царствию Небесному — вот только такой человек Царствия Небесного и достигнет.

Царствие Небесное называется благодатью, потому что это благой дар. Нельзя, выполнив какой-то урок, взять и достигнуть Царствия Небесного. Невозможно дать человеку задание и сказать: ты его выполнишь — и получишь Царствие Небесное. Нет такого задания. Все задание изложено в Новом Завете. И чтобы его выполнить, на это нужно всю жизнь потратить: чтобы усвоить это и умом, и сердцем, а потом уже исполнить в этой жизни. Если бы Царство достигалось иначе, тогда не нужен этот дар, тогда можно было бы по закону получить требуемое: я выполнил закон, ты мне — будь добр. Нет, Господь сказал: если даже вы все-все исполните (а не было на земле человека, который все исполнил), говорите о себе: я раб негодный. А что ты особенного сделал? Ты сделал только то, что положено. Поэтому если даже все исполнишь, все равно Царствие Небесное — это есть такое блаженство, которое заслужить ничем нельзя, его можно получить только в дар за свое стремление.

Венчание

Вот как ребенку мама говорит: будешь хорошо себя вести, куплю тебе самокат. И он изо всех сил старается хорошо себя вести, изо всех сил. У него не всегда это получается, он часто забывает, а потом вспоминает и снова: мамочка, прости. И опять вновь и вновь старается исполнить то, что мама хочет. Она только бровью двинет — он сразу вспоминает про самокат и сразу бежит выносить ведро, сразу моет посуду, если ему доверят. Он делает это плохо, неловко, у него не получается, но мать видит, что он старается. И ни одна мать на свете не лишит такого ребенка самоката. Не потому, что он хорошо себя вел, а за его усердие, за его верность этому своему желанию мать его наградит.

Так же и Отец наш Небесный. В силу своей греховности, конечно, мы не можем исполнить все, но мы и не стараемся. Вот в чем дело. А Господь только старательным дает благодать Святаго Духа, только тем, кто хочет на самом деле. Потому что можно священника обмануть, можно перед другими людьми прикинуться, это все можно. Мы такие стали актеры, что можем голову морочить людям, правда, не очень долго, потом все-таки наше нутро поганое лезет наружу. А уж Бога как обманешь? Как обмануть Бога, когда Он управляет не только нашей душой, всем нашим телом, но и всей вселенной? У Бога ничего не забыто. В каждом листике на дереве, в каждой клеточке происходят удивительные химические процессы — и каждой клеточкой Бог управляет. Господь не забыл ни одной мушки, ни одного червячка, ни одной звездочки на небе — все учтено у Бога. Господь говорит: «У вас же и волосы на голове все сочтены». Ни один человек никогда не скажет, даже если он почти лысый, сколько у него волос. А Господь знает не только, сколько волос у нас на голове, а сколько атомов в нашем теле. Потому что каждые четыре года весь атомный состав нашего тела обновляется: из атмосферы, из пищи

нужные атомы попадают в нужное место, и тело заменяется через четыре года полностью — и всем этим Господь управляет. А мы думаем Бога обмануть. Нет.

Поэтому кто в своей жизни этот выбор сделал: с Богом, — тот и достигает Царствия Небесного. А кто хочет себе удовольствия в этой жизни доставить, тот напрасно в церковь ходит, лучше бы шел домой, телевизор бы смотрел, нам бы здесь было попросторней. Такие люди — только балласт, они только мешают, они создают тяжесть в молитве, потому что каждый приносит в храм свой дух. «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» Поэтому нам нужно стараться, особенно идя в храм, все житейское помышление отложить, как мы будем сейчас петь на Херувимской. Любой человек, думающий в храме о чем-то постороннем, является врагом общей молитвы. Это всегда чувствуешь, это вносит диссонанс. Именно поэтому в древней Церкви те, кто не причащался на литургии, выходили из храма. Раз тебя отлучили от причастия, раз ты не знаешь, что это такое, не подготовился к причастию, то постой там, за дверьми. «Двери, двери, премудростию вонмем». И двери закрываются. Остаются с Богом наедине только те, которым действительно Бог нужен, которые хотят с Ним соединиться, которые хотят быть со всеми в мире, которые хотят исполнять Его заповеди.

Сейчас совершенно иная эпоха, все у нас по-другому. Мы уже давно не на ногах, а на головах ходим, но тем не менее в памяти Церкви этот высокий идеал всегда сохраняется. И Евангелие букровку в букровку все то же самое — то, что святые апостолы нам передали, то, что они слышали от Господа. Поэтому каждый из нас сам для себя решает, с Богом он или с дьяволом, кому он служит, для чего он живет. И каждый из нас выбирает Царствие Небесное или преисподнюю. Это дело чисто добровольное, это зависит только от нашего произволения, а не от воспитания, не от образования, даже не от даров Божиих. Некоторым бывает попроще: один, допустим, от природы злой, а другой от природы добрый. Кому легче в Царствие Небесное войти? Конечно, доброму. Поэтому кому потяжелей, кому полегче — но ни для кого эта возможность не закрыта. И если мы лишаемся Царствия Небесного, то только по двум причинам: первая — собственное маловерие, а вторая — собственная лень на все духовное. Поэтому если мы эти два недуга в себе сможем преодолеть, тогда мы сможем и достичь Царствия Небесного.

Духовное — выше телесного. Во втором сегодняшнем Евангелии мы слышали, что Господь отдает предпочтение Марии, которая слушала слова Господни, пред служением Марфы, которая хлопотала о пище, о постелях, о том, чтобы гостей ублажить. Господь Марию поставил в пример, потому что духовное важнее. И мы должны свою жизнь таким образом устроить, чтобы духовное было на первом месте. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
9 июля 1989 года*

Петров день

На сегодняшний праздник читается Послание к Коринфянам святого апостола Павла, а в евангельском чтении приводятся слова апостола Петра. И, вслушиваясь в эти слова, мы познаем, что это были за люди.

«Если кто смеет *хвалиться* чем-либо, то (скажу по неразумию) смею и я. Они Евреи? и я. Израильтяне? и я. Семя Авраамово? и я. Христовы служители? (в безумии говорю) я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в

опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лежебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготе. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневно стечение людей, забота о всех церквах. Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся? Если должно мне хвалиться, то буду хвалиться немощью моею».

Апостол Павел на опыте познал, что сила Божия совершается в немощи. Если человек хочет, чтобы через него творились дела Божии, он обязательно должен отложить свое «я», свою гордыню и предоставить Богу действовать через себя, не мешать Богу действовать. Но человек, как правило, все время говорит: я, я; стремится настаивать на своем мнении, которое по собственной глупости считает правым. Как апостол сказал: «в безумии говорю». Но он сказал о своих заслугах не по тщеславию, а чтобы показать, что если чем и можно хвалиться, то только тем, что принадлежит тебе. На самом же деле те достоинства, которые у нас есть, они не наши. Нас такими Господь создал, это все равно Божие, мы не можем этим хвалиться, а наши есть только наши немощи. И если мы это осознаем, то есть смиримся перед Богом, тогда Господь и сможет через нас действовать.

Как происходит действие Божие через человека? В Евангелии об этом говорится: однажды, «придя в страны Кесарии Филипповой, Иисус спрашивал учеников Своих: за кого люди почитают Меня, Сына Человеческого? Они сказали: одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию, или за одного из пророков. Он говорит им: а вы за кого почитаете Меня? Симон же Петр, отвечая, сказал: Ты — Христос, Сын Бога Живаго. Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на небесах». Петр все оставил в мире, во всем положился на Господа, пошел за Ним, слушал Его слова, веровал им. И даже когда многие из учеников отошли от Господа и Он спрашивал Петра и его друзей: «Не хотите ли и вы отойти?», — он сказал: «Господи! к кому нам идти?» Только Ты учишь вечной жизни, а нам ничего, кроме вечной жизни, на этой земле не нужно. Поэтому Господь через Духа Святого и дал возможность Петру исповедовать истинную веру. Сам Отец Небесный его вразумил, что Иисус есть Сын Божий.

Так же и мы. Если мы все свое упование возложим на Бога, если все свои труды положим на исполнение заповедей Божиих, тогда Господь, как через Петра, будет действовать и через нас. А если мы будем полагаться на собственное разумение, на собственное «я», то любое дело, которое бы мы ни начали, рухнет, потому что все, что стоит на гордости, обязательно рухнет. Тот, кто до неба возносится, тот до ада низвергнется. И кто сам себя превозносит, тот обязательно будет смирен Богом. А тот, кто сам себя смиряет, того Господь вознесет на небеса. Это есть самый главный закон духовной жизни.

И дальше Господь это подтверждает: «Я говорю тебе: ты — Петр («Петрос» по-гречески значит «камень»), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах. Тогда Иисус запретил ученикам Своим, чтобы никому не сказывали, что Он есть Иисус Христос». Почему Он запретил им? Потому что другим еще не дано было познать Господа. Познать, что это не простой человек, а это есть Богочеловек, Сын Божий. Только кому Отец Небесный открыл, тому и разрешено знать.

По милости Божией мы тоже уверовали и познали, что Иисус Христос есть Сын Божий. И нам нужно свою жизнь так управлять, чтобы ничем не препятствовать Богу действовать среди нас. А для этого всякую свою гордость, самомнение, превозношение нужно обязательно из своей жизни изъять, потому что «Бог гордым противится» и только «смирренным дает благодать». Если мы этого самого главного закона духовной жизни не

пойдем, то наша жизнь пройдет впустую. Недаром в народе такая пословица возникла: человек предполагает, а Бог располагает. Сидит человек на диване и думает: я вот это сделаю, я вот то сделаю, я, я, я... Ничего у тебя не получится никогда! Сколько уже было на земле благодетелей человечества, говорили: мы всем все сделаем хорошо. А получается только хуже, потому что без Бога ничего никогда не выйдет.

Поэтому надо обязательно научиться смирению. Смирение есть животворная сила. На вере, на смирении, на любви Церковь Божия стоит. И врата ада никогда смирения не одолеют. В чем тут дело? Почему смирение так страшно для дьявола? Почему смирение так любо для Бога? Дьявол, прежде чем стать дьяволом, был высшим ангелом, высшим творением Божиим, но возгордился, позавидовал Богу, захотел встать на Его место, вровень с Ним. И как только возгордился, сразу спал с неба, потому что на небесах могут быть отношения только взаимного смирения и любви.

Сам Бог имеет это свойство — смирение — в самой наивысшей степени. Один святой сказал, что смирение есть одеяние Божества. И действительно, мы на собственном жизненном опыте можем изучить, как Господь ведет Себя по отношению к Своим творениям. Вот мы с вами заповеди Божии нарушаем, молимся плохо, в храм ходим не тогда, когда положено, а когда нам приспичит. Посты соблюдаем плохо, живем так, как нам нравится. За наши грехи по закону Божию нас всех надо убить, а Господь нам дает теплую погоду, Господь нас кормит, поит, дает нам жизнь, не отвергает нас от причастия, Господь учит нас уму-разуму. Несмотря на все наше безумное и скверное отношение к Богу, Отцу нашему, Господь смиряется, терпит нас, прощает.

Господь любого человека может заставить веровать: взять и в один момент все мозги его переменить. Господь может в одну минуту этот храм сейчас набить до отказа. А через два-три дня Он может вообще все храмы Москвы заполнить до отказа: достаточно маленькому землетрясению, чтобы пара домишек рухнуло, и все придут, будут плакать: Господи, Ты нас прости. За что Ты нас покарал? Это моментально. Вот когда война случилась, сразу все церкви наполнились: детушек наших сохрани, да чтобы их не убило.

Для Бога это не составляет никакого труда. Он может и ангелам Своим сказать: ангелы Мои, служители, ну-ка сейчас вот этих лианозовских и бибиревских вытащите сюда на пруд. И среди ночи, в два часа каждого ангел разбудит, скажет: вставай, хватит спать, идем. И каждый пойдет. Еще бы — светящееся существо с крылами, с грозным, огненным взором берет за шиворот, стаскивает с постели: ты до каких пор будешь водку пить, матом ругаться, а ну иди молись! И все выйдут, приползут на коленочках: Господи, прости!

Но Господь так не делает. Что, у Него ангелов на это нет? Силы нет? Есть. Он одним словом может новую землю создать и новых людей. А почему Господь так не действует? Он не может так действовать по Своему смирению. Потому что это будет насилие над человеком. Он никого не хочет заставлять веровать. Хочешь? Веруй. Хочешь — веруй правильно; хочешь — веруй неправильно. Хочешь — молись, исполняй заповеди Божии; не хочешь — пьянствуй. Это твоя воля. Господь нас уважает, уважает нашу волю и никого не хочет заставлять, потому что всякое насилие противно любви. А Господь нас любит, Он хочет, чтобы мы сами сообразили, что хорошо, что плохо; сами бы стали изучать Священное Писание; сами бы стремились к Богу; сами бы стремились к святому причастию; сами бы стремились в храм, сами. Потому что когда в сердце есть любовь к Богу, человек сам и молится, сам и причащается, сам изучает Священное Писание, сам и заповеди Божии исполняет, ему не надо говорить: ты делай это, ты делай то. Это детям надо говорить, пока их учишь, а взрослый человек уже должен сам себя управлять. Вот Господь какое имеет смирение по отношению к нам. Поэтому достигают небес только люди, которые имеют смирение, это главное Божественное свойство.

Жизнь и свойства души апостолов Петра и Павла, память которых мы сегодня празднуем, и всех остальных апостолов, память которых празднуется завтра, отличались

этим глубоким смирением. Поэтому если мы хотим подражать апостолам, мы должны подражать их смирению. Несмотря на всю их даровитость, несмотря на всю их высоту, видите, апостол Павел как говорит: могу хвалиться только немощами своими. Вот этого, говорит, у меня полно, а все остальное, что у меня есть,— это мне Бог дал, это совсем мне не принадлежит.

И Сам Господь все заповеди нам дал в форме пожеланий. Он не говорил: будьте блаженны, будьте кротки, плачьте о своих грехах. Господь никогда так не говорил, Он говорит: «Блаженны плачущие». То есть если ты сам, человек, хочешь блаженствовать, тогда плачь о своих грехах. Он говорит: «Блаженны кроткие». Если ты хочешь быть блаженным, стань кротким — тогда достигнешь Небесного Царства. И только однажды Он призвал прямо: «Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим».

У нас в сердце нет покоя только по одной причине: потому что нет у нас смирения ни перед Богом, ни перед людьми, ни перед нашим крестом, который каждый в жизни несет. Мы всё хотим весь мир переделать под себя, и это есть наивысшее проявление гордости. Господь создал мир видимый и невидимый и в нем определенные иерархии. Одного поставил на одно место, другого на другое. У каждого своя роль. Земляника же не завидует дубу: ты вон какой большой, а я вон какая маленькая! У каждого свое место. Нельзя всех одеть в синие штаны и всем дать по куску сахара, чтобы у всех все было одинаково. Это невозможно, и это не нужно, это грешно, потому что Господь создал именно такую разность. В этой разности наблюдается великая красота и гармония, и в этом высшая справедливость: кому Господь что дал, то и есть. А человеку по гордости не нравится, как Люциферу не нравилось быть на втором месте после Бога. Ему не нравилось, он говорил: это несправедливо, надо, чтобы я был вровень, чтобы было равенство. И не только равенства не заработал, а низвергся с неба вниз.

Так и человек. Смотрит: этот не там, тот плохой, этот делает не так, надо вот так — и начинает все переиначивать. И что в результате? В результате теряет все, что имел, в результате все переворачивает, и от этого только горе, слезы и кровь, больше ничего не бывает. Но дух гордости так распространяется, что всё новые и новые люди, рождающиеся на земле, хотят всё переделать: река не туда течет, надо ее в обратную сторону. Господь хочет, чтобы она вот так текла,— нет, нам надо по-своему. Вот такое устройство: надо все переменять — кто был ничем, чтобы, значит, всем стал, чтобы все наоборот.

Однажды кто-то в присутствии Макария Оптинского посетовал, что вот, мол, все беды русских от того, что кругом одни дураки: смотришь, что ни начальник, то дурак, и все из-за этого плохо идет. А Макарий говорит: нет, кабы так, это было бы неплохо; очень много умных, вот в чем беда. Каждый знает, как надо, и каждый старается по своему разумению делать. Этот говорит: туда иди; другой говорит: нет, вот туда. Туда, туда, туда... А дело стоит. Вместо того чтобы работать, все только говорят, что надо делать, а никто не делает. Вот в этом-то вся и беда. Апостол Павел как нас учил: «Оставайся в том звании, в котором призван». Тебя Господь поставил поваром — вот и трудись на своем месте, старайся, чтобы все было честно, чтобы все было вкусно, чтобы все было доброкачественно. Господь тебе дал детей — вот на этом поприще и старайся, трудись, делай как можно лучше на своем месте. И если бы каждый человек так к этому подходил, то все бы у нас расцвело.

Надо то, что тебе Богом поручено, делать, все время трудиться, созидать. Вот апостолы Петр, Павел — они не пытались переустроить Римскую империю, они никому ничего не указывали, где кто должен над чем трудиться. Они занимались только созиданием Церкви, созиданием сердца человека, учили человека, как смиряться, учили человека духовной жизни. И в результате что? Прошло триста лет, и вся колоссальная империя, которая простиралась от Британских островов до середины Африки,

огромнейшая страна, перевернулась ко Христу. Вся. Они палец о палец не ударили, чтобы императора поменять или еще что-то, а все развернулось к Богу, вся империя, все народы пришли ко Христу, стали храмы строить, стали заповеди Божии исполнять, стали креститься, стали друг к другу относиться по-человечески, и многое жуткое, бесчеловечное, что было в Римской империи, отошло в прошлое. Мы и сейчас с ужасом читаем и думаем: какие же жестокости тогда были, как же люди могли до такого осатанения доходить!

Вот и в наше время, что ни день, то приносит нам весть о каких-то страшных жестокостях, которые крещеные люди друг с другом совершают: то самым страшным образом друг друга убивают, то матери детей бросают. Какието жуткие вещи. Думаешь: ну как же так, не такой был наш народ, во что же он превратился? С чего это? Все от гордости. Потому что гордость ослепляет человека, она не дает ему видеть Бога, она не дает ему видеть собственный грех. Почему человек, глядя на себя, не ужасается? Потому что гордость его ослепляет. Каждому кажется, что он очень хороший. Он смотрит и собой только любит: дескать, я, мол, хороший, а вокруг, в автобусе, в магазине, в поликлинике, все плохие. Ну, еще сынок мой хороший, а уж остальные — это последняя дрянь. Так и говорят: какой пошел народ ужасный! С этим говоришь — он хороший, а все дряни. С другим поговоришь — опять он хороший, а остальные одна дрянь. Этот про этого говорит, а тот про того. Получается, что осталась одна последняя только дрянь. А ведь это же не так, людей-то хороших еще много: и тружеников много, и смиренных много, и кротких много, и терпеливых еще много, слава Богу. На них-то мир и стоит. Значит, это все неправда, дьявольская ложь.

Поэтому надо стараться святым апостолам подражать в смирении. Вот тогда мы сможем достигнуть порядка сперва в собственной душе, потом в собственной семье, потом на том месте, где мы трудимся. И вокруг нас начнет все созидаться, как вокруг апостолов. Вот апостол Павел был один, а сколько он людей обратил к Богу, сколько Церквей основал, скольких спас от греха. Так же и мы можем. Но если мы будем гордиться, если мы будем своим способностям или своим каким-то дарованиям приписывать то, что Бог делает, то ничего у нас не получится. И очень часто мы это наблюдаем: вот говорим что-то человеку, объясняем ему, рассказываем, а он не слушает, все как об стену горох. Потому что мы это делаем с гордостью. А когда с гордостью, то Дух Святой отходит от нас, вот эта сила Божия, поэтому человек нас и не слушает. А если со смирением, с любовью, с кротостью, тогда Дух Святой будет нам помогать, тогда Он Сам будет обращать человека.

Поэтому будем молить Господа, чтобы помимо крепкой веры, которую имели святые апостолы, помимо такой любви друг ко другу и ко всем, какая была у них, чтобы Господь нам послал такое же смирение, какое даровал святым апостолам. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
12 июля 1989 года*

Положение честной ризы Пресвятой Богородицы

«Придя в дом Петров, Иисус увидел тещу его, лежащую в горячке, и прикоснулся руки ее, и горячка оставила ее; и она встала и служила им». Сколько людей лежат с высокой температурой, вызывают врачей, пьют лекарства, записываются к специалистам. А здесь даже не сказано, просила ли теща Петра у Бога, чтобы Он ее исцелил. Он пришел, дотронулся до ее руки, и сразу температура у нее прошла. Миллионы болящих на земле —

почему же Господь исцеляет только некоторых? Ответ в маленьком эпизоде из Евангелия, который умещается в три с половиной строчки: «она встала и служила им».

Если бы каждый больной человек, встав с одра болезни, начинал Богу служить, тогда бы Господь исцелял его сразу. А так приходится людям болеть до тех пор, пока в них не произойдет что-то такое важное для их души. В результате болезни человек много думает, пересматривает свою жизнь, страдает и этим свою душу очищает. Именно поэтому Господь устроил, что перед смертью человек, как правило, болеет тяжело и долго. Чтобы ему полежать, подумать, как он жил, что он делал, вспомнить свои грехи, покаяться перед Богом, помолиться. Но часто у людей не бывает уже ни сил, ни возможности, ни желания служить Богу. Поэтому после долгой болезни Господь забирает душу: хоть она и очистилась страданием, но сделать этот человек уже ничего не может.

Жизнь большинства людей проходит впустую, потому что смысл человеческого бытия в прославлении Бога. Каждый из нас рождается для того, чтобы служить Богу тем дарованием, которым наградил его Бог. У кого руки золотые, у кого голова светлая — и всем этим он должен Богу служить: и сердцем, и головой, и руками. Но в силу того, что человеческий ум помрачился от греха, человек начинает служить себе, все старается для себя. Бывает, что некоторые для семьи стараются, но таких мало, в основном и здесь для себя: жена мне должна подчиняться, для меня все делать, а если не так, то, значит, она плохая; дети должны обязательно слушаться; что мне в голову ни придет, они должны тут же исполнять. А сам ты что детям дал? Ничего — ни воспитания, ни образования, ни учения добру, только требуешь: ты это сделал? ты это сделал? И в результате человеческая жизнь проходит впустую, теряется самый главный ее смысл, потому что Господь сказал: кто будет для себя стараться, для себя что-то приобретать, тот все потеряет, а кто, наоборот, будет делать для Бога, тот приобретет все — весь мир, всю вселенную.

Когда Господь исцелил Петрову тещу, она тут же встала и начала Ему служить. Не пошла ни в кино, ни за грибами, а сразу стала Богу служить. Поэтому Он ее сразу и исцелил. Мы все тоже часто бодем. Слава Богу, это очень хорошо, потому что многие через болезнь свою или своих родственников к Богу обращаются. Вот сегодня паренек пришел, сроду, видать, в церкви не был, говорит: «Ребенок болеет, что, батюшка, делать?» Я отвечаю: «Надо его причастить для начала». — «А что это такое?». То есть полный ноль. Не заболел бы ребенок, температурки не было бы, все хорошо — значит, Бог и не нужен. А заболел — сразу Бог понадобился: дай, Господи, здоровье.

Разве трудно для Бога исцелить этого ребеночка? Да Господь только прикоснется к его руке — и он будет здоров. Захочет Господь, прикоснется к его голове — и ребенок завтра будет гением. Коснется Господь его сердца — он завтра будет преподобным, этот ребеночек. А почему этого не происходит? То, что легко дается, мало ценится. Поэтому Господь хочет, чтобы человек потрудился сам. Мы все такие разные: у нас разный ум, разное воспитание, мы все в разных традициях воспитаны, мы все не похожи один на другого. У нас и с Богом совершенно разные отношения: один Бога любит, а другой даже не знает, Кто Он такой, этот Бог. И, тем не менее, Господь нас всех зовет к Себе, Господь хочет нас всех научить, вразумить, поставить на ясный путь.

И дальше Евангелие говорит: «Когда настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных». Болезнь часто человека к Богу приводит, и Господь исцеляет: раз пришел к Богу, просишь — даст тебе Господь. И этот паренек ребеночка сегодня принесет, мы его причастим, и, конечно, он выздоровеет, потому что Господь его обязательно будет вот так, добром призывать к Себе. Исцелится его ребеночек — может быть, у него в голове и сердце что-то такое пробудится. Может, он захочет поблагодарить: Господи, благодарю Тебя. Может быть, захочет сам прийти причаститься — а это самое главное благодарение Богу.

Мы ведь неблагодарные. Вот мы дышим воздухом — а кто составил эту удивительную смесь, определенное количество кислорода, азота, других газов, для того чтобы питать нашу кровь? Кто это придумал? Это же Господь создал. Если бы мы этот воздух не гадили, он был бы чистейшим и прекрасным. Но мы дышим, и как будто так и надо. А ведь в один прекрасный момент это все может кончиться. Господь нам и жизнь дал, и нас сохранил, и нас питает, и нас кормит, и нас поит. Но пока у нас что-то не заболит, не разладится, Бог нам не нужен. Мы не умеем совершенно Бога благодарить, на всю любовь Божию мы отвечаем только черной неблагодарностью. А неблагодарность приводит к тому, что мы лишаемся того, что имеем, и начинаем плакать, особенно когда теряем близких наших, утрату какую-то несем, когда нас за сердце что-то такое берет. И вот тогда обращаемся к Богу.

Много людей окружало Господа. «Увидев же Иисус вокруг Себя множество народа, велел [ученикам] отплыть на другую сторону. Тогда один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел». Раньше так называемых художественных книг, газет, журналов — ничего этого, слава Богу, не было, и если книги были, то только те, которые необходимы для души: Божественное Писание — Закон, Пророки, Псалтирь. А людей, наученных этим книгам, грамотных, знающих называли книжниками. И вот один из книжников стоял в сторонке, приглядывался: что Господь говорит, чему Он учит, как Он исцеляет больных, как ко всем с любовью относится, — и его сердце все оттаивало, оттаивало, оттаивало, и он решил пойти за Христом. Говорит: «Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел». То есть он захотел стать учеником Спасителя, тоже в эту лодку войти. А лодка — это образ Церкви.

Господь ему отвечает: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову». Если ты хочешь идти за Мной, знай, что ничего того, что ищут люди, ты не получишь: не будет у тебя ни дачи, ни машины, ни денег, не с кем тебе будет в карты играть, не будет у тебя друзей, с которыми ты будешь веселиться. Вот видишь, лиса и птица и то дом имеют, а Я, Бог, пришедший на землю во плоти, Я этого ничего не имею, Мне нет места на земле. Поэтому Я тебе не дам ни золота, ни серебра. Я тебе дам только Свою любовь. А если ты станешь Моим учеником, тебе либо, как Павлу, отрубят голову, либо, как Петра, распнут на кресте, либо, как с Варфоломея, с тебя кожу сдерут, либо тебя, как Иоанна Богослова, бросят в кипящее масло. Хочешь идти за Мной — пойдем, узнаешь вечную жизнь, узнаешь сладость, блаженство общения с Богом, но в этой жизни ты не преуспеешь, потому что тебе будет некогда заниматься глупостями.

То есть Господь его так отрезвил, что христианство — это путь очень сложный, тернистый, это путь для людей мужественных, твердых, отважных, храбрых. Вера православная — это вообще не для слюнтяев, это для людей серьезных. Совсем нетрудно выздороветь больному, но стать христианином, учеником Христовым — это уже дело совершенно другое, тут нужна работа души.

«Другой же из учеников Его сказал Ему: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего». Папа умер, самое родное на свете существо. Я за Тобой пойду, подожди, не отплывай, не скрывайся из моих глаз. Вот только сейчас пойду, папу похороню, даже на поминки не останусь и поплыву с Тобой на ту сторону, куда Ты с учениками отправляешься. А Господь говорит: «Иди за Мною, и предоставь мертвым погребать своих мертвецов». Вот какая фраза интересная. Люди, для которых все это очень важно: похороны, поминки, веночки, цветочки, — пусть они этим занимаются. Если тебе нужна подлинная духовная жизнь, пойдем за Мной. Найдется кому закопать тело твоего отца, а душа его к телу уже не имеет никакого отношения. И все эти черные платочки — они Богу совершенно не нужны, потому что у Бога никакого траура нет. Человек просто перешел от этой жизни в ту. Кто рыдает, тот, значит, не согласен с волей

Божией. Поэтому если хочешь быть Моим учеником, идем за Мной, другой возможности у тебя не будет.

Почему Господь сказал ему такие жестокие, такие трудные для усвоения слова? А потому, что его жизнь подошла к водоразделу: вот земная жизнь, вот небесная — и они вступают в противоречие: телесное, земное должно уступить. Хочешь быть учеником, оставь в этом мире все, потому что учеником Христовым может быть только человек, который отлепился от всего мирского, которому, кроме Царствия Небесного, больше ничего не нужно. Ему не нужно ни карьеры, ни зарплаты, ни пенсии, он не для этого живет, он живет для Царствия Небесного. А Господь уже Сам ему, ищущему Царствия Небесного, дает то, что Сам считает нужным. Может быть, и министром его сделает, ведь бывали и святые министрами, и ничего тут удивительного нет.

Больше, конечно, среди христиан людей простых, но бывали и министры, и князья. Просто каждый на своем месте, но должен служить Богу. Не свою шкуру спасать, сидеть в ставке, когда другие где-то за тебя кровь проливают, а ты: этот туда, этот сюда, здесь двести тысяч положим, здесь полтора миллиона угробим. Сам спит спокойно, курочку ест, а другие жизнью рискуют. Нет, так благоверные князья не поступали. Война — на коняшку сел и первый поехал. Потому что он понимал: я князь, это мой народ, я должен его защищать. Поэтому их и причисляли к лику святых. Не потому, что он князь, а потому, что он свою кровь проливал, а не чужую. Это большая разница, свою ли кровь человек проливает или чужими руками жар загребает.

Всегда между земной жизнью и небесной наблюдается такое противоречие. Поэтому Господь сказал: что толку? Ну купил ты себе стенку, ну повесил три ковра, сделал очередной ремонт в своей квартире, каждые полтора года обои новые клеишь, плитку голубую достал. Оставь мертвым погребать свои мертвецы и иди за Мной. Я понимаю, что ты любишь отца, но если ты не будешь участвовать в похоронах, то в этом ничего страшного для твоего отца нет. Родственники тебя, безусловно, осудят за то, что ты им водки не поставил, потому что им-то на покойника наплевать, им главное выпить, а ты ничего этого не устраиваешь. Да, тебя все осудят, но тебя Бог не осудит, потому что ты слушаешься Бога.

И так каждый человек выбирает, что для него важнее: то, что про него Бог скажет, или то, что про него люди скажут. А это совсем разные вещи. Поэтому Господь и говорит: если вы будете Моими учениками, вас будут и поносить, и гнать, и злословить, говорить: вы запостились, замолились, вы богомолки, дураки, сумасшедшие. Тут жизнь: кино, вино, домино, а вы в храме стоите, молитесь в духоте, в тесноте. Люди за колбасой в очереди стоят, а они постятся, чай без сахара пьют. Конечно, с точки зрения большинства, это безумие.

Вот и надо нам думать: собственно, ради чего я живу — для этих людей, которые на мою могилу даже не придут, не помолятся обо мне ни разу, которым я вообще не нужен? Даже когда главы государств умирают — и они сразу никому не нужны, тут же сшибли надписи с их именами, и на могилы их наплевали, все забыто, затоптано. Что же говорить про простых людей? Тем более все травой порастет. А мы все для людей стараемся: как люди скажут да что подумают? О другом надо думать: что Бог про нас скажет? А ведь Бог смотрит не только на поступки, Бог смотрит на каждое движение нашего сердца. Он видит, куда наше сердце склоняется, к миру или к Царствию Небесному. Господь видит, что мы выбираем, Господь знает наш путь. Он знает про каждого из нас, чем мы кончим. И Он каждому дает возможность от земли подняться к небу.

Второе Евангелие, которое мы читали, о Марфе и Марии, говорит тоже об этом. Марфа хлопотала по дому, а Мария сидела, сложа руки, и слушала слова Господни. И Господь ее поставил Марфе в пример. Говорит: Марфа, ты о многом, конечно, печешься, но «едино есть на потребу». Приятно, конечно, когда чистота, порядок, но это же не может быть смыслом жизни. Вот купил автомобиль: хочу туда поеду, туда поеду. Ну и

что? Это же временное. Купил, истратил — и кончилось. Смысл-то жизни в том, чтобы ты Бога прославлял своим существом. А получается, что человек накупит себе всего и становится рабом. А человек должен быть сам царем, сам над всем властвовать.

Поэтому каждый стоит перед выбором, с кем он, собственно: с духом или с плотью, с Богом или с миром? И ему кажется, что, если он будет с миром, у него все будет благополучно. В семнадцатом году вообще Бога отменили, думали: все небесные заботы мы оставим, церкви сломаем, чтобы не тратить на это время. Молиться — зачем? Надо пахать, сеять, заводы строить. И что? Прошло три поколения — разорили страну так, как будто здесь опять Мамай прошел. Потому что, оказывается, без Бога ни до порога. Ничего не сделаешь без Церкви, оказывается, ничего не получится. Земля не рожает, рабочие разбаловались, кругом пьянство, тюрьмы переполнены. Сколько при Сталине сидело невинных, столько сейчас сидит виноватых. Спрашивается, откуда же такая преступность? Всех комсомол воспитал, откуда же это все? Потому что без Бога ничего не получается.

Вот поэтому Господь и говорит: ищите Царствие Небесное, а остальное все вам само приложится. Если Господь увидит, что из тебя получится добрый министр, будешь министром. Если Господь увидит, что из тебя получится хороший академик, Господь тебе даст. Это сейчас, чтобы стать академиком, нужно по крайней мере полусотне человек горло перегрызть. А раньше, еще совсем недавно, лет двадцать-тридцать назад, чтобы стать академиком, не надо было ничего пробивать. Люди не думали о том, как бы им вылезти, а думали о том, что они сделают, — и тем не менее был почет и уважение, уже само происходило, автоматически, что их ставили на высокий подсвечник. Было даже унижительно, чтобы кто-то куда-то вступил ради карьеры, такому руку не подавали.

То есть, оказывается, чем больше человек думает о небесном, тем больше Господь дает ему и земного. А чем больше человек думает о земном, тем он больше и больше оскудевает. Взять хотя бы Америку. Страна совсем не православная, православных там немного, всего несколько миллионов из ста пятидесяти, а у остальных вера очень неглубокая, поверхностная, но все-таки они Христа почитают. И вот за это малое, убогое, такое безруко-безногое почитание Христа и то Господь дает какие урожаи. А наш русский народ, которому Господь дал веру православную, истинную, самую незамутненную, — он от своей родной веры отказался, в церковь не ходит, ничего не знает, стал как баран, ни славянского языка, ни Священного Писания не знает. И в результате что? Всю страну разорил, хотя у нас гораздо богаче условия, гораздо больше народу, гораздо больше у людей всяких способностей. Действительно, по количеству научных идей Россия до сих пор на первом месте, а ничего не может реализовать. Потому что не дает Бог.

И если мы это поймем, поверим в это, будем Богу служить, то Господь увидит это, Он прикоснется к нашей руке — и горячка наша пройдет. Поэтому спасение и каждого из нас, и нашей семьи, и наших деток, и нашего народа зависит от простой вещи: чтобы каждый из нас в церковь ходил по воскресеньям, хотя бы с этого начать, а уж Господь все приложит. Ничего не понимаешь, но ноги-то у тебя есть — ну походи, постой, хоть пока как баран, день, постой месяц, постой шесть месяцев — и уже что-то начнешь понимать, потом что-то чувствовать, а потом уже, глядишь, и человеком станешь. Опять русским человеком. Потому что русского человека создала Православная Церковь, и русским может стать только тот, кто православный. Но мы уже давно от всего своего изначального отказались, все свое растеряли и смотрим только на Запад: что там, в Америке, то давай и у нас. Потому что своего ничего нет, мы своего и не знаем, и не ценим, и не любим, и не понимаем. Вот такая беда произошла.

Поэтому надо нам стараться слушать Христа Спасителя. Всю мертвечину, которая в нашей жизни есть, вот это плотское, мирское, надо постепенно оставлять. И Господь нам в этом помогает. Посмотрим, как Он премудро устроил, что человек умирает в старости, когда уже все книжки прочитал, по телевизору нового ничего уже не увидишь, детки

подросли, новое пальто покупать или нет — подумаешь: зачем новое, и в старом прохожу. И замуж не надо выходить, на косметику деньги не тратить. Все как-то уже спокойно, уже все мирское мало интересует. Куда-то путешествовать поехать? Это американцы ездят — ему семьдесят лет, а он путешествует. Потому что он не думает о смерти. А так в старости и здоровье уже хуже, поэтому настраиваешься на другой лад. К старым людям ездешь причащать, говорят: батюшка, когда же я умру, уже прямо не чаю; девяносто четыре года, и ноги больные, и ходить тяжело, и соседи все уехали. Как это трудно! Вот так Господь постепенно готовит человека к переходу — до тех пор, пока его в этой жизни ничего уже не привязывает. Все сверстники похоронены давно, свой жизненный путь исполнил, дотерпел, осталось только последний вздох — и воспарить к Богу.

Вот Господь как милостив, как Он все для нашего спасения устроил, все нам разжевал, нам только нужно проглотить. Ведь Он же ничего от нас великого и не требует, просто говорит: слушайте, детки, исполняйте то, что Я вас прошу, потому что это нужно прежде всего вам, а не Мне. Как любящая мать — она всегда если и наказывает, и как-то вразумляет, и нотацию читает, то не потому, что она такая злая. Просто она не хочет, чтобы сыночек в тюрьму попал, чтобы спился — вот из-за чего. Ребеночек рвется: мама, гулять, гулять. Но мама не пускает не потому, что она не хочет, чтобы он подышал свежим воздухом, побегал, нет, она же не садистка. Она хочет, чтобы он в плохую компанию не попал, не погиб раньше времени.

Так же и Господь. Если Он болезни нам посылает и всякие испытания, то только чтобы нас вразумить. Вот как Он наш русский народ вразумлял? Когда храмы все поломали, думали, что все уже, пятилетка безбожия, сейчас последних священников достреляем, и настанет царство атеизма. Нет, не вышло. Господь Гитлера насрал — и опять: Господи, спаси и помоги. И храмы стали строить. А что делать? Сын на фронте, куда ты денешься? Пойдешь в ЦК ВЛКСМ? Там все ушли на фронт, никого ты там не найдешь. В райисполком или в профсоюз пойдешь? Нет, любой человек придет в церковь, найдет дорогу к Богу. А на фронте? Пули свистят, этого убили, этого убили. Куда? Только: Господи, помоги.

После революции убивали, раскулачивали — ничего не поняли. Мало, да? Натянули войну. Вот тогда поняли. Сразу церкви открыли, монастыри, семинарии, священников из лагерей назад — давай служи, давай молись. Так вот и сейчас. Вроде время благополучное, есть что поесть, есть во что одеться, центральное отопление работает. Не ценим, нам недостаточно, не хотим в храм ходить, Богу не молимся? И что, думаем, это так долго будет продолжаться? Нет, раз не ценим, опять все рухнет.

Вот почему в Китае так не рухнет, а у нас рухнет? Потому что Господь кого любит, того и наказует. А мы же были православный народ, мы были соль земли, мы были надежда всего человечества. Мать Божия, когда являлась, говорила: спасение может быть только из России. Потому что здесь Православие, здесь истинная вера. А эта истинная вера пропивается в магазине. Крест никто не носит, Богу никто не молится, детей никто в вере не воспитывает. Если народ не одумается, не покается, не придет к своему родному Богу молиться, Который все нам дал, то все это опять рухнет, Господь опять накажет, начнутся распри, войны, убийства, Китай нападет, все здесь будет разорено, все будет порушено. Если пряник не помогает, нужен кнут. Так и детей воспитываем: Ванечка, не надо, Ванечка, не надо. А потом: ты будешь меня слушаться? И если опять не поможет, тогда беремся за ремень. Так же и Господь нас пасет жезлом железным. Поэтому то, что китайцам с рук сойдет, нам не сойдет никогда. С них совсем другой спрос, они язычники, к ним совершенно другие критерии подхода.

Если мы всю свою последнюю историю посмотрим, то увидим, как Господь нас вразумлял. И если мы и сейчас не вразумимся, ну тогда надо ждать антихриста. А от чего зависит, чтобы все обратились? Наша с вами какая роль? Мы должны веру православную своим сердцем созидать. Потому что кто еще может людям показать, что такое

Православие? Мы должны сами стать православными, деткам своим показать, товарищам по работе, соседям показать: а что такое православный человек, как он себя ведет, как он Богу молится, какое у него лицо, как он одевается, какое его поведение? То есть мы должны сами веру распространять, своим сердцем, всей душой своей, всем поведением. Вот тогда мир начнет преобразовываться.

Так что в конечном итоге, братья и сестры дорогие, оказывается, виноваты только мы с вами, потому что соль земли — это есть православный христианин. Господь говорит: если соль свою силу потеряет, на что она тогда нужна. Зачем ею суп солить, если эта соль не соленая? Ее только выкинуть, она ни на что не нужна. Поэтому и мы с вами, если не станем подлинно православными людьми, нас только выкинуть, мы тогда никому не нужны. И нам надо хорошенько и днем, и ночью, и вечером, и утром об этом все время думать и просить у Бога, исправлять свою жизнь, ходить постоянно в храм, приобщаться Святых Христовых Тайн, чтобы нам все время обновляться и идти вперед по той стезе, которую нам Господь указал. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
15 июля 1989 года*

Неделя 4-я по Пятидесятнице

Господь сказал: «Аз есмь дверь: Мною аще кто внидет, спасется, и внидет и изыдет, и пажить обрящет». Но мало людей, которые желают этой дверью войти. Пажить Небесного Царствия даже для большинства из тех, кто приходит в храм, к сожалению, не является воделенной землей обетованной. В основном люди идут в храм по нужде: кому отпеть, кому крестить, кому повенчаться, кому записку подать, кому от болезни облегчение получить — все хотят от Бога что-то получить, но мало кто хочет с Богом соединиться. Даже приступая к Чаше, редко человек задумывается о том, что причастие — это соединение с Богом и телом, и душой. Человек все ищет пользу себе, все хочет для себя что-то приобрести, у Бога взять, Бога как-то использовать, и причем каждому хочется приобрести в полной мере.

А Господь никого не отвергает. Воскресное Евангелие от Матфея, которое мы сегодня слышали, как раз рассказывает, как некий человек получил от Бога то, что он хотел. И если мы этот эпизод евангельской истории внимательно изучим, мы увидим, какие условия надо соблюсти, чтобы получить от Бога просимое.

«Когда вошел Иисус в Капернаум, к Нему подошел сотник и просил Его: Господи! слуга мой лежит дома в расслаблении и жестоко страдает. Иисус говорит ему: Я приду и исцелю его». Капернаум — маленький городишко, и сотник был начальником воинского гарнизона, то есть он был римлянином, а не иудеем, принадлежал совершенно другой вере. К Господу подошел иноверец, язычник, угнетатель Его собственного народа, а Он с такой готовностью отвечает ему: «Приду и исцелю его». Разве мало было больных во Израиле, которые нуждались в Его помощи? Почему Господь откликается на просьбу сотника? Потому что он (и это первое условие) просит не за себя, он просит за слугу; он имеет такое доброе сердце, что беспокоится о слуге. Теперешние люди часто мало заботятся и о собственных детях, а уже о подчиненных — никакой заботы, только бы заставить их работать. А как-то посочувствовать, поучаствовать в их жизни даже в голову не приходит. Сотник же оставил свою должность, пошел искать странствующего целителя — Иисуса — и обратился к Нему с просьбой за слугу. И Господь, видя этого доброго

человека, решил ему помочь, потому что благодаря свойству своего милующего сердца он был недалек от Царствия Небесного.

«Сотник же, отвечая, сказал: Господи! я недостойн, чтобы Ты вошел под кров мой, но скажи только слово, и выздоровеет слуга мой; ибо я и подвластный человек, но, имея у себя в подчинении воинов, говорю одному: пойдя, и идет; и другому: приди, и приходит; и слуге моему: сделай то, и делает». Сотник прекрасно чувствует, Кто перед ним, и понимает, что он сам грубый воин, язычник и никак недостойн даже того, чтобы Иисус вошел к нему в дом. То есть сотник показывает глубину смирения — он, один из главных начальников города, тем не менее так смиряется перед странствующим пророком, говорит: «Скажи только слово». Очень часто люди обращаются к священнику: батюшка, как молиться? какие нужно произнести слова? Человек думает, что нужно найти какие-то особенные слова, которые прочтешь — и сразу произойдет то, что ему нужно. А нужны-то совсем не слова, нужно милующее сердце, любовь и смирение.

«Услышав сие, Иисус удивился и сказал идущим за Ним: истинно говорю вам, и в Израиле не нашел Я такой веры». То, что Господь увидел в язычнике-сотнике, Он не увидел даже среди Своих соплеменников-израильтян, которые были просвещены заповедями Божиими, данными им Моисеем. Этот язычник оказался ближе к Царствию Небесному. «Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов». Так и случилось: Израиль был рассеян, сыны Царствия извержены вон, а многие пришедшие «с востока и запада»: и галлы, и британцы, и славяне — возлегли с Авраамом, и Исааком, и Иаковом в Царствии Небесном — вошли в Церковь и тем самым приобщились к небесной жизни. Именно за свое смирение, простоту, за свою кротость, за свою любовь, за свое милующее сердце, потому что эти свойства приближают человека к Богу и дают возможность Богу исполнять просимое. И если мы, пришедшие по какой-то нужде к Богу, хотим, чтобы Господь исполнил наши молитвы, то мы должны в своей жизни уподобляться сотнику. Надо сделать свое сердце таковым, чтобы оно миловало не только себя, надо не только о себе беспокоиться: как моему телу и душе, хорошо ли, приятно или что-то меня теснит. Надо прежде всего иметь любовь к ближнему, даже к подчиненному, любовь милующую, сострадательную. И нужно иметь глубокое смирение.

Мы часто ропщем, часто бываем недовольны тем, что Господь медлит и не исполняет нашей молитвы немедленно. Некоторые говорят: сколько я молился, уж целый месяц, а все без толку. Ну, люди молятся и десятилетиями, прежде чем Господь даст им просимое — даст тогда, когда человек достигнет молитвы смирения. Потому что с раздражением, с гневом что-то просить у Бога — это безумие. Это значит, что человек просто не понимает разницу между собой и Богом. Мы твари, а Он Творец, Он нас сотворил. Как мы можем дерзко что-то просить у Бога? Всегда, молясь, надо прежде всего войти в чувство покаяния, в чувство собственного недостойнства, в сознание собственной нечистоты, в сознание того, что мы недостойны ничего просить у Бога.

Господь нам дал все, создал нас самих, а мы отвечаем Ему на все черной неблагодарностью. Кто из нас может сказать: я в этот мир, в котором поселил меня Господь, принес больше добра, нежели зла? Если мы рассмотрим свою жизнь, то увидим, сколько мы в эту жизнь, в эту прекрасную жизнь, которую нам дал Господь, принесли зла. И так каждый из пяти миллиардов, населяющих нашу планету. Поэтому мы есть осужденные преступники. Как апостол Павел пишет в послании, которое мы сегодня читали: конец греха — смерть.

И тем не менее мы имеем еще дерзость, наглость обижаться на Бога. Да нет такой казни, нет такого огня, который нас должен испепелить за наши прегрешения, за нашу черную неблагодарность, за отсутствие любви к Богу, за то, что нам дело только до себя и нас совершенно не интересует божественная жизнь! Нам даже не хочется к ней

приобщиться, нас больше волнует, что там по телевизору или что у нас еще квартира не оплачена за прошлый месяц, да как кто к нам относится, что о нас думают, да что скажут. Вот это составляет предмет нашей заботы. А что душа находится вне Бога, что Бог от нее где-то далеко, от этого никто не страждет и об этом никто не плачет, об этом никто не сокрушается — такое у человека маловерие, отсутствие памяти смертной, памяти о суде Божиим. А ведь сказано же очень конкретно: «там будет плач и скрежет зубов». Почему плач? Потому что человек окажется отвержен от Бога и у него не останется никаких земных утешений. А скрежет зубов — потому, что уже ничего нельзя будет изменить.

Но мы настолько стали твердокаменные, что нас уже ничто не прошибает. Какие еще нужны нам наказания? Какая еще нужна война? Какая еще нужна голодуха? Какие еще нужны землетрясения, какие смерти детей наших? Что еще с нами нужно сделать, чтобы наше сердце как-то сокрушилось, чтобы там появилась хотя бы капля милосердия, чтобы мы задумались о Боге, задумались о смысле жизни, задумались о том, что и нам скоро придется умирать? Что нам еще нужно? Что еще Господь должен с нами сотворить, чтобы мы вразумились?

С какой любовью Господь откликнулся на слова сотника! «И в Израиле, — говорит Господь, — не нашел Я такой веры». Потому что сотник сказал: не надо, Господи, ко мне

идти, Ты только скажи слово, и отрок мой исцелет. Какая вера! Не надо никаких лекарств, не надо ничего доставать где-то за взятки, через знакомых, какие-то особые препараты из-за границы выписывать. Только, Господи, скажи слово, и исцелет слуга мой. Он верил в это. Как Господь говорит: «Если будете иметь веру... и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море», она послушает тебя и пойдет. А у нас такой веры нет, мы надеемся только на себя, на людей, на знакомых, на деньги, на связи, на свою должность.

Крестный ход в Дмитровском

«И сказал Иисус сотнику: иди, и, как ты веровал, да будет тебе. И выздоровел слуга его в тот час». Все очень просто. Что с тех пор изменилось? Земля та же, заповеди Божии те же, Христос тот же — ничего не изменилось, все то же самое. Мы так же, как и сотник, можем прибегать к помощи Отца Небесного по ходатайству Иисуса Христа, Сына Божия. Господь сказал: «Если чего попросите у Отца во имя Мое, то сделаю». Разве это не Его слова? Его. Но мы не верим, мы как бы забываем, у нас все время происходит это затмение, потому что мы безблагодатны. Как ученики Спасителя все время забывали то, что Он им говорил, пока их Дух Святой не просветил. Он им говорил и о Своей крестной смерти, и о том, что Ему надлежит воскреснуть, а они все время забывали — так и мы забываем. Поэтому нам нужно стараться сердце свое умягчить настолько, чтоб оно смогло воспринять благодать Святаго Духа. И тогда все наши просьбы к Богу будут услышаны, если они будут исполнены любви, но не себялюбия; если мы будем стараться не себе стяжать, а другим.

И это нам очень важно понять. Для чего в храмах читается Евангелие? Для чего апостол Матфей этот эпизод нам изложил — ведь он касается совершенно других людей? Это все для нашего научения. Поэтому когда мы читаем Евангелие, надо не просто следить за событиями, а стараться вдумываться: а что это значит? а почему именно этот

эпизод вошел в евангельскую историю? Иисус Христос сотворил массу чудес, массу исцелений, но только самые-самые нравоучительные Господь Дух Святой повелел апостолам записывать, потому что нам это все надо обязательно осознать, обязательно этому подражать.

Поэтому когда у нас возникнет какая-то нужда к Богу, когда мы захотим у Него что-то испросить, мы должны вспоминать сотника, вспоминать его милующее сердце, вспоминать его глубочайшее смирение, его нищету духовную и его твердую веру и упование на слово Христа. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
16 июля 1989 года*

Всенощное бдение под Успение Пресвятой Богородицы

День Успения Божией Матери — наш общий престольный праздник, праздник всей Владимиро-Московской Руси, потому что и во Владимире, когда святой благоверный князь Андрей Боголюбский сделал его стольным градом, был воздвигнут Успенский храм, и Москва, став столицей Руси, тоже выстроила себе Успенский храм, и Успенские храмы возводились в других главных городах.

Этот праздник особо любим русским народом, который давно осознал и на собственном духовном опыте убедился, что без молитв ко Пресвятой Богородице никак нельзя спастись. И действительно, Церковь ко всем святым обращается: молитв Богу о нас, а к Богородице: спаси нас! Хотя спасает Господь, но молитва Богородицы столь сильна, что если Она чего-то просит у Сына Своего, то Он Ей никогда не отказывает, ибо не было на земле человека ближе Ему, чем Пресвятая Богородица.

А почему именно праздник Успения выбран самым любимым, самым главным, ведь Богородица в этот день почилла, он должен быть днем скорби? Да, душа Ее в этот день отошла от земли, но из Матери Иисуса Она стала Царицей неба и земли. И отныне не только ученики Христовы, которые с Ней встречались в жизни, могли просить Ее молитв, утешения, вразумления, но и каждый человек может получить помощь Спасителя за молитвы Пресвятой Богородицы. Потому-то русские люди так и возлюбили Покров Божией Матери над своей землей, что стали посвящать Ей главные храмы.

Наш главный Успенский храм в Кремле пока еще не открыт, но его обязательно откроют, и обязательно там будет богослужение. Конечно, сатана сразу не может сдаться, но мы видим, что, несмотря на страшные гонения, которые претерпела Церковь — а таких гонений за все две тысячи лет не было, — тем не менее Церковь все равно в который раз победила без единого выстрела. Опять враги посрамлены, все до одного — те, кто гнал, кто гноил, кто убивал, кто ломал; все те, кто похвалялись, что устроят пятилетку безбожия, искоренят имя Божие. Хрущев вообще обещал по телевизору последнего попа показать. Но Бог не в силе, а в правде, и Церковь побеждает одним только терпением, как и Христос. Он же Себя не защищал, но победил мир. Так и апостолы не защищали себя, не жалели своей жизни и победили. Вот так и мы с вами если не будем себя щадить и будем терпеливо нести свой крест, все то, что на нашу жизнь выпадет, то Господь и в нашем сердце победит, и нас благодать Божия спасет. Часто нам бывает трудно, но надо всегда помнить, что у нас есть такая Заступница, такое утешение, такая могущественная помощь.

Когда мученик Император Николай вынужден был из-за предательства всех вокруг отречься от престола, потому что, как он написал в своем дневнике: «Кругом клевета, трусость, предательство и обман» (даже супруга его Александра Феодоровна говорила: «Такая большая страна, неужели нельзя найти хотя бы одного порядочного человека?»), — произошло величайшее чудо. Одной женщине во сне явилась Богородица и повелела ей идти в храм в село Коломенское и обрести там икону. Женщина тут же пошла в этот храм и рассказала сон священнику. Стали искать эту икону, обыскали все и не нашли. И вот с чердака принесли какую-то старую, совершенно темную икону, всю в пыли. И когда ее протерли, оказалось, что именно эту икону она видела во сне. Так в день отречения Государя явилась икона «Державной» Божией Матери, на которой Богородица изображена как Императрица, держащая в руке скипетр и державу — символы царской власти.

Это знаменательно: за такую любовь людей к Богородице Она не оставила их. Матерь Божия Сама взяла под Свой покров и защиту всех верующих. «Державной» иконе была составлена служба и акафист всех акафистов: в него собрали те слова, которые в акафистах усвоились Пресвятой Богородице. В Коломенское ходили крестные ходы, пока эту икону куда-то не увезли. Но копии с нее остались, и сейчас и в Коломенском есть чудотворный список этого образа, и в других храмах.

И вот в годину самых страшных испытаний, когда казалось: ну все, вот он, антихрист — уже всех убили, расстреляли, посадили, всё сломали, кругом только одна кровь, — все равно находились люди и терпеливые, и кроткие, и смиренные, и верующие, и они все на своих плечах вынесли. И даже были такие чудеса, что некоторые храмы вообще не закрывались или закрывались, как наш, очень ненадолго, и их по милости Божией не удалось ни сломать, ни разграбить. И сейчас мы видим, что опять совершаются чудеса: верующие люди не старались, не хлопотали — вдруг начали открываться храмы и монастыри, и пишутся новые иконы, и поставляются новые священники, и опять, и опять все начинает расцветать — конечно, не по нашим заслугам, а по милости Матери Божией. Потому что мыто сами не хлопотали, никто никогда палец о палец не ударил, нам только сейчас, когда вышло это разрешение, приходится преодолевать инерцию государственной машины, для того чтобы храмы открыть, но, тем не менее, самое главное уже произошло, сопротивление сломлено.

Значит ли это, что сатана отступил, забыл нас, уснул или уехал в другую страну? Нет, просто начинается другой вид борьбы. Чтобы сломить человека, попавшего в тюрьму, используется такой метод: приставляют к нему двух следователей, доброго и злого. Злой все время бьет, а добрый чай с лимоном предлагает, говорит всякие красивые слова, как-то убеждает — чтобы человека то в огонь, то в холод. Такой дьявольский прием человеческая психика не выдерживает. Так же действует сатана. Вот внешнее гонение ушло, очень давно уже не слышно, чтобы кого-то за веру сажали, а уж чтобы убивали — вообще несколько десятилетий такого нет. Наоборот, храмы — пожалуйста, молиться — пожалуйста. Но сатана начинает действовать другим путем — путем лести, путем прельщения.

Мы видим, как одновременно с той внешней свободой, которую Церковь получила, получили свободу и силы ада: колдуны открыто выступают по телевидению, порнография захлестывает все — не только кино, телевизор, но и страницы литературных журналов. Уже каждый журнал, который никак никакого отношения к голому женскому телу не должен иметь, вынужден под любым предлогом обязательно печатать фотографии обнаженных людей, обязательно какую-то гадость, какую-то непристойность. И собираются люди, обсуждают, как это все хорошо. Все газеты как с цепи сорвались, убеждают население, хотя оно всячески сопротивляется, что нужно сексуальное просвещение. Газета «Семья» начинает печатать инструкции по сексу для детей семилетнего возраста. А ведь на эту газету и церковные деньги отбирают в Детский фонд,

так сказать, в добровольно-принудительном порядке. И получается страшная картина: вроде бы все свободно, а на самом деле нет. На самом деле сейчас гораздо сложнее будет спастись, потому что, когда враг перед тобой, вооруженный до зубов, нахальный, глумливый, сильный, по локоть руки в крови, тут все понятно. Гораздо труднее, когда он принимает личину добра, когда он хитрит, когда он извивается, когда он начинает убеждать.

Человеческая цивилизация существует около семи тысяч лет, но никогда ни в одном народе не учили детей сексу. Ну почему в конце двадцатого века, на излете этого чудовища, а не века, вдруг нужно этому обучать? Неужели на этом семья крепкая построится? Причем учебники берут из Франции. Но если эти французы такие просвещенные, уже с самого детства про все знают, эти энциклопедии все прочли, что же тогда у них семья-то не крепкая? Почему Франция первое место держит среди всех стран по числу одиноких людей и самым непрочным семьям в мире? Значит, это не спасает, значит, наоборот. Пожалуйста, подумай. Но здравого смысла здесь нет, а есть просто лезть дьявольская.

Поэтому несмотря на такую внешнюю легкость, свободу, возможность не только в храм ходить, но и в новые монастыри ездить, и молиться спокойно и радостно, значит ли это, что надо нам расслабиться? Нет, наоборот, надо быть еще осторожней, надо еще реже смотреть телевизор, еще меньше читать газет, а лучше вообще этого не касаться, вообще уходить от этого беснования, потому что уже начинается борьба конкретно за души людей. Потому что сатана видит, что Церковь все равно устояла, Церковь победила, и ему теперь нужно соблазнить хотя бы некоторых.

И очень часто приходят люди: «Батюшка, а я сидела перед телевизором, от Чумака воду пила». Почему такое двоеверие? Почему, как только человек это услышал, увидел, почему он сразу не выключит? Все страшно боятся порчи: это колдунья, она мне сделала. Но тут живой колдун портит миллионы народа. Что же ты смотришь? Нет, продолжает, а ведь за участие в этих вещах полагается от Церкви отлучать, от причастия на шесть лет. Сейчас, конечно, от Церкви никого не отлучают, но, если строго к каждому из нас подходить, всех надо отлучить, и меня в том числе, потому что каноны Церкви очень строги, составляли их святые отцы очень давно, еще полторы тысячи лет назад, когда народ не так был развращен, как теперь.

Но эти все явления: летающие тарелки, люди с невероятными способностями, могущие летать, быть одновременно в двух местах, все эти чебурашки или барабашки, — ничего тут нового нет, это старо как мир, это было не только в нашем веке, и в прошлом, и в позапрошлом — это было еще в Египетских царствах. Почитай Библию, какие фокусы могли вытворять египетские жрецы, какие чудеса могли делать! Сатана уже давно готовит пришествие антихриста, и в каждой эпохе есть свой маленький антихрист, а когда придет тот самый главный, последний, он покажет невероятные чудеса, он всех будет исцелять, все будут здоровенькие, все будут богатенькие, сытенькие. И деньги даст, и свободу даст, и делай что хочешь, и грешь, как только можешь, как только тебе в голову взбредет. Но к этому же надо подготовить людей — и вот проводятся такие генеральные репетиции пришествия антихриста.

Взять, допустим, Сталина. Его же обожествляли, то есть буквально на него молились, а когда он умер, думали, что все, конец света, плакали, давились, проваливались в канализационные люки, только бы в последний раз увидеть своего любимого, обожаемого бога. Не только из страха или послушания, нет, действительно люди так веровали — так смогли перекорезить их души. И эти репетиции проходят не только у нас. Если мы посмотрим кинохронику, то увидим, как обожали своего фюрера немцы, как они со слезами на глазах его встречали, кидали цветы, готовы были прах его ног целовать. Спрашивается: маленький какой-то, противенький, с усиками, неказистый, ну что в нем такого привлекательного? Говорит вещи какие-то совершенно безобразные, просто

ужасные. Или, например, в Америке руководители крупных сект, миллионных, открыто заявляют: я бог или на худой конец посланник божий. Или один про себя объявил: моя божественная милость. Усваивают себе эпитеты, которые принадлежат только одному Единому Богу.

И все большее и большее число людей, сотни тысяч и миллионы проходят эту замечательную школу подготовки к пришествию антихриста. Поэтому, когда он придет, огромная масса людей, подавляющее большинство населения земного шара примет его с восторгом. Потому что исчезнут границы, исчезнут государства, будет свободно конвертируемая валюта, а может быть, вообще везде одинаковые деньги. Не останется уже ни наций, ни народов, ни государств, полное блаженство, все будут чепчики вверх бросать и кричать «ура!». Все будет позволено абсолютно, настанет мир во всем мире. И во главе всех встанет это существо из колена Данова, которое под шевелюрой будет прятать рога. А потом голод будет на земле и продлится три с половиной года.

Это последнее испытание, которое пошлет Бог людям, чтобы они поняли, что никакой антихрист, никакое самое замечательное, самое распрекрасное, разумнейшее (а он будет очень умен) правительство никогда не накормит людей. Никакие самые прекрасные законы, никакие декреты. Накормить людей может только Бог, если они будут обращаться к Нему и Его просить. Единственное спасение — только обращение к Богу, к Его Пречистой Матери. И те, кто останется верен Богу, не примет печати антихриста, тех Господь сохранит. Их будет мало: в одной стране кучка, в другой стране кучка, в третьей несколько кучек. Они будут жить, таясь, очень плохенько, перебиваться с хлеба на воду, но не будут участвовать во всем этом жутком водовороте, который сатана устроит.

Он уже почти устроил, уже почти все страны вовлечены в это, наша только еще немножко по инерции сопротивляется. Она огромна, эта страна, и, чтобы ее расшевелить, нужно много очень потрудиться. Семнадцатый год не сразу наступил. Лучшие умы России долго трудились над тем, чтобы он наконец-то настал. Начали с конца шестнадцатого века, трудились весь семнадцатый, весь восемнадцатый и девятнадцатый. Триста лет старались, чтобы это все перевернуть, чтобы наконец-то все эти храмы взорвать, всех этих священников перестрелять, всех, кто верует, кто крепко ведет свое хозяйство, наконец-то сгноить, а детей их отучить от веры, заставить их бояться всего святого, заставить дрожать за свою жизнь, чтобы они друг друга все время предавали, чтобы стали такими гнусенькими людьми, которые только бы свою шкуру спасали любой ценой. А что делать? все так: если не я, так тогда меня. То есть человеческие отношения все были извращены, перевернуты.

Сейчас все это отменили, все эти ужасные порядки — и что, что-нибудь изменилось? Люди стали сразу святыми? Нет, такие же грешные. Поэтому Господь нам дает очередной шанс. Россия опять на перепутье. Куда она пойдет? За кем она пойдет? Есть только два пути: Христос и антихрист. Третьего нет. И каждый, кто просто стоит на месте и ему кажется, что он не идет ни ко Христу, ни к антихристу, — он все равно падает. Как камень: вот мы его бросили, и он летит вверх, летит, летит, но, стоит ему на секунду остановиться, он сразу падает вниз. Поэтому если каждый из нас, или весь наш приход, или вся наша Церковь, или весь наш народ хотя бы на секунду остановят это поступательное движение ко Христу, они сразу повалятся в лапы антихриста. Потому что очень много людей уже проникнуты этим духом, они жаждут богатства, они жаждут делать что хотят, они жаждут всяческих извращений. Раньше за некоторые извращения у нас в стране судили, а теперь в новом уголовном кодексе отменили эти статьи. Пожалуйста, на здоровье, блудите так, как Содом и Гоморра, ждите своего последнего Страшного суда, ждите.

И человек как с цепи сорвался. Возьмем любой срез нашей жизни, посмотрим все журналы или газеты. Да, там печатают теперь и фотографию храма, и какого-нибудь батюшки, даже церковную газету разрешили, чего никогда не было с семнадцатого года.

Пожалуйста, вроде все есть, но на каждую фотографию храма с крестом (а раньше и этого нельзя было) сколько всякой нечисти. Несоизмеримо больше, в сотни раз больше. Удивительно, как это все быстро. Но удивительно на первый взгляд, а на самом деле так оно и бывает. Только огородик перестань засеивать — сорняки лучше растут. Зло растет быстрее, и нам нужно стараться ограждать от этого зла, стараться и детей своих ограждать, и все время углублять свою внутреннюю духовную жизнь, больше молиться, чтобы не дать себя увлечь духом времени. Потому что дух времени — это дух антихристов.

Не надо думать, что теперь все в порядке и сатана уснул. Нет, просто он другие методы избрал. Сейчас в действие вступает добрый следователь, но цель у них одна. Одному не удалось, сокрушив зубы, заставить отречься от Христа — теперь другой будет пытаться действовать соблазном, подкупить. На что подкупить? Прежде всего на здоровышко. Все хотят быть здоровенькими. Святые отцы говорили так: здоровье — Божий дар, болезнь — дар бесценный. Но мы про это забыли, мы болезнь не расцениваем как посещение Божие. Мы против болезни, нам не хочется, нам трудно, мы ропщем. Поэтому мы чаще всего готовы в любой омут броситься, чтобы только вот сейчас, прямо сейчас исцелиться. Моя знакомая врач-педиатр говорит: что за ужасные родители! Ну подожди немножко, и выздоровеет твой ребенок. Нет, они хотят его вылечить немедленно, поэтому обрушивают на него гору лекарств. Ну да, ребенок встает, но что потом происходит с его кровью, с его желудком, почками? Ну неужели нельзя потерпеть? Дать травки, обеспечить заботу, тепло, уход — и сами силы организма будут действовать, нужно только дать возможность этому. Конечно, надо следить, как бы это не перешло в воспаление легких. Но нет, всем надо сейчас, надо немедленно. Безумное такое отношение к болезни.

И сатане прекрасно известно, что современный человек боится болезни. Что он боится смерти, потому что вреден и знает: ему придется за все отвечать, — знает это иногда подспудно, в подсознании. Поэтому он хочет продлить свое гадкое существование как можно дольше. Поэтому даже американский президент и то по сорок минут в одних трусах бегаёт по парку на глазах у всей Америки, ничуть не стесняясь. Ну ты уже дед, тебе уже за шестьдесят, ты воевал, прыгал с парашютом во время Второй мировой войны. Что ты бегаешь, как мальчик? Нет, обязательно надо быть здоровеньким, богатеньким, сытеньким. Вот три символа, на которых зиждется современная цивилизация: быть здоровым, сытым, богатым. И удовольствия всяческие: кино, театры, книжки, музыка на любой вкус: хотите самый зверский, современный рок — пожалуйста; хотите стареньких битлов — пожалуйста; хотите Стравинского, Шопена — все, что угодно, на выбор. Самые прекрасные музыканты вас будут улаживать.

И нам, русскому обществу, тоже этого хочется. Все хотят, чтобы было как в Америке. Жажда комфорта, жажда удовольствий, всеобщая зависть: почему у них есть, а у нас нет? Собственно, а что человеку нужно для поддержания жизни? Две картофелины и полбуханки хлеба на день, телогрейку за восемнадцать рублей и резиновые сапоги. Все, больше ничего не надо. Тепло — снял, пошел босиком; грязно — сапоги надел. Потому что ну что наша жизнь? Да, у тебя есть «Мерседес», но все равно же помирать. А нет, дьявол так закрутил, что человеку кажется: надо это все захватывать, иметь, наслаждаться. Такое сладострастие человек в себе развивает греховное и в результате теряет самое главное — живую связь с живым Богом.

Господь сказал Своим ученикам: «Вы — соль земли». Поэтому нам надо стараться жить иначе. Нам надо стараться быть примером для других людей, которые знают, что мы верующие. Мы должны отличаться всем: и словами, и поведением, и выражением лица, и одеждой. Потому что только мы, хотя сами слабые и грешные, но мы единственные можем предохранить наш народ и Россию нашу от этого последнего гниения и как-то постараться если не повернуться вспять, то хотя бы замедлить этот разрушительный

процесс. Вот заболел человек — мы же не оставляем его, пускай помирает. Нет, мы стараемся ухаживать, стараемся его лечить. Это наш священный долг, потому что мы его любим. И вот так же ради того, что мы любим, мы и должны трудиться. И в этом нам всегда поможет Пресвятая Богородица.

Часто так бывает, что ну ничем не можешь человеку помочь. Вот приходит женщина: сын пьет. И бессмысленно взрослому мужику, у которого жена и двое детей, говорить: не пей. Это когда мальчику три с половиной года, ему говорят: знаешь, Коля, вот ты вырастешь, не пей вина, это плохо кончится. Потому что пьешь, пьешь, и вроде ничего — вдруг что-то оборвалось, и все, и стал алкоголиком. Этот переход как бы мгновенный, незаметно, как это происходит, дьявол потихонечку, потихонечку соблазняет, до тех пор пока человек в эту яму не попадет. Поэтому что делать? Только к Пресвятой Богородице: Матерь Божия, спаси как-нибудь, образумь.

Только молиться, и молиться долго. Каждый из нас знает, что если долго чего-то просить, то Господь даст. Молиться надо терпеливо, молиться надо смиренно, молиться надо с усердием и всегда верить, что рано или поздно Господь нашу молитву услышит. Не надо думать, что мы все сразу, прямо сейчас получим. Хотя Господь милостив и часто бывает: только подумаешь — а уже Господь дает, даже не успел еще и помолиться. Но тот крест, который мы несем, надо нести обязательно с молитвой. Недаром Господь нам дал этот образ, научил просить: «не введи нас во искушение». Хотя искушения каждый день бывают, и мы их испытываем в течение всей жизни, но ведь мы все время просим у Господа, чтобы Он дал нам возможность не впасть в искушения.

Поэтому когда нам трудно, когда дьявол близко щелкает зубами, когда он уже рядом, всегда будем помнить, что Пресвятая Богородица тоже рядом и, обратившись к Ней, мы всегда сохраним себя от всяких козней дьявольских. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
27 августа 1989 года, вечер*

Среда седмицы 13-й по Пятидесятнице

В Послании к Коринфянам апостола Павла, которое мы сегодня читали, есть такие слова: «Хвальный хвалиться о Господе. Ибо не тот достоин, кто сам себя хвалит, но кого хвалит Господь». Люди вообще любят похвалиться: я, я, я. Если же кто откровенно так про себя не говорит, то старается рассказать, что он хорошего сделал, или знанием своим похвалиться, или какие у него предки знаменитые либо богатые обязательно подчеркнуть. Работает дворником, а все хочет всем сказать: у меня университетское образование, я не простой дворник. Особенно это заметно в детях, потому что дети непосредственны, а взрослые похитрее, из них нагло редко кто хвалится, только если уж совсем глупый человек, но желание подхвалить себя, рассказать как бы невзначай о своих достоинствах, подчеркнуть, какой он хороший, есть абсолютно в каждом.

И вот апостол Павел говорит: этого делать не надо. Надо не от людей хвалу стяжать, а от Бога, стараться жить так, чтобы похвалил тебя Господь. Почему если я сделал хорошее дело или обладаю каким-то достоинством, нельзя похвастать, другому об этом сказать? Потому что на самом деле то, что есть в нас доброго, — это не наше, это нам дал Господь. По Его милости мы могли что-то совершить, и по Его милости мы могли кем-то стать или что-то иметь. Человек думает иногда, что он в институт поступил сам собой, без протекции. Да, может быть, взятки он и не давал, но экзамен — это же лотерея: не тот бы

билет вытаскил, и два балла. Вот в чем дело. Все равно Божья помощь во всем есть, даже в таких вещах. Все, что нам доброе удалось,— это всегда от Бога. Поэтому апостол и говорит: «хвались о Господе», то есть всегда помни, что это Господь тебе дал, а не ты сам. А что у нас собственное, личное, глубоко наше? Это грех. Этому уж не Бог нас научил, это мы сами. Поэтому если нам чем-то хвалиться, то только своими грехами: у кого больше, да кто хлеще, да кто жутче. Поэтому апостол и говорит: так лучше живи, чтобы Господь тебя похвалил.

А как нужно жить, чтобы Господь похвалил? Этому все Священное Писание, собственно, учит. В одном из сегодняшних евангельских чтений говорится: «блаженны слышащие слово Божие и хранящие его». То есть Господь хвалит этих людей. Значит, если мы с вами будем слушать Священное Писание и хранить его в своем сердце, Господь нас тоже похвалит. Вот мы сейчас слышали послание апостола Павла. Если мы сохраним в сердце эти слова и с того дня, как их услышали, не будем больше хвалиться, исполним то, что апостол Павел заповедал, значит, мы будем блаженны, значит, мы уже свою душу на эту часть улучшим. Оказывается, если человек постоянно слушает слово Божие, постоянно его читает, и оно не просто в одно ухо входит, а в другое выходит, но он действительно его запоминает, осмысливает и тут же в своей жизни начинает исполнять, то есть сохраняет в своем сердце, — то таким образом можно прийти к блаженству. Что это значит? Высшее блаженство для сына — быть всегда с отцом и с матерью. Поэтому высшее блаженство для духа человеческого — это соединиться с Духом Божиим. Вот об этом блаженстве речь и идет.

Во втором Евангелии мы читали слова Господа: «Истинно говорю вам: будут прощены сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили». Симеон Новый Богослов сказал: неужели ты думаешь камнями своих грехов закидать море милосердия Божия? Как бы мы ни согрешили, милость Божия все равно больше. Это мы часто не можем простить, злимся, хотим мстить, раздражаемся, помним зло, которое нам причинили. А Бог не таков. Он может простить человеку любой грех. Как бы человек в прошлом Бога ни хулил, как бы Бога ни отрицал, что бы только ни вытворял, но, если он опомнится, осознает этот грех, раскается, скажет: Господи, прости меня, я по неразумию это делал или со страху,— Господь может простить, потому что Господь не мелочен. Это люди так: вот она про меня сказала, да еще не в глаза, а кому-то, я этого никогда не прощу. Бог не таков, Он покрывает Своей любовью наше разделение или какие-то против Бога наши выступления, сердитость нашу. Часто человек говорит: как это Бог допускает? Думаешь: какая наглость! Буквально моська и слон. Что ты понимаешь вообще в Боге? Как смеешь так говорить? По гордости, по надутости глупой человек произносит такие слова. Потом, когда становится постарше, он уже как-то смиряется, начинает что-то понимать и жалеть о своем заблуждении.

«Но кто будет хулить Духа Святаго, тому не будет прощения вовек, но подлежит он вечному осуждению. *Сие сказал Он*, потому что говорили: в Нем нечистый дух». Что такое хула на Духа Святаго? Почему она не простится? Дело в том что мы, как люди недуховные, все воспринимаем чисто юридически: попросил прощения — тебя простили, все в порядке. Здесь имеется в виду совсем другое. Господь Иисус Христос был свят, Он был наполнен благодатию Божией и творил чудеса, говорил слова, каких никто никогда на земле не произносил. Но нашлись люди, которые сказали, что в Нем бес, Он бесноватый. То есть те слова, которые Господь говорил, те дела, которые Он делал, воспринимались ими как зло. Что это значит? Это значит, что их дух был диаметрально противоположен Его Духу. Такое духовное отрицание благодати Божией есть свидетельство того, что человек достиг демонизма, сатанизма, когда он сердцем не принимает ничего Божественного, сердцем противится ему, оно ему отвратительно, тяжело, мерзко.

Почитайте любые учебники за советские семьдесят лет: все церковное, все духовное, все связанное с Богом там называют мракобесием, то есть Церковь, святость, благодать

считают мрачным беснованием. Так и говорят: средневековое мракобесие, церковное мракобесие. Значит, свет, истину, правду, любовь человек воспринимает как что-то жуткое, мрачное, тяжелое, жестокое, а все противоположное этому как какую-то необыкновенную музыку; так и говорят: музыка революции — когда льется кровь, когда сын стреляет в отца, когда рушат, ломают, взрывают, когда без суда расстреливают. Как Маяковский — считаешь его ранние стихотворения: он упивается, он наслаждается вывороченными кишками, брызгами крови, растерзанным мясом. Взрывать — это нравится, а все противоположное вызывает отторжение, духовное неприятие.

Поэтому когда Господь говорит «не простится», речь идет не о юридическом прощении, а о том, что человек не только отошел от Бога, а он уже приобрел черты сатанинские. И в этом случае не то что Бог не прощает, что Бог жесток, а человек сам становится активным противником Бога, как такового. И тогда он, конечно, не только Царствие Небесное не может познать, он и на земле-то еле живет, потому что он устремляется в преисподнюю, туда, где его родная стихия. Вот о чем здесь речь. Поэтому фарисеи, которые вели благочестивую жизнь, но, как только видели Спасителя, они ничего, кроме ненависти, не могли испытывать, потому что дух, который в них, был противоположным. Поэтому они Христа и распяли.

Когда Императора Николая Александровича и его жену обвинили в измене, в том, что они заключили с Германией сепаратный мир, и комиссия под руководством Керенского пыталась найти хоть какое-то предательство, хоть что-нибудь, какой-нибудь документик, какую-нибудь записочку в надежде их уличить — она не могла ничего найти. Это были абсолютно непорочные люди, которых совершенно ни в чем нельзя было упрекнуть. Спрашивается: а за что же тогда арестовывать? За что же тогда в Сибирь? А потому что неважно, что ты ни в чем не виноват. Как у Ивана Андреевича Крылова: ягненок пьет ниже по ручью, а волк стоит сверху и говорит: ты мутишь воду. Ягненок отвечает: послушай, серый, ну как же я могу мутить, когда я ниже, вода-то от тебя ко мне течет. Нет, все равно ты мутишь воду. Ты почему виноват? Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать. Потому что сладость моя заключается в том, чтобы разорвать тебя на куски, превратить тебя в котлету, тебя растерзать, съесть.

Поэтому какая-то логика, аргументы, что это нельзя, это нехорошо, не действуют. Это война духовная, духовное неприятие, духовное желание во что бы то ни стало избавиться от противоположного духа. Тьма хочет загасить свет, потому что, как только свет появляется, она вынуждена убегать. Войдем в темную комнату со свечкой — и вокруг свечки сразу ореол, а тьма жметя по углам. А если сто свечек, то и тьмы уже нет, она осталась только под диваном. А если под диван посветить, то и оттуда она убежит. Но тьма хочет существовать, тьма хочет довлеть, тьма хочет захватить все. Поэтому свет надо загасить. Как? Убить, взорвать; если это невозможно, сослать. И начинается именно духовная война. Это не просто какие-то отношения, не просто люди чего-то не поделили, нет, это неприятие иного духа: духа кротости, смирения, терпения, любви — Духа Божия.

Поэтому Господь сказал «не будет прощения вовек», ни в этом веке, ни в будущем. Не поступок — поступок любой может быть прощен. Вот убил человек другого человека, и он может раскаяться, может стать иным, может так глубоко оплакать свой грех, что Господь ему простит это убийство. Хотя убитого уже не воскресить, поправить этого нельзя, но убийца может покаяться и стать святым. А если человек все духовное не только отрицает, а оно ему невыносимо, тягостно, он не может это переносить? Вот взять какого-то парня, пропитанного музыкой бесовской, и дать ему послушать стихиру шестнадцатого века знаменного распева. Ему это будет невыносимо, тяжело, тоскливо. Но ты же выдержишь сто двадцать децибел, когда играют твои любимые музыканты! Это вообще может ум закипеть в голове. А тут спокойная музыка, даже нет гармонии никакой, одна мелодия. Как просто это воспринимать! Почему же ты мучаешься? Дух другой — и человек уже не приемлет. Поэтому война идет прежде всего именно духовная. А потом

она может и в физическую превратиться. Это сплошь и рядом. Вот об этом Господь говорит.

И второй эпизод из этого же Евангелия. «И пришли Матерь и братья Его и, стоя вне *дома*, послали к Нему звать Его. Около Него сидел народ. И сказали Ему: вот, Матерь Твоя и братья Твои и сестры Твои, вне *дома*, спрашивают Тебя. И отвечал им: кто Матерь Моя и братья Мои? И обзрев сидящих вокруг Себя, говорит: вот Матерь Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и Матерь». Баптисты на этом основании говорят: Он Матерь Божию не любил, и мы Ее поэтому не почитаем, почитаем только Господа. Хотя речь здесь не об этом. Если бы Господь Свою Мать не любил, Он бы с Креста к Ней не обратился и Иоанна Богослова не попросил за Ней ухаживать. Просто Господь подчеркивает, что, если мы хотим соединиться с Богом, мы должны исполнять волю Божию.

Как люди обычно соединяются? В родстве. Кто ближе человеку, чем мать, дитя, муж? Поэтому Господь этот образ и приводит: «кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и Матерь». Те же самые слова, что и в первом Евангелии: кто слушает слово Божие и хранит его в сердце, исполняет его, тот блажен. Вот это общение, породнение со Христом и есть блаженство. Мы входим в эту семью: Отец Небесный, Сын Божий, а мы Ему, Сыну Божию, будем братья и сестры. Следовательно, мы станем сонаследниками, унаследуем Царство Небесное, потому что Небесный Отец нам его даст как Своим детям.

Как же усыновиться Богу? Если мать с отцом рожают дитя, оно становится их сыном по крови, по рождению. А Богу человек породняется по духу. По плоти мы принадлежим родителям, а по духу — либо Богу, либо дьяволу. Другого не дано. Отношения сыновства выражаются в послушании: дитя исполняет волю отца и матери. Папа говорит, изъявляет свое желание: делай то-то, не делай того-то — и сын слушается, если он добрый сын. Но даже если сын не слушается, их родство не разрушается, потому что это родство кровное. А родство наше с Богом, если мы не слушаемся Бога, разрушается. Мы сами от него отказываемся. Как только мы отказываемся слушаться Бога, мы лишаемся своего сыновства, потому что в чем это сыновство будет заключаться? Ни в чем. Единственная связь наша с Богом может быть только через послушание Ему. Значит, надо жить так, чтобы Бог нас все время хвалил за наше послушание, то есть жить не самим по себе, не как учат Толстой, Чехов, Достоевский, учительница в школе, соседка по лестничной клетке, еще какие-то тетя, дядя, мама, папа, а жить именно по воле Божией.

А как волю Божию узнать? Как узнать, чего Бог от нас хочет, что Ему от нас надо? Для этого нам, вот таким безумцам, которые потеряли живую связь с Богом и не могут спросить прямо у Бога: Господи, открой нам Свою волю — и Господь тут же ее откроет, — нам, людям окостенелым, дано Священное Писание. Поэтому ум наш должен в Священном Писании просто плавать, чтобы мы его знали наизусть, чтобы мы знали, что же Господь от нас хочет.

Вот из сегодняшнего чтения мы должны были усвоить, что хвалиться нехорошо. Человек, который хвалит себя, отказывается от своего сыновства Богу. А человек, который хвалится о Господе, все доброе, что в нем есть, приписывает Богу, а не себе, — этот человек угоден Богу. Вот хотя бы в этом пункте начать исполнять волю Божию, и уже будет благо. Но это всего одна строчка из Священного Писания, а в нем, слава Богу, сколько страниц? Шестьсот с лишним, и это только Евангелие, а есть еще Ветхий Завет.

И если человек, изучая Священное Писание, молясь Богу, искренно желает волю Божию познать, то она постепенно ему открывается, становится ему ясной. Тогда он начинает понимать и как ему нужно поступить в данном случае, и как ему общаться с людьми. Конечно, сначала он будет ошибаться, обязательно. А когда ошибется, его будет мучить совесть, он почувствует, что сделал неправильно. Господь через совесть ему скажет: вот здесь ты ошибся, ты сделал не так. И если он придет на исповедь, скажет:

Господи, прости меня, я ошибся,— Господь простит ему его поступок, потому что он сделал не со зла, а сделал по неопытности духовной. Мы же все дети, мы все только учимся ходить.

И вот так потихонечку человек приобретает духовный опыт, постепенно познает волю Божию. Для этого нам жизнь и дана. И если мы будем так свою жизнь проводить, то тогда мы будем угодными Богу. Только надо этим заниматься не время от времени: вот приспичило, или какая-то тяжесть на душе, или еще что-то случилось — пришел в храм. Нет, этим надо заниматься с утра до вечера и с вечера до утра, постоянно. Что бы мы ни делали, самое главное, что нам надо, — это познавать волю Божию и все время стараться ее исполнять. Конечно, мы будем отвлекаться от этого, но надо все время возвращаться к Богу. И так постепенно мы будем накапливать опыт, зернышко за зернышком. Постепенно мы будем этого блаженства общения с Богом достигать. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
13 сентября 1989 года*

Всенощное бдение под Рождество Пресвятой Богородицы

Сегодня мы вступаем в первый двенадцатый праздник церковного года — Рождество Пресвятой Богородицы. Прославляя Богородицу, мы прежде всего вспоминаем о Ее смирении. Это была главная добродетель, которой Матерь Божия достигла в самой совершенной мере. И понятно, что это было бы невозможно, если бы не Ее родители. Родители являются для ребенка самым высшим авторитетом и объектом для подражания. Так бывает не только у людей, но и у птиц, и у млекопитающих. Дети глядят на мать и отца и, подражая им, учатся, как вести себя в этой жизни. И родители Пресвятой Богородицы Иоаким и Анна обладали смирением в очень большой степени.

Об их жизни мало известно. Мы знаем, что они были из рода Давидова и Ааронова, то есть Богородица произошла из двух этих замечательных родов: священства и царства Израильского. Долгое время Иоаким и Анна были бесплодны, и окружающие люди всячески их за это уничижали. Чтобы представить себе, что чувствовала Анна в то время, когда у нее не было детей, а она уже склонялась к старости своими годами, можно обратиться к современной жизни. Примерно то же самое испытывает сейчас многодетная мать: она терпит то же давление со стороны общества, то же презрение, те же попытки оттолкнуть ее подальше, всяческие оскорбления и от людей окружающих, и от соседей, и от чиновников. Просто в древнем Израиле было наоборот: если мать многодетная, ее прославляли; а если в семье не было детей, то она считалась проклятой, за это от общества было высшее поношение, потому что считалось, что эти бездетные люди чем-то очень согрешили. Весь Израиль жил ожиданием, что придет Спаситель, и каждая семья надеялась, что именно из их семени Он произойдет. И родители радовались каждому мальчику и каждой девочке, потому что она могла стать впоследствии матерью этого Мессии, Спасителя. Поэтому чем больше детей, тем больше радости и благодати.

В те времена люди жили Богом, а теперь живут собственным эгоизмом. Поэтому чем больше сейчас в семье детей, тем больше проклятий они слышат в свою спину. Мапочки так и воспитывают своих деток, говорят: живите для себя, а уже потом будете жить для других. А огромную массу детей просто убивают. У нас в стране официально убивают восемь миллионов в год, а на самом деле — около десяти миллионов. Можно себе представить. Гитлер убил, говорят, двадцать миллионов человек за четыре года войны. А

здесь ежегодно, без всякого Гитлера, сами. Это говорит о том, в какую страшную эпоху мы живем.

Но Иоаким и Анна были перед Богом чисты. Все те заповеди, которые дал Моисей, они исполняли. Они были очень богобоязненные, очень молитвенные, очень скромные люди. И, тем не менее, у них не было детей. Но они не возроптали, как Иов, на Бога, а терпели это бесчестие, потому что доверяли Богу. Они знали, что раз Господь так распорядился, значит, так надо. И они не день, не два, а десятилетиями терпели поношение от всего окружающего общества, от соседей, родных, знакомых; терпели, когда все на них показывали пальцем. Однажды даже Иоаким пришел в храм, а священник не принял от него жертву, сказал: ты недостойн принести Богу жертву, потому что у тебя нет детей, ты великий грешник.

Они терпели очень долго, и терпели невинно, и это привело к созиданию в их сердце главной христианской добродетели — смирения. Потому что, чтобы приобрести смирение, нужно обязательно научиться терпеть поношения. Если человек этого не умеет, он никогда не научится смирению. А если он никогда не научится смирению, он никогда не получит благодати Божией, потому что приобрести ее может только тот, кто имеет смирение. Другого пути нет. Господь Сам обладает смирением в высшей степени. И благодать Божия может вселиться только в такого человека, чье сердце того же качества, что у Бога.

Иоаким и Анна долго терпели, молились, и наконец Господь внял их молитвам. Разрешилось неплодство Анны, и она уже в пожилых годах зачала и родила Девочку, ставшую образцом смирения. До трех лет Мария воспитывалась родителями, а потом была отдана в храм Божий, где жила под руководством опытных наставников и приуготовила Себя для того, чтобы родить Спасителя мира.

Мало ли было прекрасных, воспитанных девиц в Израиле? Почему именно на Нее сошел Дух Святой? Потому что Она была воплощенное смирение. Она была самая смиренная не только из всего Израиля, но из всего человечества. Именно поэтому Бог всей силой, всей мощью Своей благодати мог осенить Ее Духом Святым. И Она единственная могла израстить этот Плод чрева Своего, от Которого нам всем вышло спасение. Наш Спаситель родился в мир, и Он может теперь спасти нас от греха. Такое получилось небывалое чудо, и основой его является смирение.

Послушаем, что писал о смирении преподобный авва Исаия, который жил в четвертом веке. У него много глав, и очень пространных, о разных христианских добродетелях, но когда он стал писать о смирении, то смог написать только несколько строк. Это очень показательно. Так же и Матерь Божия: хотя роль Ее в нашей жизни огромна, в Евангелии Ей нашлось всего лишь несколько строк. И это именно потому, что Она была всегда тиха, смиренна, скромна и незаметна.

«Смирение есть думать о себе, что ты грешник и ничего доброго не делаешь пред Богом». Надо нам войти в такое чувство, чтобы постоянно помнить и чувствовать, что мы люди грешные, и, даже если нам удастся сделать что-то на вид доброе, никогда не надо этим тщеславиться, а всегда приписывать это добро Богу. Надо глубоко понимать, что если Господь что-то через нас доброе делает, то это совсем не наше. Если же мы по-иному чувствуем, значит, смирения в нас уже нет.

«Дела же смирения суть молчание, немерение себя в чем-нибудь». Значит, когда мы много говорим или сами себя в чем-то оцениваем, измеряем (особенно это бывает в сравнении с другим: я вроде поумней, я вроде покрасивей, я что-то знаю получше), это есть отсутствие смирения. Поэтому если мы в себе заметим такое движение ума или души, надо тут же припадать мысленно к Богу и каяться, просить прощения и начинать сначала.

«Смирение суть нелюбопытность». То есть когда человек не любит распри, прения, споры. Спорливость же — признак того, что смирение отсутствует.

«Повиновение». Когда человек охотно слушается. Если человек слушается неохотно или вообще не слушается, это говорит о том, что у него смирения нет. Именно поэтому многие святые, чтобы достичь смирения, отдавали себя в послушание и, что бы им ни приказали, ни попросили словом или даже просто мановением очей, сразу старались исполнять, чтоб отсечь свою волю, достичь смирения, а уже со смирением, конечно, и благодати Божией.

«Смотрение в землю». Смиранный смотрит в землю, а не по сторонам, потому что то, что вокруг, обычно нас развлекает. Много есть лиц, приятных на вид, которые хочется рассмотреть, ими полюбоваться, и от этого возникают всякие помыслы, нечистота и нескромность. Когда человек открыто смотрит в глаза другому человеку, это тоже проявление нескромности, отсутствие смирения.

«Имение смерти перед очами». Смиранный человек всегда, каждую минуту своей жизни помнит о том, что ему придется умереть. А раз он помнит о смерти, естественно, он не будет совершать легкомысленные поступки, а будет жить серьезно. Когда человека приговорят к смерти, он начинает жить серьезно, жизнь свою пересматривает и иногда даже полностью перерождается. Федор Михайлович Достоевский, например, пока ожидал казни, сумел переродиться, стал совсем другим человеком, и благодаря этому мы имеем такого христианского писателя. Хотя начал он очень плохо: был революционером, но, конечно, не в современном понимании.

«Блюдение себя от лжи». Почему люди врут? Чтобы себя обезопасить, чтобы сделать себе удобства, защитить себя от других людей. То есть когда человек лжет, он тем самым как бы отменяет промысел Божий, он служит дьяволу, он хочет себе временного блага за счет порчи своей души. Поэтому если мы хотим достичь смирения, надо приучать себя не врать ни в коем случае. А мы очень часто даже если не прямо врем, то обязательно что-то приплетем не так, и настолько к этому привыкли, что не замечаем этой лжи и даже за ложь ее часто не считаем.

«Непозволение себе в беседах суесловий, противоречия старшему, настаивания на своем слове». Когда мы общаемся друг с другом, мы не можем совсем не говорить, что было бы, конечно, очень неплохо. И к нашей речи всегда примешиваются праздные разговоры: обмен новостями, какие-то оценки, очень много суетного, не имеющего отношения к спасению души. Наши беседы часто неназидательны. Нам хочется себя показать, о себе заявить, какую-то оригинальную мысль высказать, и тем самым мы теряем главное, потому что смирение уходит из нас.

«Противоречия старшему». Нет у нас никакого почтения к старшим ни по должности, ни по званию, ни по возрасту. Некоторые даже считают чем-то стыдным старшему оказать уважение, скромно промолчать. Наоборот: чем больше наглость проявишь, тем лучше. В этом и не совсем наша вина, нас так воспитывали с детства, и не только нас, но и наших родителей. Но если мы хотим достичь благодати Божией, надо это изживать. И детей стараться воспитывать в почтении к учителям, к начальству, к родителям и вообще к старшим.

«Настаивания на своем слове». У нас очень распространено настаивание на своем. Мы все считаем, что то, что мы изрекаем,— это истина в последней инстанции. А если встречаемся с иным мнением, то готовы этого человека и обличать, и ругать. Апостол Павел сказал: «Немощного в вере принимайте без споров о мнениях». Ведь совершенно очевидно, что никогда никого ни в чем нельзя убедить никакими словами. Если человек задает вопрос и хочет узнать истину, он ее примет и замолчит. А раз он вступает в спор, значит, он не хочет истину узнать, ему охота лишь тебя переубедить. И надо тут же прекращать с ним беседу. Конечно, нужно его выслушать, но никакой спор просто недопустим, поскольку он разделяет людей. Если мы будем настаивать на своем, спорить, что-то доказывать, то мы гораздо больше потеряем, потому что мы можем поссориться,

что очень страшно и есть грех перед Богом. И мы потеряем мир души, который является величайшей драгоценностью.

Очень часто, особенно между супругами или между родителями и детьми, возникают споры по разным пустякам. Один не хочет уступить другому. Мама говорит: надень кофту. А сын отвечает: не надену, мне тепло. И из-за такой ерунды, как кофта, они портят друг другу нервы, вместо того чтобы кому-то уступить. Мы даже и не понимаем: а как это — уступать? Поэтому для нас, безумных, Господь дал предписание. Ведь раз человек сам не понимает, ему нужен писанный закон. Этот закон гласит: младший уступает старшему, а жена — мужу. Что тут непонятного? Все просто. Смирись, уступи, и не будет дома ни скандала, ни свары, ни ссор, ни драк. Мало ли что ты хочешь. Раз промыслом Божиим так устроено, что ты оказался в подчинении, уступи. Тебе дан повод смириться, то есть дан повод приобрести мирный дух, а с ним благодать Божию.

«Перенесение положения». Разные у нас бывают положения, иногда очень трудные. Вот у Иоакима и Анны было положение такое, что их все поносили. Но они не ходили ни в райисполком, ни в партком, ни в профсоюз, не требовали реализации своих прав. Они смиренно терпели то, что с ними происходило, и терпели совершенно несправедливо. А нас только задень, мы сразу ищем какой-то справедливости, как будто на земле может быть справедливость, особенно в нашем теперешнем обществе. Какая справедливость, если людей на улице уже убивают ни за что? И мамы собственных детей убивают ни за что. А некоторые, убивши двоих-троих, еще ищут себе справедливости. Да по справедливости тебя нужно три раза убить! Но три раза убить нельзя, значит, справедливость уже не может быть восстановлена. Как же ты смеешь ее требовать? Поэтому надо терпеть свое положение, терпеть смиренно. Сколько ни бунтуй, сколько ни протестуй: можно перевернуть страну, общество, порядки, можно монархию заменить демократией или диктатурой, — но что это изменит в твоей жизни? Ты удовлетворишь свои какие-то страстные желания? Ну и что? Все равно через несколько лет ты умрешь, и

все кончится. Ради чего все это безумие? Не лучше ли просто мир и любовные отношения друг с другом? Конечно, лучше, это ясно. Жизнь земная у нас всего лишь одна, поэтому стоит ли тратить слова, кричать, что-то доказывать, с кем-то бороться. Хватит бороться, жить надо, уже пора. Надо, чтобы мир был между людьми. И начинать надо прежде всего с собственного сердца — чтобы в сердце был мир. Вот что важно, а не какая-то безумная попытка исправить свое положение, достичь земного счастья.

В гостях у архимандрита Павла (Груздева)

А многие в поисках счастья даже жертвуют своей жизнью. Это ли не глупость? Ну, хорошо, допустим, тебе удалось, ты его достиг. Ну и что? Сколько ты им попользуешься? Несколько лет. Ну, даже если десять лет, какой в этом смысл, если все равно потом у тебя инфаркт, инсульт, рак или СПИД или тебя просто ножом в подьезде зарежут, такого счастливого и довольного собой? Какой смысл жертвовать ради этого своим временем, здоровьем, силами, энергией, умом?

Вот поэтому авва Исаия и говорит, что нужно обязательно терпеть то положение, в котором ты живешь. Апостол Павел тоже говорит: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван». Родился ты в семье академика — замечательно, у тебя есть шансы и

лучшее образование получить, и лучше питаться. Родился ты в семье алкоголика — у тебя совершенно другая будет жизнь. Ну и что? Стоит ли из-за этого все ломать вокруг? Нет, раз уж промыслом Божиим так устроено, значит, Богу это зачем-то нужно. И надо использовать свое положение, свое страдание, свою болезнь или свои тяжелые обстоятельства для пользы себе, потому что это все способствует смирению.

«Ненавидение покоя». Вот это прекрасные слова. Все человечество стремится к покою. Чтобы даже сиденье в автомобиле было мягкое, чтобы не трясло на дороге, чтобы только кнопочку нажал — и вода полилась тепленькая. Пришел в магазин — очереди нет, сорок восемь тысяч сортов колбасы, и дешево-дешево, а в кармане очень много денег, синих, зеленых, коричневых. Куда хочу, туда еду. Врачи — пожалуйста, к услугам, бесплатно, на машине за тобой приезжают, отвозят, лечат. Чтобы все было спокойно, комфортно. Если работа, то только чтобы интересная. Чтобы на работе начальник — милейший, всегда бы отпускал, не бранил за опоздания, зарплату прибавлял каждый год, да побольше, и премии. И чтобы дети послушные, и диван мягкий, и квартира большая, и потолки высокие, и телефон в каждой комнате, и ванна с голубым кафелем. Вот такое стремление: чтобы был покой, комфорт, чтобы ничего не беспокоило.

Не дай Бог этого достичь. Потому что тогда мы совсем забудем Бога, совсем. Мы никогда не достигнем смирения. Потому что смирению можно научиться только в очереди. Смирению можно научиться только тогда, когда ничего нет в магазине. Смирению можно научиться, когда ты ничего не можешь вдолбить тупому чиновнику, а он тебе хитро талдычит свое и специально над тобой издевается. Вот когда он специально над тобой издевается, тогда-то ты и можешь достичь смирения. И то, что в нашей стране ничего не получается, как в других странах, а все идет наоборот, — это свидетельство не того, что начальство плохое, глупое или мы такие дураки, самый тупой народ на свете. Нет, это свидетельство того, что Бог любит нас и хочет нас заставить понять, что бесполезно нам идти против Бога, что надо нам к Нему возвращаться, надо искать того, что Он Сам имеет, то есть смирения. И все эти обстоятельства, нас постоянно смиряющие, помогают нам достичь самого главного в жизни, самой главной добродетели, которая цементирует все прочие.

«Нуждение себя на труд». Мы же все стремимся к праздности. Мы очень любим отпуск, праздники, мы очень любим с друзьями посидеть, поговорить о том, о сем, полежать, почитать. Мы все любим ничего не делать. Мы все любим покой. А это грех. Надо всегда понуждать себя на труд, надо никогда не быть праздным, ни минуты, надо все время что-то делать умом, сердцем, руками, все время быть в труде. Только тогда мы достигнем смирения — если не будем стремиться к покою, к ничегонеделанию, к которому, собственно, и стремится современная цивилизация. Зачем считать? Есть калькулятор: нажал на кнопку — и ответ готов. Лишь бы не думать. Зачем книжку читать? Это надо соображать. Включил телевизор — и все готовое, цветное прямо само в голову идет; совершенно мозгами не надо шевелить, лежи, пей чай и смотри. Все само, даже труда почитать и то нет.

И от этого нам тоже надо избавляться. Надо все время нудить себя на труд, все время заставлять себя что-то делать, ни в коем случае не быть праздным. Потому что как только ты начинаешь бездельничать, в этот момент к тебе приступает дьявол. Это всегда надо помнить. Отчего человек пьет? А нечего делать. Отчего люди в преступные группы собираются? Работать не хотят. Это же ясно совершенно. Зачем работать, когда можно у кого-то отобрать. Тем более что все воспитание на этом построено: у того, кто имеет, надо отнять. В пример ставят Ивана Болотникова, Емельяна Пугачева, Стеньку Разина — всяких бандитов, чтобы на их примере учились. А потом, когда ребенок становится бандитом, ему говорят: нельзя. Но почему же Емельяну Пугачеву можно, он герой народный, а мне нельзя? Какой-то чиновник или артист по сорок тысяч зарабатывает — так надо его грабануть. А если он не будет добровольно отдавать, я его еще и убью. А

почему же нельзя убивать? Если в восемнадцатом году можно было убивать, почему нельзя в восемьдесят девятом? Разве что-то изменилось? Нет, ничего не изменилось. Поэтому нам нужно обязательно себя все время понуждать на труд и к этому приучать и детей. Потому что только в труде можно научиться смирению. Это первая заповедь Божия падшему человеку: «В поте лица твоего будешь есть хлеб».

«Никого неогорчение». Надо стараться жить так, чтобы никого ничем не огорчать, ни одну душу. Стараться со всеми быть ласковыми, приветливыми и спокойными. Стараться не отвечать злом за зло и, как говорил Амвросий Оптинский, «всем мое почтение». Апостол Павел тоже говорил, чтобы по возможности быть со всеми в мире. Каждому помощи, не отвергай человека. Бережно к каждому относись, как к образу Божию. Это тоже очень важно, это тоже способствует смирению.

Вот такое поучение аввы Исаии. Почему же смирение так важно? Потому что оно, как цемент. Если кирпичи положить, а цемента не будет, то тронешь стену — и она упадет. Так и смирение есть цемент всех добродетелей. Если у нас будет молитва, щедрость, любовь, вера и разные-разные добродетели, но не будет смирения, то все наше благочестие в один прекрасный момент рухнет. Но если у нас не будет никаких добродетелей, а только одно смирение, то из него одного можно стену воздвигнуть: делается опалубка, заливается раствор, и, когда он застывает, получается стена, хоть и не такая, как из кирпича, но все же стена. Поэтому одним смирением можно достичь спасения, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать.

Пусть мы не достигнем чрезвычайной святости, как все угодники Божии, которые совершали и пост, и молитву, и бдение, и многие подвиги. Но одним только смирением мы можем себя упредить к Царствию Небесному. Поэтому постараемся эти слова аввы Исаии запомнить и очень внимательно в своей жизни исполнять, тогда мы достигнем самой главной добродетели, которая нас упредит в Царствие Небесное по пути, проторенному нам Иоакимом и Анной и Пресвятой Девой Богородицей. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
20 сентября 1989 года, вечер*

Суббота пред Воздвижением

Завтрашнее воскресенье называется Неделей пред Воздвижением. Потом будет Воздвижение, а потом еще — Неделя после Воздвижения. И получается, что Воздвижение Креста Господня мы празднуем больше двух недель. Так Святая Церковь печется о нас, чтобы мысль о кресте нас не утешала, а, наоборот, подвигала мужественно совершать жизненный путь, или, как святые отцы говорили, земное странствование. Потому что все мы на земле странники, мы бываем здесь временно, очень недолго.

В сегодняшнем Евангелии от Марка рассказывается, как воскресший Господь «явился сперва Марии Магдалине, из которой изгнал семь бесов. Она пошла и возвестила бывшим с Ним, плачущим и рыдающим; но они, услышав, что Он жив и она видела Его, — не поверили. После сего явился в ином образе двум из них на дороге, когда они шли в селение. И те, возвратившись, возвестили прочим; но и им не поверили».

Когда Христа распяли, ученики, конечно, горько плакали, потому что утрата была уж очень велика. Никогда еще они не видели такого прекрасного человека, и вот Его убили ни за что. Невинная смерть всегда нас ужасает, и это очень понятно. Но вот приходит Мария Магдалина, которую апостолы прекрасно знали, потому что она всегда с ними ходила и тоже была ученицей Спасителя. И она говорит: я была у гроба и видела

воскресшего Иисуса, с Ним беседовала, и Он мне сказал, чтобы все мы шли в Галилею, там Он нас встретит. А они ей не верят.

Почему смерти легче поверить, чем бессмертию? Ведь когда умирают наши близкие, душа наша плачет. Это говорит о том, что душа никак не может со смертью согласиться. И люди стараются даже о смерти не думать, боятся произносить это слово, говорят: если что случится. Человек хочет смерть совсем изгнать из своей жизни, хотя каждый знает, что он умрет. Это нежелание думать о самом главном моменте нашей жизни — переходе в вечность — связано с помраченностью нашей природы. Поэтому о таких важных вещах нам не хочется размышлять, а когда нам кто-то говорит истину, то, даже если мы умом с ней вроде соглашаемся, сердце наше в силу своей порочности отказывается в нее верить.

Почему, если кто-то объявит себя врачом и целителем, у него сразу будет очень много пациентов, а если скажет: ходи в храм, молись Богу, и Господь тебя исцелит, — то на эти слова откликнутся единицы из десятков тысяч? Почему всякой неправде человек верит охотней? Потому что он сам состоит из неправды, и всякая неправда, всякая ложь ему ближе. Вот поэтому, хотя Господь три года говорил Своим ученикам, что Ему надлежит быть схвачену в Иерусалиме, распяту и в третий день воскреснуть — не могли же они это забыть, — но это ушло из их сознания.

И нечто подобное с нами тоже происходит. Сколько человеку ни говори, что тот, кого ты оплакиваешь, отмучился; что у него ничего больше не болит; что земная жизнь его закончилась в самый благоприятный для него момент; что Господь забирает человека тогда, когда он наиболее готов к этому, и поэтому смерть не зависит ни от того, что врачи упустили, ни от какой-то другой случайности, — но человек все равно не соглашается, все равно плачет. Происходит неверие истине. И это наша большая беда, потому что Господь сказал: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет», даже если крестится.

Крестятся-то почти все, но этого недостаточно. Крещение может быть спасительным, только если оно сопряжено с верой в то, что существует Бог и существует загробная жизнь. Но и этого, оказывается, недостаточно для спасения души. То, что Бог существует, очевидно, а нужно веровать Самому Богу. Нам надо научиться веровать тем словам, которые Господь сказал. А вот этого часто нам не хватает, потому что мы как-то забываем о словах Господних.

Господь сказал: «Просите, и дастся вам; ищите, и обрящете; толцуйте, и отверзется вам». А апостол Иаков говорит: когда ты просишь у Бога, не думай о том, что Господь тебе не даст, потому что если ты будешь думать: то ли даст, то ли нет,— ничего не получишь. И если бы мы каждый раз, когда у нас есть в чем-то нужда, действительно, как в дверь, стучали своей молитвой с твердой верой, что Господь даст, — то Господь бы и дал.

Обычно люди спрашивают: какую молитву читать? Человек думает, что все от слов зависит: в таком порядке читать или в таком, молитву одного святого или другого. Какая разница? Можешь вообще одну молитву читать: Господи, помилуй. Этого достаточно. Но человек не верит в это. Ему говорят: не бойся никаких бабок, колдунов, чародеев, знахарей, чумаков. Что ты так трепещешь? Это все идолы, это все ничто. Но нет, человек маловерен, и поэтому он устрашается: а вдруг нападут? а вдруг убьют? а вдруг заболел? Как будто это может быть вдруг. В Евангелии сказано, что без воли Божией волос с головы человека не падает, а мы все равно этому не верим, мы считаем: это мне сделали, та мне наколдowała, врачи виноваты, еще что-то. И пока мы будем так думать, пока у нас не будет твердой надежды на Бога, мы никогда не сможем ни стать христианами, ни спасти свою душу, потому что спасение души требует от человека именно веры.

С чего начинается духовный путь человека? Не с того, что его сразу осеняет благодать Божия и он становится святым. Нет, сперва он должен поверить. Вот Церковь учит: исполняй заповеди, и тогда, в результате исполнения этих заповедей, на тебя сойдет

благодать Божия. Можно этому не поверить и ничего не делать — и тогда благодати Божией не достигнешь. А можно поверить: раз Господь сказал, что так оно будет, значит, так и будет. Мы ведь знаем Христа, мы читали о Нем в Евангелии, наше сердце же говорит нам, что Такой Человек не может врать. Как может врать Тот, Кто с неба сошел только для того, чтобы нас спасти, и принял за нас такую жестокую смерть? И хотя Его не понимали и не слушались, Он все равно старался учить и Своей жизнью и смертью засвидетельствовал об истине. Какие еще нужны доказательства? Никакие доказательства не нужны. Нужно только доброе благорасположение слушать слова Господни, слагать их в своем сердце и исполнять в своей жизни.

Путь к Царствию Небесному, к благодати Божией очень долог. Это все равно что научиться какому-то трудному ремеслу. Чему-то обучиться можно легко: например, машину водить можно научиться за месяц. А вот сапоги шить — это уже дольше. А чтобы хорошо готовить, надо еще больше времени. А чтобы играть на фортепиано более-менее сносно, нужно десять лет потратить. А чтобы живописи научиться, нужно потратить лет пятнадцать. А есть еще такие вещи, которым вообще никак не научишься, потому что нужен талант, дар от Бога. Сколько ни учишься во всех институтах, педагогом хорошим ты не станешь. Ты можешь стать честным, добросовестным, отдающим всю свою душу, но если тебе от Бога не дано, то ты хоть лоб расшиби.

И каждое дело требует обязательно труда: чтобы чему-то научиться, надо обязательно вложить силу, время и веру. Вот так же и спасение души, которое святые отцы называли наукой всех наук и искусством всех искусств. Это сложнее и музыки, и живописи, и кулинарии, и чего угодно, сложнее даже воспитания детей, которое тоже есть высочайшее искусство. Много ли в Москве людей, которые могут сказать: да, мои дети прекрасно воспитаны? Может быть, полтора десятка и найдется на десять миллионов человек, а может быть, и меньше, потому что какие-то изъяны сразу видны — и значит, не хватило искусства, мастерства, терпения.

А спасение своей души — это еще сложнее. Поэтому Господь на спасение души отводит нам всю жизнь, чтобы мы с самого начала до самого конца этим занимались. Но пока мы не поверим, что в результате этого подвига, в результате этих трудных усилий мы достигнем спасения, мы, конечно, не сможем ничего сделать. Если человек не верит, что он когда-нибудь станет художником, — сколько он ни занимайся, ничего не выйдет. Так же и здесь. Если мы не верим своему спасению, не верим, что Господь спасает нас от грехов; если мы больше верим в то, что нам кто-то что-то сделал и, значит, он сильнее нашего Бога, который нас отдал на растерзание всяким колдунам и чародеям, всяким негодьям; если мы забываем о том, что Бог вообще всем управляет: каждым процессом и во Вселенной, и в нашем организме, — если мы забываем, перестаем в это верить, то сразу начинаем тонуть.

Как в Евангелии, когда Господь приблизился к лодке, и ученики испугались, подумали, что это призрак, а Он им говорит: «Это Я, не бойтесь». И Петр сказал: «Если это Ты, повели мне придти к Тебе по воде». Господь говорит: «Иди». И Петр сразу поверил. (Он был человек порывистый, очень крепкой веры, поэтому Господь и назвал его камнем — «Петрос» значит «камень». Господь сказал: «Ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою», потому что Церковь может стоять только на вере.) И вот Петр пошел, сделал по морю один шаг, второй, третий. А тут волны. Он отвлекся на секундочку, помысел какой-то в голову вошел, и он испугался. Раз испугался — значит, сразу стал тонуть. И закричал: «Господи! спаси меня». Господь ему говорит: «Зачем ты усомнился?» — взял его за руку и втащил в лодку.

Но сначала-то Петр шел по воде. И не один Петр, много людей в истории Церкви ходили по воде, даже не задумываясь над тем, вода это или суша. Надо на ту сторону перейти — взял и пошел, и ничего в этом особенного, сверхъестественного нет. Гораздо

более сверхъестественно, когда человек был жадным — и стал добрым. Вот это гораздо более чудесно.

А почему Петр все-таки смог сделать несколько шагов, а Мария Египетская вообще всю реку перешла? Почему они смогли? Потому что несколько не сомневались в Боге. Но наше сомнение тоже понятно. Оно происходит оттого, что Бог от нас далеко; оттого, что мы все время от Него отвлекаемся; оттого, что мы о Боге не думаем и не молимся Ему. А если бы мы Богу молились, то мы бы во всем, во всем Ему доверяли. Мы бы знали, что ничего с нами не случится никогда без промысла Божия. А если по промыслу Божию с нами что-то случается, значит, это зачем-то Богу нужно. И действительно, если мы оглянемся назад, то увидим, что нашей в жизни есть закономерности. И многие вещи, которые мы когда-то воспринимали как страшную трагедию, принесли нам огромную пользу — не материальную, конечно, а духовную, потому что благодаря этому мы смогли приблизиться к Богу.

Но человек, как правило, стремится именно к земному счастью, которое есть избавление от страданий. Вот хочешь есть, а не на что купить — это уже страдание. Значит, чтобы избавиться от этого страдания, нужно деньги иметь, нужно их зарабатывать. Или все вокруг настолько противно, что хочется забыться — взял две бутылки, выпил и забылся. Тоже избавился от страдания. Но это временно, потом опять протрезвеешь, и опять надо пить, и помимо этого еще всякие побочные явления: головная боль, белая горячка, потеря жены, работы и много всяких неприятностей.

А если человек в Боге, тогда никакие эти суррогаты не нужны. Человек все воспринимает от Бога с полным доверием. Поэтому Господь и говорит: будьте как дети. Маленький ребенок полностью доверяет отцу и матери. Вот его подбрасывают вверх и ловят, а он не боится. Ему в голову не может прийти, что мать или отец его уронят. Если взрослого человека поднять на большую высоту и начать его вертеть, он испугается, а маленькому человеку даже в голову не приходит бояться, потому что он чувствует прикосновение рук отца или матери или еще какого-то родного человека и он полностью доверяет. Пока ребенок не вкусил зла, он доверчив, он еще не знает, что дяди бывают хорошие и плохие. Поэтому он уже начинает различать, кого-то бояться, кого-то не бояться, но изначально такого не было.

Вот так же и человек, который имеет полное доверие Богу, совершенно страха лишается. Потому что, когда человек соединяется с Богом, вся его земная жизнь как бы меркнет, перестает иметь большую ценность. Бог есть Дух, Который живет в ином, высшем мире. Поэтому когда человек соединяется с Духом, он соединяется с иным миром и, живя здесь, на земле, сердцем принадлежит тому миру, а все то, что происходит в этом мире, совершенно иначе воспринимает.

Что самое страшное для современного человека? Это смерть. И когда он сталкивается со смертью, то ужасается. А для человека духовного, который соединился с Духом Божиим, смерти нет. Потому что вот душа в теле, а вот эта душа вышла из тела. И что? Человек же жив, он есть, он существует. Какая трагедия? Что вышел из своего тела в двадцать шесть лет, а не в шестьдесят два? А разве это принципиальная разница? Любое конечное число по сравнению с бесконечностью есть бесконечно малая величина, поэтому двадцать лет или сто — это неважно. Раз уж Бог так распорядился, то человек это принимает, потому что он обращен туда, и он знает, что он может молиться за умершего, может продолжать с ним общение.

Для того, кто не знает иного мира, смерть — трагедия, потому что он с умершим человеком расстается, как ему кажется, навсегда. Он свою жизнь, вот такую короткую, воспринимает как вечность, а тот человек уже ушел туда, в мир иной. Так и говорят: его не стало, ушел от нас. Но ведь это же временно, он временно недоступен для непосредственного общения, но, если мы молимся за него, разве наши души не общаются?

Разве мы не чувствуем, что Господь слышит наши молитвы и что сам он тоже это воспринимает?

Поэтому надо нам действовать по своей вере всегда, упорно, борясь с собой, борясь со своими страхами, борясь со своей ленью, со своим малодушием, маловерием, все время прося у Бога, чтобы Господь нашу веру укрепил. Как Он Фоме сказал: «Не будь неверен, но верен». Цель нашей жизни в этом: верны ли мы? И если верны, тогда Господь примет нас навсегда, тогда наша вера разрешится.

Когда женщина носит в себе ребенка, она не знает, какой он: будет он послушен или непослушен, шатен или блондин, мальчик или девочка, — ничего она не знает, она его только чувствует и его любит. А когда приходит время родить, она скорбит, потому что это больно, и страшно, и полно всяких переживаний. Про роддома вообще лучше не говорить, это часто жуткие заведения. Чем там ребенка заразят? Подойдут врачи к роженице или не подойдут? Но когда уже родится ребенок, все забыто: и как хотела жалобы писать, и как кричала, и как мечтала, чтоб был обязательно мальчик или девочка, — все забыто. Родился, назвали, покрестили — и мать радуется, и все вокруг радуются.

Так же и мы, живя здесь, на земле, Бога чувствуем, начинаем Его любить, но не увидели Его еще пока лицом к лицу. Лицом к лицу человек начинает видеть Бога только тогда, когда его сердце соединяется с Духом Божиим. Господь так и сказал: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Поэтому многие люди никогда Бога так и не увидят ни в этой жизни, ни в той. Бог есть огонь поедающий, и человек может соединиться с Богом, только если он сам огонь. Поэтому чтобы войти в Царство Божие, нам надо самим гореть тем же самым духом. И если будет в нас это горение, то мы познаем Бога и станем Его наследниками, мы наследуем Его Царство.

Понятно, что Господь избирает нас не по крови. Чтобы быть принцем и наследовать земное царство, достаточно, чтобы у тебя папа был король, больше ничего не надо. Но каждый живущий на земле человек рождается не только папой и мамой. Папа и мама создают ему плоть, а душу вкладывает Бог, поэтому каждый человек есть дитя Божие. И каждый человек, какого бы цвета кожи он ни был, какой бы национальности, на каком бы языке ни говорил,— каждый призван к Небесному Царству. Но ведь от наследства можно и отказаться. И большинство людей отказываются от этого добровольно. Они не верят в то, что они принцы; они не верят в то, что Бог есть их Отец; они не молятся Ему, не говорят: «Отче наш», а если и молятся, то автоматически, забывая, что это обращение именно к Отцу.

Бог нам Отец. Поэтому как ребенок на руках отца чувствует себя спокойно, так и мы должны. Мы должны быть очень спокойны, нам нечего бояться, если мы Богу верны. Если мы непослушны, если мы капризны, если мы машем ручкой: «Уйду от тебя, плохой ты», тогда, конечно, мы лишаемся благорасположения Отца. Как капризный ребенок: ему говорят, а он не хочет слушать, и в результате он ссорится с родителями, его ругают, ставят в угол, ему говорят: «Отстань, ты мне надоел».

Конечно, Господь так не поступает. Он долготерпелив, Он каждого зовет, но Он никого не заставляет. Он предоставляет каждому из нас полную свободу. Евангелие есть? Есть. Сын Божий на землю приходил? Приходил. Церковь создал? Создал. С помощью таинств крещения, а потом покаяния, причащения ты можешь соединиться с Богом? Можешь. Ты можешь свою душу очищать от греха и возвращать себе подобие Божие, чтобы действительно войти как принц в Царствие Небесное. А если не хочешь — не надо, никто тебя заставлять не будет.

И таких, кто хочет, очень мало. Большинству Царство Небесное не интересно, не нужно, не хочется. Вот программа «Взгляд» — это человеку интересно, не оторвешь за уши, а Царства Небесного душа даже не просит. Но и мы — вроде мы в храм пришли, вроде мы верующие, но если глубже копнуть, то и в нас полно всякого неверия. Мы все время по мелочи отвлекаемся от Бога, все время отрекаемся, все время идем назад, все

время падаем. И нужно, как только упали, встать, отряхнуться и опять делать шаг вперед. Нам нужно быть очень твердыми, терпеливыми и мужественными, потому что другого пути нет. И каждый шаг на этом пути — это шаг веры.

Верь! Каждый раз, когда вечером или утром встаешь на молитву — хочется тебе молиться или не хочется, спешить ты или не спешить, — постой секундочку и подумай: ведь ты с Богом разговариваешь. Верь, что Он тебя слышит. И как только ты проникнешься этой мыслью, ты уже не сможешь читать шалаяй-валяй и лишь бы как, тебе будет стыдно. Потому что Господь за тебя кровь пролил, а тебе, видишь ли, некогда, у тебя, оказывается, на земле есть какие-то еще дела. Так же и с храмом: плохо себя чувствуешь, хорошо ли, можешь идти, не можешь, в гости ли тебя позвали — тоже хорошо сходить в гости, но встреча с Богом, она же все-таки важнее всяких гостей, она же дороже папы и мамы, она дороже детей и жены, она дороже любимой работы. Всего дороже должна быть встреча с Богом, потому что это — соединение с самым любимым, самым желанным, самым ожидаемым. А мы об этом забываем и этому не верим.

Поэтому это Евангелие написано для нас. И не надо нам осуждать апостолов за то, что они оказали такое неверие на первых порах. Мы ничем не лучше их. А надо нам становиться все лучше и лучше и очищать свое сердце до такой степени, чтобы и на нас, как на них в Святую Пятидесятницу, Дух Святой сошел, и мы познали, что такое Царство Небесное, и увидели бы Живого Бога. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
23 сентября 1989 года*

Всенощное бдение под Покров Пресвятой Богородицы

Покров Пресвятой Богородицы — это чисто русский праздник. Из всех Православных Церквей только у нас его так почитают и уже с глубокой древности начали возводить храмы в честь этого события, которое произошло во Влахернской церкви в Константинополе, где хранился мафорий Пресвятой Богородицы, Ее пояс.

Первого октября (по старому стилю) народ под воскресенье собрался на всенощную, вроде как мы сегодня, молиться Богу. Вошел и преподобный Андрей, Христа ради юродивый. И вот посреди ночи он возвел свои очи горе и увидел Пресвятую Богородицу, Которая стояла на воздухе, и Иоанн Креститель, и Иоанн Богослов были рядом с Нею, и множество святых ангелов, и много других святых. И над всеми молящимися Матерь Божия простирала Свой покров. Завороженный чудным видением, преподобный Андрей сказал своему ученику Епифанию: «Видишь ли ты?» — «Вижу, отче».

Больше никто Божию Матерь не удостоился видеть, потому что Господь такие видения дает только великим угодникам Божиим. Поэтому когда люди, живущие во грехах, говорят, что им являлись ангелы, они заблуждаются: это обычно не ангелы, а бесы в образе ангелов являются. Так что основная часть видений, которые бывают у людей грешных, они порядка другого, бесовского, и называются прелестью, потому что даются от дьявола, чтобы человека прельстить, чтобы он о себе возомнил, что он этого явления достоин. Сподобиться истинного духовного видения и не повредиться может только человек чистой жизни, исполненный глубочайшего смирения, который ни в коем случае не сочтет себя достойным чего-либо значительного.

Об этом видении стало известно людям, весть о нем дошла и до Руси. И хотя в Константинополе в честь этого события не было установлено праздника, но на наш народ

оно произвело очень глубокое впечатление, оно умилило сердце русского человека, и Покров вскоре стал у нас великим праздником, как Усекновение главы Иоанна Предтечи и Обрезание Господне. Князья уже с древних времен строили Покровские храмы в память о том, что Пресвятая Богородица над всеми, кто Ей молится, простирает Свой покров. Благоверный князь Андрей Боголюбский на Нерли построил в честь Покрова один из самых известных русских храмов, который своей красотой, изяществом, благородством затмевает многие храмы. Он очень древний, одиннадцатого века, и существует до сих пор. Конечно, пока еще там службы нет, но Бог даст, и будет.

Предание говорит, что преподобный Андрей, Христа ради юродивый, по происхождению славянин. Неизвестно, русский он был или нет, но, во всяком случае, родом из славян, может быть, и из русских племен, так что он нам особенно близок, и память его празднуется на следующий день после Покрова Пресвятой Богородицы.

Из истории мы знаем, что наш народ часто прогневлял Бога и Господь посылал ему скорби для вразумления. Самое страшное — это было нашествие монголов, татаро-монгольское иго, которое длилось не одну сотню лет. В то время между удельными княжествами постоянно происходили безобразные драки, братоубийственные войны, междоусобицы и постоянно лилась кровь. Все, что стяжала святая Киевская Русь, разорялось, князья друг друга грабили; из храмов забирали и честные мощи, и иконы и везли к себе, а людей убивали. Господь долго терпел и наконец попустил орде кочевников напасть на Русь, и целые века она была в пленении. Забирали в плен лучших людей, самых красивых девиц, отбирали деньги, всячески русских унижали, долго-долго, до тех пор, пока они в разум не пришли, пока не опомнились и стали собираться вокруг Церкви, стали единым государством, объединились вокруг Москвы и смогли прогнать злодеев.

Нашествие Наполеона тоже было не случайно, а попущено Богом за грехи, за то, что многие наши соотечественники отступили от Бога, поверили всяким западным учениям. Люди просвещенные, особенно дворяне, очень увлекались французскими философами, французской революцией, и вот эта французская революция выпустила на нашу страну исчадие ада — Наполеона. Двенадцать народов напали на Россию и много горя принесли, море крови, слезы, пожары; сердце России — Москва — была сожжена. И опять бедствие на некоторое время сплотило, объединило всех. Уже во время войны дворяне вспомнили, что мужики, оказывается, им братья, а не какие-то их рабы; что у них тоже есть и чувства, и сердце; что у них общая земля. Люди вспомнили о Боге и смогли очень быстро прийти к победе.

Но всегда так бывает, что человек добра как-то не понимает, не чувствует. И опять постепенно зло проникло в среду русского народа, от Церкви начали отходить не только дворяне, но это пошло и дальше, ниже, целые слои общества стали от Бога отрекаться. Тогда Господь попустил как генеральную репетицию революцию в 1905 году, чтобы люди немножко поняли, к чему это все может привести: к братоубийственной стрельбе, к убийству людей в городах и весях без всякого нашествия извне. Но народ не опомнился. Чуть ранее Господь попустил войну с Японией — маленьким островным государством, в котором живет совершенно нехристианский народ. И вот этот народ, крошечный по сравнению с могучей Россией, вышел победителем, русские потерпели безобразное поражение, и пришлось заключить позорный мир.

Но основная масса народа опять никак не вразумилась, не послушала своих пастырей. А тогда пастыри были прекрасные, отец Иоанн Кронштадтский был известен всей России. И Господь попустил еще одну войну — мировую, чтобы все объединились вокруг Церкви и этим прекратили бессмысленную бойню. Люди уже стали гибнуть десятками, сотнями тысяч, но так и не покались. И тогда разразилась катастрофа, плоды которой мы пожинаем до сих пор. Был уничтожен цвет нации, уничтожено все, что накопила империя за долгие годы. Теперь-то мы просто вычерпываем остатки недр той земли, которую Бог нам дал, живем за счет того, что Господь вырастил: за счет леса, нефти. А если бы не было

их, и если бы нас не кормили другие страны, огромным потоком не лилось бы зерно, то у нас нечего было бы даже и есть, и мы просто бы умерли с голоду. Вот к чему пришли. И это все следствие наших грехов.

Но и на протяжении последнего, катастрофического периода жизни нашего государства Господь тоже нас вразумлял. Какое было попущено нашествие Германии, страшное дело. И опять на некоторое время народ как-то объединился вокруг своей Церкви, стали больше Богу молиться, стали храмы открывать, а потом снова все пошло постарому. К шестидесятому году началось такое пьянство, которого не видали еще никогда на Руси, а уж к восьмидесятому стали пить в двадцать раз больше, чем в тринадцатом году. И конечно, все пришло в страшное разорение, потому что на этот путь становиться — это значит все пропивать, все спускать. Вот так мы и доматываем то, что еще осталось в России.

Попущенная Богом страшная катастрофа началась с отречения императора, которого окружали трусы, предатели и изменники и склоняли к тому, что для спасения России ему надо отречься от престола. А государь был очень смиренный, кроткий, богобоязненный. Если бы на его месте оказался его отец Александр III, он бы просто их вышвырнул за шкуру, но Николай Александрович был не такой, у него был характер не Петра I, и он склонился на уговоры: раз просят лучшие представители России, как они себя называли, то для спасения России уж пожертвую собой, пожертвую и трон: хотите — пожалуйста. То есть он повел себя так, как подобает христианину; поступил так, как поступали все святые, как поступил преподобный Сергей. Когда возроптали братья на то, что у него строгий устав, Сергей взял и тихо ушел из того монастыря, который сам создал.

И вот в день отречения императора явилась чудотворная икона «Державная», на которой Матерь Божия изображена как императрица, с жезлом и державою — символами царской власти. То есть этим самым Пресвятая Богородица дала понять всем русским людям, которые еще веровали в Бога, что отныне Она Сама есть Заступница наша и кто будет к Ней взывать, кто будет Ей молиться, кто будет к Ней обращаться за помощью, того Она будет и спасать, и защищать.

И вот сейчас мы все больше и больше видим, что люди стараются к Богу обращаться: многие стали креститься, даже взрослые, восполняя то, что они когда-то не сделали; многие вразумляются, начинают интересоваться духовной жизнью. И Господь дал нам ослабу. Мы этого совсем не заслужили, мы за это не боролись, никаких писем не писали, не бастовали, даже особенно и не просил никто. Но, тем не менее, мы видим, что происходят чудеса: начали открываться монастыри, церкви, новые семинарии духовные.

И за последние дни два удивительных чуда произошли. Первое — это канонизация Патриарха Тихона, который был на патриаршем престоле всего несколько лет, и из них огромную часть времени — в тюрьме и под домашним арестом. Он застал самое жуткое время и пытался всячески оградить свою паству от зла: призывал своими посланиями хранить веру; всех, кто посягал на Церковь, предавал анафеме, никого не боялся. Поэтому его и травили, и пытались убить два раза, и наконец на третий раз все-таки отравили хитрым образом. И вот теперь Патриарха, которого все последние десятилетия обливали такой грязью, что, если любую статью взять по истории этого периода, ну все какие есть слова нехорошие, все по его адресу были сказаны, — теперь его причислили к лику святых. Был только один человек, которого еще больше обливали грязью, — это наш император. Но несмотря на всю эту вылитую грязь, тем не менее, их имена сияют, и Святейший Патриарх Тихон теперь прославлен как святой. Это не значит, что в прошлом году он не был святым. Он был святым еще до того, как взшел на патриарший престол. Но одно дело — человек прославлен у Бога, а другое дело — прославлен еще и на земле. Теперь каждый из нас может к нему с молитвой обращаться, просить его помощи. Это чудо из чудес Бог совершил Сам, Своей властью, хотя и через людей.

И второе чудо: сегодня прошло первое богослужение в Успенском соборе в Кремле. Там не служили с восемнадцатого года, и вот теперь была служба, пока еще очень остороженько, пока еще только панихида и молебен, но уже престол стоит, покрытый специальным облачением, Евангелие на нем лежит, два креста, дарохранительница. Митрополит совершил молебен, вокруг все епископы Православной Церкви собрались. Много, конечно, еще шероховатостей, народ туда пока не пускают, то-се, но уже гора сдвигается. Конечно, не по нашим заслугам, все это Господь нам дарует как Свою милость, за молитвы Пресвятой Богородицы. И душу нашу переполняет радость, и восторг, и благодарность за то, что люди, от которых зависит это разрешение, склоняют свое сердце на милость. Вот как в молитвах Василия Великого, которые произносятся на Божественной литургии, есть такие слова о властях: «Внуши им благое о Церкви Твоей». И носители теперешней власти как бы услышали молитвы Церкви и склоняются к этому благу.

И мы должны свои молитвы усилить, потому что, когда человеку тяжело, когда он сидит в тюрьме, или ему оторвало ногу, или у него болит желудок, или умер любимый сын, тогда у него молитва глубокая, сильная, со слезами. А сейчас мы живем в пору доброго отношения к Церкви, пусть еще не во всей полноте, нам хочется все больше и больше, но все-таки то, что происходит сегодня, еще три года тому назад было невозможно даже представить. И вот пожалуйста, чудеса совершаются на глазах. Ведь это огромное чудо: в самом сердце не только Москвы, а всей России вдруг совершается молебен, и все собрались, и все молятся. А так как Москва — это же пример для всех, то начальство где-то на местах, в каком-нибудь Омске или в Хабаровске, услышит, что в Москве служба — и надо, мол, и нам. Так вот оно все и пойдет.

Но мы можем с вами, братья и сестры, оказаться недостойными этого дара, вот в чем дело. Потому что когда человеку хорошо, когда ему спокойно, когда его никто не жмет, не обижает, он как-то расслабляется, перестает Богу молиться, и постепенно огонек угасает. А раз угасает, то Господь это долго терпеть не будет.

Вот Россия была вся покрыта храмами, а все храмы — покрыты золотом. И было триста пятьдесят тысяч священников, и полмиллиона монахов, и тысяча сто монастырей — мы даже не можем представить такую цифру. Пятьдесят тысяч храмов, пятьдесят семинарий. Это же сколько там было профессоров! А сколько, значит, книг! Сколько библиотек! А в каждом храме сколько икон! А сколько облачений! И ведь все Господь отнял, буквально в течение нескольких лет это как пшик кончилось, потому что это все было дутое. В Болгарии, которая, так сказать, со спичечный коробок, сейчас сто пятьдесят монастырей, а у нас — только двадцать.

Ведь Богу-то не нужны ни золото, ни мрамор, ни обилие свечей, ни богослужения торжественные. Нет, Богу нужно только одно, Он так и говорит: сыне, дай Мне твое сердце. Господь хочет, чтобы сердце человека принадлежало Ему. Поэтому мы должны в своем сердце никогда от Бога не отречься, а быть Ему верными во всем, в каждой малейшей заповеди. И если мы будем вот так проводить свою жизнь христианскую, тогда и внешняя наша жизнь тоже процветет; а если будем только храмы строить, да украшать, да только все внешнее творить, а внутри себя будем вести совсем не христианскую жизнь, то Господь опять, в который раз все отнимет. И это окажется уже раз последний, потому что по пророчеству духовных людей известно, что да, будет и служба в Успенском соборе, и Россия еще воспрянет, еще храмы начнут открываться, и начнут много людей к вере приходить. Вот мы живем в начале этого рассвета, а потом настанет конец, потому что это будет уже последний всплеск. Это мы совершенно отчетливо видим, понимаем и чувствуем.

И насколько это окажется глубоко, насколько будет широко время этого благодатного периода, который мы не знаем, сколько продлится — может быть, сто лет, может быть, двести, может быть, тысячу, может быть, пять лет, — этого мы совершенно не знаем, это

все сокрыто у Бога. И как, может быть, ни странно звучит, но зависит это только от нас с вами и больше ни от кого, потому что Господь сказал про Своих учеников: «Вы — соль земли». Поэтому пока мы с вами являемся этой солью, пока мы солены, мы осаливаем весь этот мир и предохраняем его от гниения. А если наше благочестие дутое, если наше христианство пустое, если в церкви-то мы благочестивы, а в душе у нас мрак и грязь, если в домах своих мы не можем даже мир сохранить, не можем семьи свои напитать благочестием, то тогда это возрождение никакого смысла не имеет. Поэтому мы, братья и сестры, должны с вами трудиться духовно еще более усиленно, еще больше стараться молиться, никак не расслабляться. Пусть наша радость по поводу того, что наступает сейчас для Церкви мир и благоденствие, не кружит нам голову, а оставляет нас трезвыми, в сознании нашего недостойнства таких милостей Божиих, и подвигает нас на труд духовный для того, чтобы эти благие дни продлить.

Сказано: не стоит село без праведника. Если хотя бы один человек в нем Богу угрожает, это село будет стоять ради него. Почему мир еще до сих пор не погиб? Вы думаете, Господу Богу приятно смотреть на всю эту порнографию, на всю эту банду, на все это пьянство? Думаете, приятно Богу смотреть, как люди перед телевизором Кашпировского слушают, сатане кланяются? Бог для чего кровь проливал, чтобы люди порчу на себя наводили, сами лезли в пасть к дьяволу? Нет. Но Господь терпит. Почему терпит, почему не прихлопнет всю эту бесовщину, весь этот блуд, пьянство, воровство, матерщину, весь духовный развал по всему миру? Только ради тех людей, которые пока еще стремятся к истине. А стремящихся к истине можно встретить только в храме, больше нигде. Потому что истину в книгах не найдешь, ее можно только непосредственно сердцем воспринять через церковные таинства.

Поэтому как мы с вами ни грешны, но мы все являемся избранниками Божиими. Он нас избрал для того, чтобы от нас спасение пошло дальше. Хотя мы и немощные, и многого не понимаем, и грешим постоянно, но тем не менее мы все-таки веруем, мы все-таки каемся, мы все-таки надеемся на прощение. И надо нам стараться быть потверже, помужественнее, быть более верными Богу; стараться изо всех сил показать образ благочестия, чтобы Господь, хотя бы глядя только на нас, радовался. А то ведь, когда Он ходил по земле, Он говорил: Мне негде приклонить главу, — хотя Он и пришел к Своему народу, который ждал Его не одну тысячу лет. А теперь единственный большой православный народ остался только здесь, на Руси, больше нигде нет.

И вот Господь на одного смотрит, хочет у него в сердце главу приклонить — а он водку пьет; другой к чужой жене пошел, третий кого-то сейчас грабит, а ведь тоже крещеный, мать когда-то его крестила, бабушка, может, в церковь водила. Тогда Господь опускает взгляд на храм Божий. Много храмов на Руси за последние два года открылось — три тысячи. И смотрит Господь: а что в храмах? А в храмах и алчность, и свары; одни к одной партии принадлежат, другие — к другой; друг на друга письма пишут, злятся, всех осуждают, всякие споры, драки — не хватает у людей любви. Иногда приедешь в какую-нибудь деревню: в храм-то ходят человек пятнадцать, но и там мира нет. Даже диву даешься: бывает, люди на одном клиросе поют, служат одному Богу, и все равно и зависть, и обиды, и нет смирения, и постоянные друг против друга козни. Господь сказал: когда приду на землю второй раз, найду ли веру на земле? И мы должны эту веру в сердце иметь, чтобы Он нас нашел, чтобы Он нас собрал, чтобы Он нас спас. Вот к этому мы все призваны.

За молитвы Пресвятой Богородицы о нас, грешных, сейчас наступает для Церкви мир. Но это мир только от внешних обстоятельств. Это не значит, что дьявол уснул, вышел на пенсию или уехал к себе на дачу отдыхать. Нет, все остается по-прежнему, борьба идет, только она меняет свои формы. Дьявол старается человека прикупить, обмануть, соблазнить. Сколько обманутых православных у телевизоров смотрят этих врагов рода человеческого, этих чумаков! Сколько смакуют: вот тарелки прилетели, на них какие-то

инопланетяне. Родненькие, это же бесы, а не инопланетяне! Нигде, ни на одной планете жизни нет и быть не может. Ну представим: если есть две планеты — что же, значит, Христос и туда, что ли, пришел? И там тоже кровь пролил? И там тоже из гуманоидов Церковь создал? Это же бред, неужели не понятно?

Земля наша есть центр всей вселенной, но центр не математический, потому что вселенная из одной точки летит в разные стороны, а центр духовный — здесь пролита кровь Сына Божия. И пришел Он на эту маленькую планету, чтобы человека спасти. А человек чем занят? Вот инопланетяне там, эзотеризм, буддизм, Чумак... и пошло и поехало. Сам Бог кровь пролил за него, а он еще думает: Христос — йог или не йог? Вон Чумак по телевизору за раз сколько исцеляет народу! Может быть, еще скажут, что он посильнее Самого Бога?

Все упирается в то, кому человек верует и чему. Как Господь сказал: «Кто от истины, тот слушает слова Божии». А если человек соблазняется на то, что предлагает ему сатана, то он уже не от истины и, если даже и в церковь ходит, он все равно пропащий, потому что вот антихрист пришел, а он к нему в лапы, прямо сам, добровольно. Ему же никто к затылку ружье не ставит, как раньше, лет пятьдесят назад: приставят к затылку дуло и спрашивают: «Ну, как, голубчик, есть Бог?» — «Есть». Пух, и все, очень просто. А здесь никто не заставляет, сам человек идет, как кролик в пасть удава. Сам, сам смотрит блудные фильмы, сам читает всякую порнографию, сам детям выписывает газеты, которые обучают жизни сексуальной с пятилетнего возраста. Почему? Потому что уже зараза, уже тлен внутри. Если б был человек от истины, он бы это все отверг с гневом, а слушал бы только слово Божие. А ему слово Божие говоришь — он начинает сомневаться, не верит, оно не ложится ему на душу, потому что отец-то его уже не Бог, а отец его стал дьявол. Он внутренне уже давно от Бога отрекся, поэтому и слово Божие в него не проникает.

Но в нас-то слово Божие проникло. Это же тоже чудо из чудес! Разве нас так воспитывали? Некоторые говорят: меня воспитали так, что я в Бога не верил. Но с нами вот это чудо произошло, Господь нам даровал веру. И надо ее возгревать, надо заповеди Божии исполнять, надо себя на молитву понуждать, надо в храм все время ходить, стремиться к святому причастию, стараться все время изучать слово Божие, исправлять всю свою жизнь для того, чтобы Господь в нашем сердце поселился, чтобы мы вот это избранничество свое не потеряли.

А глядя на нас, может быть, и еще кто-то захочет такой жизни: и деточки наши, и внуки, и соседи; может быть, не все, но кое-кто. Ведь Бог есть огонь. Если этот огонь разгорится в нашем с вами сердце, он пойдет и дальше. Но если он в нашем сердце потухнет, тогда и мир весь потухнет, он уже не сможет существовать. Понимаете, поэтому это зависит от нас с вами, от всех православных христиан, которых на самом деле очень мало. Крещеные-то все, еще немного времени пройдет — и венчаться будут все. Но это еще ничего не значит, потому что для Бога важно, принадлежит ли наше сердце Ему.

Поэтому надо нам стараться этому учиться. Учиться тому, чтобы самих себя, и друг друга, и всю нашу жизнь отдать Христу Богу. И тогда покров Пресвятой Богородицы всегда будет над нами. А с Матерью Божией ничего не страшно: ни голод, ни тягота, ни болезни, ни войны и никакие страдания. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
13 октября 1989 года, вечер*

Вторник седмицы 18-й по Пятидесятнице

В храме мы нередко слышим о том, что осуждать нельзя, но эти слова не проникают в нас. Мы все настолько привыкли к осуждению, что это стало свойством души и зачастую нам даже непонятно: ну как же так? ведь это же явное зло, — и наше сердце возмущается, мы вслух или молча, про себя, но осуждаем людей. И вот в сегодняшнем евангельском отрывке Господь запрещает это, Он говорит: «Не судите, и не будете судимы». Господь, оказываясь, ставит в прямую зависимость тот суд, который будет совершен над нами, и тот, который мы творим над людьми. То есть если мы не хотим быть осуждены от Бога, мы не должны осуждать других. А нас есть за что осудить, потому что нет на земле человека, который перед Богом не согрешил. Был только единственный не совершивший ни одного греха — и то это Богочеловек Иисус Христос, а так все люди согрешают. Поэтому если человек предстанет перед судом Божиим, он обязательно увидит в себе бесчисленные грехи, которые он совершил.

«Не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам». То есть когда мы говорим: как же быть? это же возмутительно, — Господь отвечает: а ты прости. Не осуждать можно одним только способом: если мы научимся прощать.

Чтобы прощать, нужно иметь сердце щедрое, а чтобы сделать свое сердце щедрым, нужно все время упражняться в том, чтобы давать. Грешный человек очень эгоистичен, он все хочет брать, все хочет иметь себе. Но если мы хотим достичь Царствия Небесного, достичь Бога, то мы должны научиться давать, тогда сердце наше постепенно умягчится, и в результате мы обретем способность и прощать. То есть щедрость сердца связана с возможностью прощения: тот, кто не умеет давать, не умеет и простить. А если прощения нет, значит, человек осуждает другого за грех. Раз осуждает, значит, и его будут судить. Раз его будут судить, значит, от него «полетят пух и перья», потому что ни один человек не может выдержать суда Божия.

Давайте «мерюю доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною». Вот как на рынке принято давать «с походом» — не просто стаканчик, а еще с горочкой, дескать, не в магазине, надо побольше дать. Так вот, Господь говорит, и нам надо не просто меру насыпать, а прижать плотно и досыпать еще. А Иоанн Златоуст однажды даже сказал такие слова: «Кто дает, но не щедро, тот не угоден Богу». Мы давать пока еще никак не умеем, поэтому нам надо научиться просто давать, а потом щедро, а уже потом мы научимся не осуждать и прощать. То есть нам еще предстоит очень долгий путь.

И тогда мерой «переполненною отсыплут вам в лоно ваше; ибо, какую мерю мерите, такую же отмерится и вам». В миру какой закон? Ты мне — я тебе. А у Бога наоборот: как я, так и мне, то есть я обязательно должен быть первым. Хорошо, когда человек испытывает благодарность и платит добром за добро, но христианин должен не так, он должен первым делать добро, не думая о том, отплатят ему тем же или нет. За добро, мы знаем это из опыта нашей жизни, мы частенько получаем в ответ зло. Самый близкий пример — наши дети: сколько мы вкладывали в них труда, пота, слез, крови, а какую благодарность от этого получаем? Да никакой, только одно зло, одни неприятности, только расстройства — все наоборот. Но это совсем не значит, что надо прекратить всякое делание добра в отношении наших детей. Нет, конечно, просто делание добра нужно распространить и дальше, на других людей. Ведь когда мы делаем детям, мы же делаем себе, потому что мы любим их по страсти, по родству. К чужим-то детям мы равнодушны, значит, мы не вообще любим детей, а только своих, а раз своих — значит, себя. Всё такие притяжательные местоимения! Поэтому наша любовь к детям — это просто другая форма самолюбия, не такая явная. Так что нам надо обязательно учиться давать вот этой мерюю нагнетенною. И насколько мы будем щедры, насколько сердце наше умягчится, настолько мы и получим дар Божий, благодать Божию, потому что Сам Господь добр, и Он может

войти только в сердце, исполненное добра. Поэтому нам нужно трудиться над своим сердцем, чтобы суметь в течение нашей жизни его умягчить.

«Сказал также им притчу...» Хотя вся духовная жизнь состоит из вещей и понятий, связанных между собой, но здесь Господь предлагает уже другое поучение, задает, как мы говорим, риторический вопрос, на который следует совершенно очевидный ответ: «Может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?» Понятно, что упадут. Дальше Господь говорит: «Ученик не бывает выше своего учителя; но, и усовершенствовавшись, будет всякий, как учитель его». То есть человек должен превосходить того, кого он собирается учить. Вот родители, например, имеют власть, данную им от Бога, учить детей, потому что они старше и приобрели известный жизненный опыт. Или учитель учит учеников, потому что он свой предмет знает гораздо больше и лучше, чем любой ученик, и может передавать ему знания. И тот ученик, который все это воспримет, может достичь уровня своего учителя.

Мы все очень охотно, с большой радостью стараемся всех во всем всегда учить: не только детей наших и учеников, а всех подряд. Господь же говорит, что этого делать нельзя, и приводит в пример притчу. А старец Силуан даже сказал: «Кому не дано учить, а он учит, тот оскорбляет величие Божие». Почему так? Каждое нарушение заповеди Божией есть оскорбление Бога. А Господь же не позволяет нам учить тому, чего мы сами не знаем, но мы, хотя сами еще ничего не умеем, все время стремимся проповедовать, рассказывать людям, объяснять.

Слепец, водящий слепого, упадет в яму, конечно, первый, а за ним и тот, которого он водит. Это мы тоже на своем опыте прекрасно знаем. Когда мы начинаем кого-то в чем-то убеждать, рассказывать о том, как надо верить, как надо молиться, как надо делать то или это, после такой долгой речи мы чувствуем в душе пустоту, уныние, тяжесть. Вроде бы мы говорили о Боге, мы говорили о Царствии Небесном, о благодати Божией, а почему вдруг в душе пустота, почему мы не испытываем радости? Именно потому, что потеряли и то, что думали иметь. Все тепло в трубу ушло — как в печке, если задвижку отодвинуть. Поэтому Господь сказал: не позволяю этого делать. И апостол Иаков говорит: «Не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большому осуждению».

«Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь? Или, как можешь сказать брату твоему: брат! дай, я выну сучок из глаза твоего, когда сам не видишь бревна в твоём глазе? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего». Часто мы учим других тому, чего сами не делаем, особенно это проявляется в воспитании. Мы говорим детям: делай так и не делай так, а сами поступаем противоположно, поэтому и дети, берущие с нас пример, тоже поступают противоположно. И часто они не понимают, за что их наказывают, когда они делают то же самое, что позволяют себе взрослые. Получается, что взрослые — совсем не образец для подражания, а виноватыми оказываются дети. Поэтому прежде чем учить кого-то, нужно вынуть бревно из собственного глаза.

Святые отцы, которые очень внимательно наблюдали за своей душой, заметили такое свойство: каждый в другом может видеть только тот грех, который есть в нем самом. Если человек не знает какого-то греха, то он в другом этого греха увидеть не может. Если кто-то не знает, что такое ложь, лицемерие, его очень легко обмануть. Достаточно ему улыбнуться фальшивой улыбкой, и он будет считать, что к нему хорошо относятся, то есть по простодушию своему обязательно на эту приманку попадет. Если же человек в душе завистник и вор, то для него обязательно все вокруг будут завистники и воры. Поэтому когда мы с вами кого-то осуждаем, тем самым мы подписываем себе приговор: раз мы в ком-то видим грех, значит, это самое есть и в нас, только в большей степени — как сучок относится к целому бревну. Поэтому Господь сказал: «Каким судом судите, таким будете судимы». Коли ты кого-то осуждаешь, значит, это есть и в тебе, и тебя же за это будут судить, как ты судишь другого. Это совершенно четкий, абсолютно

непререкаемый духовный механизм. Поэтому мы должны страшно бояться осуждения, всячески его избегать. Но избежать осуждения можно, только если мы исцелимся от грехов. То есть сначала надо сердце умягчить, из твердокаменного, греховного состояния привести его в умягченное, доброе, и тогда мы не сможем осуждать, а сможем прощать. Вот как все связано!

Дальше Господь говорит: «Нет доброго дерева, которое приносило бы худой плод; и нет худого дерева, которое приносило бы плод добрый, ибо всякое дерево познается по плоду своему, потому что не собирают смокв с терновника и не снимают винограда с кустарника. Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста его». Каждое дерево приносит свои плоды: финиковая пальма — финики, апельсин — апельсины. Хотя деревья все разные, одни очень красивые, высокие, другие маленькие, неказистые, но мы различаем их именно по плодам: яблоня, груша, вишня. Так и у человека вся его жизнь оценивается по тем плодам, которые она приносит. А это зависит от того, каково его сердце: что в сердце человека, таков он и сам. Когда мы говорим, что человек плохой, мы вовсе не имеем в виду, что он некрасивый, маленького роста, толстый, сморщенный, хромой. Нет, мы имеем в виду только одно: каково его сердце, — и по сердцу и определяем, хороший он или плохой. Потому что то, что в сердце, обязательно выплывает и наружу. Конечно, при очень хорошем воспитании, что само по себе не плохо, человек может натренироваться настолько, что ничем не выдаст того, что происходит у него внутри: он будет злиться, а при этом улыбаться; он будет жадничать, а делать вид, что он очень щедрый. Но Богу это совсем не нужно, это нужно людям. Это люди добиваются, чтобы все вокруг прилично себя вели, потому что тогда легко и просто жить. А Богу этого мало, Бог хочет и сердце человека исправить.

И вот, чтобы исправить сердце, нам надо обязательно научиться плодоносить, чтобы от нас не шли зло, зависть, ругань, раздражение, клевета, обиды, осуждение. Все эти горькие плоды нашего сердца надо изъять, а для этого надо нам учиться прощать, учиться терпеть, смиряться, не настаивать на своем, не искать своей пользы, а искать пользы другого. Но если огурцы посадить не в июне, а в конце июля, то цветов мы дождемся, а плодов уже нет, потому что ударит в октябре мороз и все. Так же и у нас. Жизнь наша очень короткая, и она нам дана для того, чтобы мы успели принести плоды добра. В огороде нашего сердца мы должны вырастить плоды добродетелей Христовых. Господь дал нам веру маленькую, как горчичное зерно, которое должно вырасти в целое дерево и принести плоды. Иначе, как бесплодная смоковница, наша душа засохнет.

Мы люди злые, грешные, ленивые, молиться не хотим, не хотим поститься, в храм ходить, Священное Писание изучать; мы хотим только для себя всего достичь: чтобы все нас любили, чтобы к нам никто не приставал, чтобы нам ходить только туда, куда нам хочется, и делать то, что нам нравится. И конечно, в таком состоянии души к Богу приблизиться невозможно, потому что Бог есть любовь, а любовь — это всегда самоотвержение. У нас же любовь только к себе, мы, наоборот, весь мир, всю вселенную желаем подчинить себе: если я собираюсь на дачу, я хочу, чтобы была хорошая погода; если у меня отпуск и я еду отдыхать, то я хочу устроиться удобно, дешево и радостно; если я пришел в магазин, я хочу, чтобы там было то, что мне нужно. У нас вся жизнь направлена на себя. И если мы и дальше будем стремиться к тому, к чему стремиться, собственно, все человечество: достичь изобилия, чтобы ничего не болело, все было тепло, сухо и приятно, — то мы никогда не достигнем Царствия Небесного. Современное человечество не достигнет Царствия Небесного именно потому, что оно ищет не воли Божией, а ищет только своей пользы, в этом эгоистичном стремлении обеспечить себе сладкую жизнь здесь, на земле, уничтожая все, что дал Бог. Но раз мы с вами уверовали в Бога, то мы понимаем, что жизнь наша очень краткая, скоротечная и незачем так настаивать на своем, все время стремиться к какому-то необыкновенному комфорту, к особенному сверхулучшению своего бытия.

Конечно, если всю жизнь посвятить карьере, добыванию денег и действовать целенаправленно, стараясь не делать ошибок, то можно достичь известного уровня благополучия, но на это придется направить все силы: надо будет и детей забросить, и семью. И чего мы добьемся? Ну, достигнем более-менее какого-то материального уровня. Но все равно люди даже очень богатые, занимающие высокие посты тоже страдают, у них тоже неудачи бывают и с детьми, и в семейной жизни. А на работе министра жмут так же, как и прачку, может быть даже и больше. Так что не стоит ради каких-то внешних символов благополучия тратить всю свою жизнь, потому что это просто бессмысленно. Не лучше ли думать о том, что нам пригодится в вечности, навсегда останется с нами? Потому что рояли, дачи, машины — это вещи совсем не плохие. Плохо ли иметь трехэтажную дачу? Совсем не плохо, очень хорошо; особенно если есть газовое отопление, это и вовсе замечательно. Но если надо с утра до вечера работать, чтобы ее купить — нет, уж лучше ограничиться финским домиком простеньким, тысячи за три, гораздо спокойнее.

В том, ради чего мы живем, все время проявляется стремление нашего сердца. А поскольку жизни у нас в обрез, нам нужно своим сердцем постоянно заниматься. Нам нужно постоянно ходить в храм, постоянно читать положенные молитвы, постоянно стремиться к причащению, стараться каждый день изучать понемножку Священное Писание, понуждать себя делать добро, заставляя, потому что мы люди злые, добро нам не свойственно, нам нужно все время себя к этому понуждать, стараться себя как-то расшевелить. Ведь нас с детства никто в Православии не воспитывал. Если бы мы с молоком матери это впитали, другое дело, а то зло у нас уже стало железобетонной коркой — и вот это надо разрушить. Сколько труда надо положить! Какие там еще дополнительные заботы? Хотя бы что-нибудь попытаться детям важное сообщить, что-то духовное передать. Потому что вот так мы жизнь проживем — ну и что дальше? Они кончатся, наши отпущенные семьдесят лет, или кому сколько Господь даст, ну и с чем мы придем к Богу? Попробуем подвести итог нашей жизни жирной чертой. Итак, накопили какую-то сумму денег, но это остается здесь; родили детей, но они остаются здесь, на земле; приобрели какие-то знания, но они там не нужны. Кому там, на том свете, химия нужна? Это смешно. Там совершенно другой мир, там мы будем вне таблицы Менделеева. Здесь, для этой жизни неплохо кое-что знать, но для вечности это не имеет никакой цены. Имеет цену только то, как мы образовали собственное сердце; приспособлено наше сердце к жизни в Царствии Небесном или нет. Потому что только то, что внутри нас, наша сердцевина, душа наша — она вечная и она наследует вечную жизнь.

И надо нам жизнь устроить так, чтобы все второстепенное оставить на потом, а главное — заниматься собственной душой день и ночь, постоянно. Вот это важно. Господь назвал это единым на потребу. А так как мы люди маловерные, эгоистичные, самовлюбленные, так как мы привязаны к земному, к уюту, к комфорту, Господь даже нам обещал: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам». То, что тебе нужно, у тебя все будет, не надо беспокоиться. А то мы на Бога-то надеемся — а сами, чтобы не плошать: Бог-то Богом, конечно, но и денюжаток неплохо. И получается, что человек незаметно-незаметно отодвигает Бога на второй план. То есть такая уловка дьявола: вроде все правильно, вроде все нужно, но, тратя на это усилия, тратя большую часть своей жизни, человек меняет местами эти важные вещи, и получается, что душа откладывается на потом, а телесное идет вперед.

Поэтому можно всем этим заниматься, стараться свою жизнь как-то улучшить, даже апостол Павел об этом говорит: если ты раб и у тебя есть возможность стать свободным, освободись, в этом ничего плохого нет. Но затевать войну, драться ради какой-то мнимой свободы или затевать что-то грандиозное, чтобы несколько свою жизнь улучшить, какой в этом смысл? Если само дается, ну пусть идет, это совсем не плохо, но бороться — избави Бог. Только бы успеть побороться самим с собой, вот на это жизнь потратить, хоть что-то в своем сердце постараться исправить. Сколько на это нужно труда!

Кто на этот путь встал, тот прекрасно знает, как это трудно. Если кто еще не пробовал, пожалуйста, попробуй хотя бы с завтрашнего дня до обеда никого не осуждать и увидишь, как это не то что трудно, это для тебя пока еще просто невозможно, это непосильная задача — а значит, ты попадаешь под суд Божий. Поэтому нам нужно обязательно эти приоритеты духовные сохранять, искать, прежде всего, Царствия Небесного, искать, прежде всего, пользы своей душе, а остальное все потом. Надо изо всех сил стараться никого не осуждать, а если случится, что осудил, тут же принести покаяние Богу, сказать: Господи, прости меня, я и сам окаянный, меня самого нужно сто раз убить, я совершенно недостоин того даже, что мне дано.

Какую наглость ты, человек, имеешь говорить: тот плохой, тот сякой? Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя оборотиться? Посмотри на себя в зеркало: кто ты такой? Наше зеркало — Евангелие. Откроем его, посмотрим, каким должен быть человек — и какие мы есть. Нам лень даже в храм прийти в воскресенье, не говорю уж, душу свою спасать, какие-то духовные подвиги совершать. Просто прийти в храм, и то силы нет, какие-то всё заботы непреодолимые. Какие могут быть заботы, кроме того, чтобы прославить в воскресенье воскресшего Христа? Но у нас много-много всяких дел, а Бог не на втором месте, не на десятом, а на двести шестнадцатом. А потом еще осуждаем: эти плохие, эти негодяи, те такие-сякие.

Такая наша жизнь — полное безумие, потому что обуяла духовная слепота. Все пять миллиардов катятся в пропасть, а думают, что они строят цивилизацию. Такое уже было, и это описано в Священном Писании: люди строили Вавилонскую башню и думали, что они достанут до неба. Конечно, все рухнуло. Так вот и наша цивилизация, разумеется, рухнет, и люди поймут, что жизнь потрачена зря. Как многие, когда им переваливает за пятьдесят, начинают уже понимать, что жизнь потерпела полный крах во всем: и в семейной жизни, и в детях, и в карьере. Вообще все, к чему стремились, все рушится, потому что перед смертным часом все романтические потуги человека бледнеют и жизнь приходит к тупику. Это когда человек молодой, красивый — он нахален, он улыбается, ему кажется, что все ему покорится. Но эти пятнадцать-двадцать лет очень быстро протекут, начнутся болезни, и человек лицом к лицу окажется со своими грехами и с грядущей, совсем близкой смертью — то сосед умрет, то друг заболел, то одноклассника похоронил. Все ближе и ближе снаряды падают.

Спрашивается: хотя бы в этот момент, пока у тебя еще ножки ходят, можешь ты как-то опомниться, покаяться, подумать о своей душе, начать заниматься подлинным делом, настоящим? А то посмотришь — взрослый человек, солидный, уже, может быть, даже внуки есть, и какой-то ерундой занимается: телевизор смотрит или газеты читает. Что, неужели делать нечего? Надо же оплакивать свою жизнь, надо же стараться исправить свое сердце — но так уже окаменели, оступели, что ничего в сердце не проникает.

Вот такая беда с нами случилась. Поэтому нам надо обязательно стараться все время предпринимать труд, все время прорываться, как сквозь густой кустарник, к Богу, все время к Богу взывать: Господи, помоги! Господи, сохрани! Господи, прости! Все время стараться молиться как можно сосредоточеннее, к людям стараться относиться с любовью, помня, что все мы грешники, все больные, все мы в лазарете находимся, и никто нам не может помочь: все такие же несчастные, издерганные, нервные. Поэтому нужно ко всем относиться со снисхождением, с терпением, а не стремиться от всего отгородиться и себе какую-то жизнь более-менее спокойную устроить. Это бесполезно, этого никогда не будет: хвост вытащишь — нос увязнет; нос вытащишь — хвост увязнет. Только ремонт в квартире закончили — муж заболел; муж только на ноги встал — сын запил; только очухался, пропился — дочь затеяла с мужем разводиться, внук глаз себе подбил. И так все время. Мы всё думаем: вот сейчас будет покой, вот завтра... Все время в «светлое будущее» обращаемся, все время живем будущим: вот будем, вот получим, купим, достанем. Дьявол нас водит, как осла водят: берут удочку и под нос ему морковку, и он за

ней идет, а морковка-то не приближается. Вот так же и мы, потому что дьявол только манит грехом, но грех никогда не даст радости человеку, это всегда обман. На вид-то он сладок, а потом раскаяние, потом на душе тяжесть, гадость. Любой грех нас мучит. Поэтому и называется «страсть», то есть страдание.

Вот и надо нам трудиться не над тем, чтобы нас ничто не беспокоило, а, наоборот,

чтобы в борьбу с грехом вступить и стараться своим сердцем заниматься, стараться никого не осуждать, стараться смотреть на себя, все время себя познавать, в свою душу заглядывать. Каждый вечер, когда встанем перед иконами помолиться: недаром в молитвослове исповедание грехов дано, и его не просто надо прочесть, а постараться покаяться, посмотреть, сколько мы сегодня за день согрешили, сколько раз мы разозлились, сколько прогневались, сколько покричали, сколько осудили. А сколько молились? Минут десять из двадцати четырех часов. Ну а все остальное время? Ленились, обижались, не простили, злоречили, сплетничали. Как тараканы в банке, возмись, никакой чистоты жизни. Если уж собрались вместе, то начинаем: она такая, он сякой — и пошло. Сами ничего из себя не представляем хорошего, только зло сеем вокруг.

Христос воскрес!

И вот Господь хотел бы, чтобы мы все начали исправляться. Но самим это невозможно. Если бы это было возможно, Господь бы на землю не пришел. А Он пришел и пролил Свою Кровь, чтобы основать Церковь, чтобы мы из Церкви черпали благодать, которая есть сила Божия. И с помощью этой Божией силы можно себя постепенно исправить. Можно и сразу исправиться, но у нас решимости нет, мы трусы, мы всё боимся расстаться сами с собой, мы носимся со своей душой, как с писаной торбой. А чтобы приобрести Бога, нужно как раз душу свою ради Евангелия погубить, надо все Богу отдать, во всем надежду на Него положить — тогда и получим. Но нам боязно. Как так? Синичка в руке все-таки лучше, чем журавль в небе. Мое, я, все для себя. Поэтому ничего и не получается.

Но если мы будем ходить в храм, постепенно Господь сумеет нас убедить, что этот путь верный, и он единственный. Этим путем прошли уже миллионы людей и достигли Царствия. Возьмем последнего святого Патриарха Тихона или древних Сергия Радонежского, мучеников Бориса и Глеба, любого святого возьмем. Какая жизнь! Какие люди! Нас учат: подражайте Пушкину, у которого было триста любовниц; или Лермонтову, которого родная бабушка возвращала с малолетства; Тютчеву, который двадцать восемь тысяч раз женился в течение своей жизни; Некрасову, который в картишки проигрывал своих крестьян; Достоевскому, который в рулетку проигрывал тысячи рублей. Какие идеалы? Где они? У кого учиться? Кому подражать? Троцкому? Бухарину? Рыкову? Или, может быть, Алле Пугачевой или Леонтьеву? Тогда действительно скоро в обезьян превратимся.

Кумиры людские вот они, а надо-то смотреть на другое. Посмотрим на людей, которые исполнили то, что в Евангелии написано. Они сияют, сияют всей своей жизнью, у них нет никакого изъяна. А мы этого совершенно не знаем, мы подражаем тем, которые чего-то в этой жизни достигли, может быть, очень великого. Вот Толстой «Войну и мир» написал — а что толку, если он от своей родной Церкви был отлучен? Что, «Война и мир» на том свете облегчит ему существование? Это все не имеет там никакой цены. Имеет цену только то, что ты есть сам. Не какое ты место занимаешь, не какой тебе дан от Бога

талант. Ведь ни один поэт не может сказать: я сам себя создал. Бог дал тебе талант — и будешь Мандельштамом, не дал тебе талант — и будешь каким-нибудь Асадовым. Это дар Божий. Разве в этом его заслуга, что он талантлив? Это все равно, что говорить: он двух метров роста! Другой и каши ест в четыре раза больше, а все метр пятьдесят. Разве заслуга человека в том, что он красив? Почему ему за красоту премию давать? Это же его Бог таким создал, тогда надо премию Богу давать. А Богу, оказывается, премия никакая не нужна, Богу нужно только одно: чтобы человек отдал ему свое сердце.

Если бы все люди за все свои таланты, которые дал им Бог, не себя прославляли, не возвеличивали себя до небес, не творили себе памятники, а Бога бы благодарили, была бы у нас совсем другая жизнь. И раньше, в древности, были гениальные художники, музыканты были гениальные, архитекторы, писатели, но они никогда не писали на своих произведениях: такой-то написал, в таком-то году. Нет, они в своих творениях Бога прославляли, а потом иногда, чисто случайно их имена оставались в истории. Мы имеем массу гениальных произведений, созданных в прошлом, но люди создавали их не для того, чтобы себя прославить, а Бога. Поэтому они так и высоки, поэтому они так и прекрасны. И нам надо так учиться, чтобы своей жизнью не себя прославлять, а Бога, чтобы, глядя на нас, люди сказали: да, вот это верующий, вот это, чувствуется, человек настоящий. Посмотри, какое у него лицо; посмотри, как он с людьми обращается; посмотри, какие у него детки хорошие. Войди в его дом — как все у него прекрасно, чинно и спокойно, как они замечательно живут, ведь они никогда друг на друга не кричат.

Когда первые христиане жили общиной, почему они так много людей к себе сразу обратили? Потому что вокруг была злоба и ненависть, а про них говорили: как они любят друг друга! И все вокруг к ним стремились, хотели того же, потому что любой человек Богом создан, стремится к добру, он хочет добра, но нигде его не находит, и ему кажется, что вокруг только одно зло и поэтому надо быть самым злым, только тогда чего-то достигнешь. Вот такое заблуждение. Но мыто с вами, слава Богу, уже в церковь пришли, нам-то не надо заблуждаться, у нас есть руководство — Евангелие, мы знаем, как нам действовать, как поступать. Нам надо только поверить до конца, глубоко, не чисто умозрительно, а принять всем сердцем — и тогда Господь нам поможет. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
17 октября 1989 года*

Память апостола и евангелиста Луки

Сегодня день памяти святого апостола и евангелиста Луки, написавшего Евангелие, которое мы сейчас читали, и книгу Деяний святых апостолов. В первом евангельском чтении сегодняшнего дня рассказывается, как семьдесят учеников, которых Господь послал на проповедь, вернулись — вернулись с радостью, потому что Господь дал им силу и власть целить больных, воскрешать мертвых, изгонять бесов. И вот они говорят: «Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем». А Господь сразу решил их пыл несколько охладить, умерить, сказал им: «тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах». Потому что, конечно, неплохо и больных исцелять, и бесов изгонять, и страждущим жизнь облегчать, это все очень важно, но не это главное. Главное — это жизнь духовная. Главное — это Небесное Царствие.

Поэтому Господь и говорит: за всеми этими исцелениями не забывайте о главном — о том, что имена ваши написаны на небесах, о том, куда вы должны стремиться, чьи вы граждане. Вы граждане неба. Но часто человек, когда он занимается какой-то очень важной и полезной деятельностью, за этой деятельностью забывает о самом главном. Даже апостолы вроде бы делали самое что ни на есть на свете христианское дело: помощь больным, проповедь Евангелия, изгнание бесов, воскрешение мертвых — какие уж более богоугодные дела можно найти. И все равно Господь их укорил, потому что не это главное, а главное — постоянная живая связь с Богом, главное — молитва и устремление человека в жизнь духовную.

«Возрадовался духом Иисус и сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам». Апостолы не были людьми учеными или особенно образованными, и тем не менее Господь им открыл истину, потому что истину можно познать не умом, а именно сердцем. Бога познают только через чистоту сердечную.

Во втором Евангелии от Луки мы слышали слова, которые хорошо нам знакомы, потому что подобное есть и в Евангелии от Марка, и от Матфея: «кто хочет идти за Мною», говорит Господь... Куда ушел Господь? Господь ушел на небеса и воссел одесную Бога Отца на престоле Божиим и всех людей зовет туда. Он говорит: кто хочет туда же за Мной идти, тот «отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною».

Сам Господь первый этим путем прошел, Он полностью Себя отвергся до такой степени, что даже представить это нельзя. Бог сделался человеком, то есть Он Себя унизил, смирил бесконечно, потому что разница между Богом и человеком гораздо больше, чем, допустим, между человеком и муравьем. Кто бы из нас добровольно захотел родиться муравьем, чтобы любой проходящий зверь или человек мог наступить — и нас бы не стало; чтобы дождь полил или ветер дунул — и весь наш муравейник разлетелся? Кто бы согласился на такую жизнь? А Господь, будучи Вседержителем, будучи Создателем вселенной, будучи ее Творцом, не погнушался и стал человеком, ничтожным рабом, родился в пещере — даже места не нашлось Ему в человеческом жилище, — прожил жизнь, полную гонений и трудов, и закончил ее оплеванной и избитый, на Кресте. Ему достаточно было не просто слово сказать, а просто один раз глазом моргнуть — и не только не было бы на земле никаких фарисеев, законников, убийц, а вообще создалась бы новая вселенная. И тем не менее Он прожил такую жизнь и умер для того, чтобы нас спасти, по Своей любви. Такую любовь проявил к человеку. И вот Он говорит: кто хочет, тот пойдет за Мною.

Пастух, когда пасет коров, идет сзади и хлопает бичом, чтобы они пугались этих ударов и шли в нужном направлении. Но Христос не так: Он идет впереди (ну, конечно, иногда оглядывается, как идут Его чада) и зовет. Кто хочет, тот за Ним идет; кто не хочет, тот не идет. Господь говорит: овцы Мои Мой голос знают, они за Мною пойдут, а козлища не пойдут, они упрямые, и у них на земле очень много всяких дел, им все некогда: с этим надо пободаться, здесь надо постоять, там траву пощипать. Поэтому за Христом идут только те, кто именно хочет, желает. Господь так и учеников Своих призывал, Он никого не заставлял, не наказывал. Пожалуйста: хочешь — идем, не хочешь — оставайся здесь, погибай.

Этот путь к вершинам духовной жизни идет всегда через самоотвержение, поэтому к нему способны очень немногие, особенно в нашем веке. Раньше таких людей было больше, сейчас их осталось мало. В чем причина? В извращении человеческой природы. Бог есть любовь, поэтому Царствия Небесного может достичь только тот, кто способен на любовь. А у людей природа извращена, поэтому они способны только к себялюбию: любовь должна вовне направляться, а у них, наоборот, к себе. И поэтому человек все ищет своего, он хочет все себе какой-то пользы, он все хочет для себя. Но если так жить, то не увидишь Божественного света. Чтобы его увидеть, надо поступать так же, как Христос.

Потому что в Царствии Небесном могут быть именно те люди, которые по качествам своей души христиане.

Поэтому надо обязательно себя отвергнуться, отвергнуться всего своего. Ведь что у нас свое? На самом деле один грех. То, из чего соткана наша душа, — это сплошной грех: злоба, зависть, гнев, осуждение, гордость, тщеславие, пререкание, настаивание на своем, желание себя всячески утучнять, объедаться, все время отдыхать. Не хочется заниматься воспитанием своих детей, свой ум упражнять, не хочется молиться, не хочется ходить в храм — все лень, все какие-то дела. Очень много в нашей жизни идолов, которых мы нагородили и которые нам Бога заслоняют. Так вот рассмотреть любого человека — в нем один грех. И поэтому отвергнуться себя — это значит отвергнуться греха, который отделяет нас от Бога. Поэтому когда мы отвергнемся себя, всей той нечисти, что накопилась в нашем сердце, — тогда сможем к Богу прийти.

И дальше Господь это поясняет: «кто хочет душу свою сберечь» (то есть только для себя стараться), тот как раз душу свою потеряет, окажется ни с чем. Когда человек умрет, его в гроб положат — а душа-то, оказывается, ничего не приобрела. Потому что все, что человек старался для себя, все осталось на земле, а духовного ничего нет. А туда, в тот, иной мир, проникает только духовное. У нас тоже есть духовные качества. Допустим, злоба. Это же духовное качество, не материальное, но дух этот противоположен Христу.

И так вот во всем мы больше слушаем дьявола. Какой пример привести? Допустим, наш ребенок делает не то, что положено. Почему он так делает? Потому что он родился грешным, от грешных родителей, живет в грешном мире. Дитя наше все пропитано грехом и поэтому, естественно, что-то делает не так. А мы в ответ сразу раздражаемся, начинаем орать. Почему мы совершаем такой поступок? Не потому, что хотим, чтобы он исправился. Если бы мы этого хотели, мы бы не орали, мы бы старались проникнуть в его сердце, в его совесть, старались бы эту совесть как-то оживить, чтобы она заставила его осмыслить дурной поступок, чтобы он смог его преодолеть. Это каторжная работа — пробудить совесть в человеке, даже в маленьком. Поэтому такую работу делать неохота, легче наорать, запретить. И мы так и делаем. Отчего это происходит? От себялюбия. Этот объект меня в данный момент раздражает, и я на него это раздражение выливаю, то есть тещу свое себялюбие, поступаю так, как мне угодно: мне в данный момент хочется злобу излить — и я ее тут же и изливаю.

Формально вроде бы мы желаем добра, говорим ребенку, чтоб он плохо не делал, но эффект-то получается противоположный. Поэтому если бы мы на самом деле хотели добра, мы бы так не поступали. А раз поступаем, значит, мы не имеем ни любви к детям, ни желания их воспитать, а только любовь к себе, охранение собственного покоя, чтобы никто нас не раздражал. Поэтому детей и отдают на пятидневочку — и пять дней от них свобода и покой. Потом, правда, через десять лет слезы начинаются. Но тебе чужие тети и дяди воспитали твою деточку? Теперь уже пей чашу до дна. А некоторые мамы вообще говорят: я не знаю, что с ними делать, с этими детьми. Не знаешь, тогда зачем замуж выходила? Живи одна. Не умеешь, не знаешь, как детей воспитывать, нечего их заводить. А то лишь бы замуж выйти — а потом ныть.

Воспитывать детей — это вещь очень серьезная, ответственная, важная, духовная. Апостол Павел так и говорит: женщина спасается чадородием. Правильно воспитать ребенка — это значит стать святым, потому что правильно воспитать ребенка может только святой. Если человек святой, то у него и дети будут святы. Это так и бывает. Мы в истории Церкви имеем очень много святых семей. Возьмем Григория Богослова. У него мать была верующая, православная, а отец язычник: не только неверующий, а поклонялся ложным богам, бесам. Все вот говорят: я не знаю, что с мужем делать, он пьет, он то, он се. А мать Григория Богослова, Нонна, мужа не укоряла, не скандалила, в ЛТП его не сдавала, а только за него Богу молилась. И он уверовал во Христа, крестился, потом стал священником, а потом и епископом. У них родились дети, и эти дети тоже стали

угодниками Божиими и тоже причислены к лику святых. Григорий стал учителем Церкви, высочайшим духовным человеком, и имя ему Церковь присвоила — Богослов, сравняла его с Иоанном Богословом, любимым учеником Христа. Такой титул носят только три человека за всю двухтысячелетнюю историю Церкви, и среди них Григорий Богослов. И это Нонна, его мать, сделала, которая никаких богословских трудов не писала, ни в какие паломничества не ездила, только своей молитвой сумела и мужа перекусить, и всех детей своих соделать угодниками Божиими.

Такие были люди раньше. И сейчас такие есть, конечно, но их гораздо меньше стало. И мы должны прежде всего вот эти качества в себе развивать, об этом думать, всегда помнить, ради чего мы живем: чтобы лишнюю шапочку купить, чтобы деточкам нашим было что поесть, попить, чтобы у них телевизор был поновей, поинтересней — или мы живем для того, чтобы их к Богу привести? Если для того, чтобы к Богу привести, то мы все силы свои тратили бы на молитву. А если только поесть, попить, тогда надо их все время, до усов кормить, одевать, обувать. А потом в результате этого еще неизвестно, придет ли человек к Богу.

То есть грех наш в чем состоит? Что мы теряем все время из памяти, из ума, из сердца вот эту главную цель нашей жизни — Царствие Небесное. Все время забываем. Утром встаем — и мы забыли, для чего мы, собственно, родились на землю. Значит, жизнь наша лишается всякого смысла, потому что если мы с вами в Царствие Небесное не войдем, то вся наша жизнь — это не только бессмыслица, вся наша жизнь — просто кошмар. Потому что сколько мы здесь страдаем, мучаемся, сколько мы здесь терпим всяких напастей — и все бесполезно, а еще и Царствие Божие в результате не наследуем и будем навсегда отвержены от Бога. Тогда зачем жить-то? Чтобы что-то купить? Ну, купи, повесь, смотри. Но ведь через десять лет все равно умрешь, и кончится твое смотрение, все твои радости.

Вот сегодня по телевизору такое интересное будет, надо включить, посмотреть! Ну, посмотрел и все равно через два дня забыл. Пушкин ничего этого не смотрел и жил. Мы стремимся всё охватить, что в мире происходит, а самое главное не ухватываем: то, что в нашем сердце, Божественную благодать не ухватываем. Самое главное пропускаем. Поэтому Господь все время об этом нам и говорит: «кто постыдится Меня и Моих слов, того Сын Человеческий постыдится, когда придет во славе Своей и Отца и святых Ангелов». А мы все время как бы стыдимся своей веры, мы всё хотим ничем не выделяться из мира, мы хотим жить по-мирскому, мы хотим быть как все. А весь мир-то ходит на головах. Поэтому получается так: мы и не на ногах ходим, и не на голове, а живем как-то боком и всё видим в искаженном свете, всё у нас неправильно. А надо не так. Надо твердо и решительно отвергнуться того, что мир предлагает, всей этой гадости. Надо не жить по законам этого мира, потому что эти законы греховны и носители их, люди, тоже греховны. Мы тоже грешные, и единственная возможность спастись — от всего этого постараться отойти.

«Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие». Вот какие утешительные слова. В каждом храме есть люди, которые еще до своей смерти, до этого перехода души в иной мир, уже познают Царствие Небесное. Всегда такие люди есть, и на них, собственно, мир-то и стоит. Потому что Царствие Небесное — это Дух Божий, Который поселяется в сердце человека; это соединение души человека с Богом. Соединение это может и здесь, на земле, осуществиться, но для этого надо трудиться, для этого надо очищать свое сердце, и тогда мы Бога увидим, тогда Его познаем. А этого труда у нас и нет, мы всё кипим, ругаемся, спорим, откладываем на потом, на завтра. Но никакого завтра, может быть, у нас и не будет. Вот отложил на месяц, еще на месяц. Ну а потом что? Потом помирать.

Многие думают: вот выйду на пенсию, тогда буду в церковь ходить почаще. Хорошо, вышел. Сейчас на пенсию нестарый человек выходит, женщины в пятьдесят пять лет, голова еще соображает — а тут внуки как раз, вроде их надо вырастить. Только внуки

выросли, а там уже правнуки. И вот пришел человек в семьдесят лет впервые в церковь. Чему его можно научить? Ну, можно научить его перекреститься, но выучить наизусть какую-нибудь молитву он уже не сможет, а уж понять, что такое жизнь духовная... Если он семьдесят лет был болтливым или семьдесят лет сплетничал, как за оставшиеся пять-шесть лет (сколько ему отпущено?) исправиться? Если человеку тринадцать лет, он еще может исправиться. Если человеку семнадцать лет, трудно, но еще можно. А если ему семьдесят, должно произойти чудо, чтобы его душа как-то смогла приобрести благодать Божию.

Да, вера есть — пожалуйста, веруй. У нас все верующие, неверующих очень мало, это обычно только по глупости. Но что толку с этой веры, она же ничего не дает. Надо же веру свою показать. Вот апостолы веровали — это да! Больной человек лежит, они говорят: Господи, Ты его исцели, пожалуйста. Смотришь — он выздоровел. Вот это вера. А мы не можем даже своих детей или мужей к Богу обратиться. Какая же это вера? Что мы можем показать нашим ближним, какую нашу веру? Кто от нашего огня может загореться? Разве мы можем служить примером? Чтобы на нас посмотрели: да, вот это христианин! вот это человек! Какой он терпеливый, какой он кроткий, какой он добрый, какой он милостивый, какой он молитвенный, какой он усердный, какой он нищелюбивый! Что мы можем миру этому предъявить?

Любой человек Евангелие почитает, скажет: прекрасная книга; вот если бы люди так жили! Поэтому кто-то должен показать, как это исполнить, явить пример. А мы этого не можем. Вот ты говоришь, что веруешь в Бога, а тогда чего же ты орешь? Нигде не написано, что Христос кричал. Это даже невозможно себе представить. Или Иоанн Богослов — чтобы он на кого-то кричал, топал ногами, ругался. Как это вообще возможно? Как христианин может так себя вести?! А у нас это сплошь и рядом, и даже за грех не считаем. Никакого даже желания исправиться хотя бы в чем-то на секундочку. Так и живем в грехе. И каждый грех — как дерево, он все растет, растет, растет, уже в душе такая чаща. Как их вырывать, эти грехи? Тут уже бензопила нужна, чтобы все это расчистить. Поэтому и приходится терпеть: то какое-то горе, то болезнь, то с работы выгонят. Тогда сразу: ой, Господи, помоги! То ходил прямо, а тут сразу притих, понимает: куда же деваться? Наконец-то Господь его тронул. А для чего Господь это делает? Чтобы нас спасти, вразумить, чтобы мы опомнились.

Поэтому апостол Павел говорит: «Будьте постоянны в молитве, бодрствуя в ней с благодарением». Всего-то полторы строчки: «будьте постоянны в молитве». Вот как нам надо жить — молиться постоянно. Надо все время помнить о Боге, все время к Нему взывать. Надо так свой ум, свое сердце приучить, чтобы все время к Богу обращаться, а не как мы — раз в месяц прийти в церковь, осчастливить: вот я причащусь, водички святой наберу, записочки подам, и все, на месяц можно смело про Бога забыть. Нет, о Боге нужно помнить постоянно, и днем, и ночью, чтобы наш ум от Бога не отвлекался ни на секунду, чтобы мы все время боялись согрешить. Поэтому апостол и говорит дальше: «бодрствуя в ней» — в молитве. Надо быть все время в бодрости, а не во сне духовном, не жить, как живется: туда посмотрел, увидел что-то не так — осудил; здесь увидел что-то хорошее — захотел; тут тронули — значит, обругал.

Мы живем как собаки: ее гладишь — она головку подставит, ее стукнешь — она зубы покажет. Но человек-то отличается от собаки тем, что он не должен зависеть от внешних обстоятельств. Дождь ли на улице или солнце, украли у него деньги или премию получил — чтобы это никак не отражалось на состоянии его сердца. Мы не должны быть привязаны ни к чему мирскому, потому что через год ли, через семьдесят лет, но наша жизнь все равно кончится. Мы все люди взрослые, нам жить-то осталось ерунду совсем, до смерти осталось чуть-чуть, некоторым совсем уже скоро придется на суд Божий вставать. Вот о чем надо подумать. А где у нас непрестанная молитва? Где бодрость?

А ведь написано еще: молиться «с благодарением». Мы должны Бога благодарить за все, а мы только всем недовольны: то не так, это не так. Не сеем, не жнем, не поливаем, урожай не собираем — и едим. Нас ведь дядя кормит. Так надо же каждый день со слезами Бога молить: Господи, благодарю Тебя, я ведь палец о палец не ударил, чтобы получить еду. Так, на даче картошку вырастил, но ее все равно до декабря всю съедим, а все остальное — это опять дядя. Кто-то нас кормит, кто-то поит, кто-то нам дома построил, а мы еще: это плохо, это не так. Да хорошо хоть так. Разве мы это заслужили? Многие из нас вообще убийцы — собственных детей убили. Нам надо в тюрьме сидеть, за колючей проволокой, в бараке, причем построенном собственными руками. Но мы об этом даже не задумываемся.

Некоторые вот приходят в храм и говорят: что-то у вас тут прохладно. Спрашиваю: у кого это у вас? Ты крещеный человек? Значит, это у тебя здесь холодно. Церковь-то наша общая. Иди, пожалуйста, добивайся, чтобы тепло дали, трудись. Но нет, какая-то психология возникла, что это все сыпется, сыпется сверху откуда-то само. Поэтому надо нам приучить себя к тому, чтобы каждый день Бога благодарить за то, что мы еще живы, что у нас ножки еще ходят, что еще голова плохо, но все-таки соображает. Слава Богу, что мы еще не лежим, слюни не пускаем и под себя не ходим. Сходи на экскурсию в дом престарелых, посмотри, как люди живут; сходи в дом инвалидов — какие детки бывают несчастные, брошенные, инвалиды с детства, которые там и выросли, в этом доме, где мочой пахнет с утра до вечера, и так в этой атмосфере и живут. Пора наконец нам понять, что каждому Господь крест дает по его возможностям, и надо с благодарением, с радостью его нести.

«Со внешними обходитесь благоразумно, пользуясь временем». Замечательный совет. Внешние — это все те, кто вне Церкви. Люди сейчас стали как дикие звери. Вот ты пошел в лес — и вдруг волк. Ну что делать? Надо какой-то такой путь избрать, чтобы этого волка не зацепить, чтобы с ним мирно разойтись, может быть, даже его попугать, чтобы он ушел, постараться, чтобы это кончилось без крови. А то если поступить неблагоразумно, волк может броситься. Как бывает, кабан идет, и, если ты его не трогаешь, он убежит, но, если ты в него кинешь камень, он тебя растерзает. Так же и с людьми внешними надо обходиться как с дикими зверями, стараться их ничем не задевать, не вступать с ними ни в какие отношения, в споры.

А некоторые выходят замуж за диких зверей. Вот вышла за такого, а потом говорит: он у меня то, он у меня это. Ну а ты смотрела, за кого шла? Что, он крест на себе носит? Что, он в церковь ходит? Что, он молится день и ночь? Нет, он просто хороший человек. Ну, понятно, волчонок тоже хороший, симпатичный, ушки у него, глазки, но он все равно волк. Он захотел — к этой волчице побежал, захотел — к той. Он дикий зверь, у него нет никаких тормозов. Волк разве плохой? Нет, очень хорошее, полезное животное. И медведь хороший, и носорог хороший, и все люди очень хорошие. Но если они не знают заповедей Божиих, то ты ему ткнешь — и он тебе ткнет; ты ему помешал — он тебя отодвинул; ты ему сказал — он тебе в глаз.

Мой дядя недавно был в командировке в Ташкенте, и там один самолет заменили на другой, большой на маленький. Естественно, билетов всем не хватает, и сажают прежде всего детей, инвалидов и так далее. А какой-то дяденька лезет вперед, расталкивает всех: ему надо. Ну, он этому дяденьке постучал в спину и говорит: куда же ты лезешь? А тот развернулся и ему в глаз. Так с синяком и приехал.

Встретился тебе в лесу зверь — ну что с ним разговаривать? Разве он может что-нибудь понять? Учителя вот уговаривают детей: будьте хорошими, будьте примерными. Это все равно, что подойти к тигру в клетке и сказать: будь хороший, оленей больше не ешь, кушай только гречневую кашу. Ну, он же не понимает. Чтобы человек изменился, он должен жить по Священному Писанию, он должен это все осознать, он должен из дикого

зверя стать сперва человеком, а потом ангелом. Ему целый путь надо пройти. Поэтому надо благоразумно с внешними обращаться, «пользуясь временем».

Сегодня такое время, завтра будет другое, а позавчера было третье. Вот сейчас такая ситуация, а чуть изменится — и те же самые люди начнут за корку хлеба убивать, а потом и не за корку хлеба, а просто так. Сначала он кошку убивает, потом ему становится интересно: а как люди мучаются? В кино показывают, но там вроде не так интересно, а как это на самом деле? И не понимает человек, что это нельзя. У него нет сострадания, чувства боли. Часто у школьников-убийц спрашивают: ну за что же вы его убили? Да мы так, погорячились. У них сожаление только о том, что они попались, но нет сожаления, что душа загублена, что, может быть, дети остались сиротами. Как медведь: он же не понимает, что он съел живое существо. Поэтому воспитать словами, просто рассказать что-то, объяснить, доказать — это невозможно. Должно произойти прежде всего чудо Божие — чтобы человек уверовал в Бога, осмыслил свою жизнь, осознал себя бессмертным существом, начал стремиться к Царствию Небесному. Тогда может что-то произойти.

Некоторые говорят: по-христиански жить — это очень тяжело, потому что вокруг-то так не живут. А иногда прямо спрашивают: батюшка, как же я буду дитя христианином воспитывать? а что ему скажут в школе, в детском саду? Конечно, скажут, обязательно, потому что ребенок будет совсем другой, он будет не вписываться в коллектив. Тогда давай воспитывай его зверем. Выбирай любого зверя — тигра, волка — и вот так его и воспитывай. Он и будет у тебя тигром, волком, ему будет легче жить. Тигру в джунглях жить легче, чем человеку, это понятно. У тигра шкура есть, клыки, когти, большая физическая сила. Вот и можно ребеночка отдать в карате, учить его убивать животных, отрывать крылья птицам; он станет зверем, сильным, здоровым; может быть, преступный путь выберет, начнет прохожих грабить, заработает много денег, заведет автомобиль, пять жен, и ему будет очень легко, весело, пожалуйста. Но человеком-то он не будет. Вот в чем дело. Ценность-то наша, человеческая, не в том, чтобы стать сильным. Нет, человек очень слабый, тигр сильнее. У нас ни шкуры нет, ни когтей, ничего этого Господь нам не дал. Почему? Чтобы мы были людьми.

Пускай все вокруг звери, пускай, но хоть один на земле останется человеком. Пусть его убьют, пусть его съедят, пусть он будет нищий, но он будет человек. Это же гораздо важнее. Допустим, в Москве есть несколько десятков человек. И конечно, им очень тяжело. Они живут как в диком лесу и все время страдают от того, что происходит вокруг, что все так оскотинились. Им это больно, они это чувствуют, постоянно сталкиваясь с этим злом. Но, тем не менее, оставаться человеком все-таки лучше.

И нам надо именно к этому стремиться. Пусть это будет трудно, но в этом и есть смысл жизни. Господь говорит: «отвергнись себя». Не бойся ни побоев, ни смерти, никаких тяжелых обстоятельств. Все бывает в жизни: и трудности, и горе, и смерть будет все равно, — не это главное, а главное устремляться к Богу, чтобы в нашей личности постепенно из звериных черт проступали черты человеческие. И если мы сами станем людьми, тогда и домашние наши станут людьми, и потом окружающие нас люди тоже захотят стать людьми. Потому что человек выше животного, а в каждого из нас заложено стремление к высшему. И был бы добрый пример, люди к добру потянулись бы обязательно.

Почему сейчас такое зло? Потому что люди видят только зло. По телевизору насилие, секс, всякий грех показывают. Вот детки к этому и тянутся. А было бы, наоборот, доброе, тянулись бы к доброму. А где у нас сейчас доброе? В школе дети видят доброе? Нет. На улице видят? Нет. По телевизору видят? Нет. По радио слышат? Нет. Значит, кто должен им показать? Мы с вами. Потому что, кроме Церкви, ничего доброго в мире нет и не было никогда. В церкви тоже зла полно, но все-таки источник добра здесь. И мы должны черпать из этого источника и нести в мир. Тогда, может быть, мы и предохраним его от

гибели. Как апостол Павел говорит: «Слово ваше да будет... приправлено солью». А соль как раз от гниения предохраняет. Вот так и будем стараться по милости Божией. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
31 октября 1989 года*

Неделя 22-я по Пятидесятнице

Эпизод, о котором повествует сегодняшнее Евангелие, есть не только у апостола Луки, но и у апостолов Матфея и Марка. Видимо, он очень важен для нашего благочестия, раз Богом так устроено, что, читая Евангелие, мы трижды к нему обращаемся.

Однажды подошел к Господу начальник синагоги по имени Иаир и попросил исцелить его единственную дочь, которая была при смерти. Причем попросил не просто, а пав к ногам Иисуса. Господь был окружен большой толпой народа, все толкались и теснились. В этой толпе была и женщина, двенадцать лет страдавшая от болезни. И вот она в уме и в сердце своем решила, что если хотя бы прикоснется к краю одежды Спасителя, то исцелится. И она подошла сзади и дотронулась, а Господь — Всевидящий Господь! — спросил: «Кто ко Мне прикоснулся?» Тогда «женщина, видя, что она не утаилась, с трепетом подошла и, пав перед Ним, объявила Ему пред всем народом, по какой причине прикоснулась к Нему и как тотчас исцелилась. Он сказал ей: дерзай, дочь! вера твоя спасла тебя; иди с миром».

В это время пришел некий человек и сообщил Иаиру, что его дочь уже умерла, и сказал: «Не утруждай Учителя». И тут Господь произнес странные слова: «Не бойся, только веруй, и спасена будет». Придя же в дом Иаира, Господь «не позволил войти никому, кроме Петра, Иакова и Иоанна, и отца девицы, и матери. Все плакали и рыдали о ней. Но Он сказал: не плачьте; она не умерла, но спит. И смеялись над Ним, зная, что она умерла. Он же, выслав всех вон и взяв ее за руку, возгласил: девица! встань. И возвратился дух ее; она тотчас встала, и Он велел дать ей есть. И удивились родители ее. Он же повелел им не сказывать никому о происшедшем». Никому. То, что совершилось, — это только для верующих. А остальным это знать не нужно, потому что бесполезно: они все равно будут смеяться, не верить и требовать доказательств.

Этот эпизод показывает, каким образом мы можем получить исцеление от наших недугов. В Евангелии речь идет о недугах телесных: об изнурительном кровотечении — женщина все свое имение, как сказано, истратила на врачей, а толку не было никакого; и о воскрешении уже умершей. Но ведь мы все здесь кровоточивые: душа наша истекает кровью, потому что в ней одни грехи и болезни. Хорошо еще, если некоторые эти болезни мы в себе видим, а ведь многого и не видим. Настолько мы срослись с грехом, что уже не различаем, где наша бессмертная душа, а где грех. У некоторых душа вообще умерла, а они этого не чувствуют — то есть человек, напрягаясь, смотрит в свою душу и не видит там грехов. У него спрашиваешь: «Какие у тебя есть грехи на совести?» — а он пожимает плечами, мучается и говорит: «Да никаких нет». Это свидетельствует не о том, что грехов нет, а о том, что душа мертва. Если парализованного человека уколеть иголкой и спросить: «Ты что-нибудь чувствуешь?» — он ответит: «Нет, ничего не чувствую». Потому что тело омертвело. Так же и душа человека может омертветь и ничего не чувствовать.

И вот Господь исцелил болящую и воскресил умершую. Эти два эпизода следуют один за другим, и речь в них, в сущности, идет об одном и том же: о том, что каждый из нас может исцелиться и воскреснуть, если он этого по-настоящему захочет. А для этого

нужно твердо верить, что воскресение и исцеление возможны. И Евангелие нас в этом убеждает. Таких случаев были миллионы, и они повторяются ежедневно: придет человек в храм весь израненный, больной грехом, с мертвой душой, а слово Божие коснется его сердца — и у него просыпается совесть. И если сам человек не заставит ее умолкнуть, то совесть начинает его преображать. Она говорит ему: стыдно тебе так поступать, нехорошо, ты идешь против Бога, против самого себя. И человек начинает поступать уже не по своим желаниям, а по совести. И тогда ее голос начинает звучать все громче и громче, и человек начинает в себе видеть все больше и больше грехов. Многие даже удивляются: не ходил в церковь — вроде бы лучше был, а стал ходить — стал хуже. Нет, это не так. Просто раньше не видел в себе греха, а теперь видишь, причем все больше и больше. Разве все более прозревающий становится все более слепым? Нет, конечно.

Иаир и болящая женщина пришли и пали к ногам Иисуса. Что это значит? Что они смирились перед Ним и просили Его со всей глубиной своей веры. Женщина даже и не просила, а просто веровала, что если прикоснется, то исцелее. И Господь, конечно, почувствовал эту ее веру и поэтому сказал: «Вера твоя спасла тебя; иди с миром». И если мы так будем к Богу припадать, смиряясь перед Ним, и просить у Него с твердой верой: Господи, очисти меня от грехов, — то Господь нас от грехов тоже исцелит.

Часто человек, который регулярно ходит в храм, начинает каяться в одних и тех же грехах. Отчего это бывает? Почему не происходит исправление человека? Что изменилось? Может, Иаир был менее грешен, чем мы? Нет, такой же был грешник. Может быть, Христос изменился? Бог стал другим? Нет, в Писании сказано: «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же». Бог не изменился. А что изменилось? В чем разница между нами и Иаиром или этой болящей женщиной? Они хотели избавиться — одна от недуга, а другой хотел избавить свою дочь от смерти, — а мы не хотим избавиться от грехов, не хотим избавиться от вечной смерти. Нам, можно сказать, наплевать на свою душу.

Мы, например, знаем совершенно твердо, что какие-то вещи для нашей души вредны, — знаем не потому, что батюшка нам сказал, а по совести и по тому результату, которое это оказывает на нашу душу. Всё мы знаем, но Царство Небесное и жизнь духовная нам настолько неизвестны, а грех настолько привлекателен, что он нам ближе и слаще. Поэтому умом-то мы каемся, сознаем: да, это грешно, это нехорошо, это плохо, — а на деле избавиться от греха желания нет. Поэтому и не избавляемся. Не потому, что Бог медлит, не хочет нас очистить. Господь хочет, чтобы каждый человек спасся, чтобы он из скотины сделался человеком, но если сам человек не хочет, если он хочет проводить скотскую жизнь, тогда Бог не может насильно человека изменить. Должно быть обоюдное творчество, должно быть желание человека — и тогда тут же будет помощь Божия.

Симеон Новый Богослов говорил: самая страшная ересь всех времен — думать, что мы не можем достичь святости и чистоты древних отцов. А преподобный Серафим сказал, что нам только решимости не хватает порвать с грехом. Наша воля с грехом никак не борется, никак не хочет от греха отстать — в этом-то все и дело. Поэтому мы сами себе прощаем, сами себя ублажаем, сами себе снисхождение оказываем. Не можем сказать греху «нет». Неужели на исповеди не надоело годами одно и то же повторять? А ведь если бы каждый из нас, обнаружив в себе какой-то грех, каждое утро, начиная читать правило или после него, падал бы перед иконой на колени и просил: Господи, я хочу избавиться от этого, Ты мне помоги, я Тебя очень прошу, я ненавижу этот грех, — то Господь избавил бы нас и от злобы и зависти, и от гневливости и осуждения, и от всех грехов, из которых соткана наша душа. Но так как мы любим осуждать и превозноситься, любим тщеславиться и болтать, любим проявлять свою волю и всякие нечистые мысли в своей голове держать и ими услаждаться, то такое приращение ко греху, такая любовь к нему и не дают нам от него избавиться. Поэтому мы так и ходим годами больными и никак не хотим исцелиться.

Евангелие, которое мы сегодня читали, порукой тому, что исцеление от греха для нас возможно. Конечно, оно происходит таинственно и не может быть достоянием всех. Об этом исцелении обязательно нужно молиться Богу, беседовать с Ним наедине, в тайне души своей. Нужно постоянно просить Его, потому что всю глубину грехов никто не может знать, только Господь Бог и мы сами. И если мы повергнемся перед Богом в пыль и будем просить: Господи, исцели! — и после такой горячей молитвы к Богу мы прикоснемся к Нему, придем причащаться, то Господь благодатью Своей исцелит нас. А если не будет у нас такой молитвы, то мы причащаемся себе только в суд и осуждение.

Что толку, если мы только фиксируем, называем свои грехи: грешен в этом, грешен в этом, грешен в этом? Это не есть покаяние, это есть только перечисление. Покаяние — это когда человек отторгает от себя грех, и тогда благодать Божия уничтожает его. Почему в Русской Православной Церкви возник обычай перед причастием обязательно исповедоваться? Потому что когда мы каемся, из своей души грех выносим, исповедуем — то есть из себя до конца поведем, — то благодать Божия вне нашей души этот грех уничтожает. А если мы грех просто называем, то он так и остается с нами. А если грех остается у нас в душе, если мы не отторгаемся от него, тогда Божественный огонь попаляет нашу душу. Поэтому апостол Павел говорит: «оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает». Потому что причащаемся недостойно, без покаяния.

больны и немало умирает». Потому что причащаемся недостойно, без покаяния.

А некоторые так говорят: ну в общем во всем грешен, а в общем-то — ни в чем. И идут к чаше. И что в результате? Польза от этого для души бывает? Нет, бывает вред, потому что сгорает совесть человека. Если человек начинает причащаться без покаяния, просто потому, что воскресенье или праздник, то он даже теряет понимание, а зачем он, собственно, причащается. Зачем? Лишь бы причаститься? А если его священник не причастит, то он обижается — и это уже является свидетельством, что у человека нет ни смирения, ни понимания того, к чему он собирается приступить. Просто завел себе такую привычку причащаться, а никакого духовного роста не происходит, наоборот, он все глубже и глубже погружается в бездну ада.

*С отцом Виктором Шиповальниковым.
На заднем плане архимандрит Варнава*

Симеон Новый Богослов говорит таким: на земле-то ты причащаешься, а на Небе — нет. Не происходит у человека соединения с Богом. А если душа не может благодать Божию воспринять — значит, она исполнена грехом, а покаяния нет. Ведь только покаяние может дать нам возможность приблизиться к Богу. А покаяние — это не есть перечисление своих грехов. Покаяние — это изменение всего строя своей жизни, мыслей, сердца. Это значит дать Богу обещание с этого самого момента в том, в чем ты покайся, исправить свою жизнь. Вот тогда причастие служит той животворящей силой, которая дает нам возможность грех победить. Если бы мы так действовали, тогда, конечно, исцеление происходило бы мгновенно, как оно произошло у кровоточивой женщины. И если бы она раньше додумалась обратиться к Богу: Господи, исцели! — она бы раньше и исцелилась. Но ей потребовалось двенадцать лет болезни и растрата всего имения. Сколько всего натерпелась!

Вот так и все люди обычно: где-то ходят по миру, живут, женятся, разводятся, детей рожают, склочничают, зарабатывают деньги, теряют их, что-то покупают, суетятся, суетятся — а потом жизнь приходит во всяческий упадок. И когда уже человек совсем

разорится и идти ему, собственно, некуда, тогда он приходит в храм и говорит: Господи, помоги! Господь, конечно, помогает, если этот зов идет из глубины души, если действительно есть желание, а не так — авось поможет. Если действительно есть сильное желание, если действительно человек к Богу припадает — то Господь милостивый, Он каждому хочет помочь. А если желания нет, то спрашивается: зачем ходить в храм? Вот, например, мы все в храм пришли. Зачем мы пришли? Если мы не желаем очиститься, то какой смысл в этом нашем хождении? Ведь Господь Церковь основал не для того, чтобы только детей крестить, покойников отпевать, венчаться и записки подавать. И китайцы молятся за своих усопших, и японцы, и у мусульман брак существует, и все народы в разных религиях каким-то образом своих детей посвящают Богу. Но ни одна религия не дает человеку возможности соединиться с Богом — только православное христианство.

Нам эта возможность дана, а соединения с Богом у нас не происходит. Значит, чем мы отличаемся от мусульман? Ничем! Какая же у нас вера? Получается, что мусульманская: выполняем какие-то предписания, а живой связи с Богом нет. То, что мы имеем,— это бесценное сокровище! Господь дает нам возможность исцелиться, преобразиться, чего нет нигде, ни в одной религии, а мы это не используем. Господь принес на землю благую весть, как из грешника стать святым. Он Сам этот путь показал. Этот путь очень сложный, трудный, поэтому Господь назвал его узким путем, но такой путь есть, и если мы не хотим им идти, то мы просто зря в церковь ходим. В этом нашем хождении нет никакого смысла, если с нами не происходит нравственного преобразования, если мы не становимся лучше, чище, святее с каждым днем.

Вот к чему мы должны стремиться. А у нас стремление, чтобы все в нашей жизни было хорошо. Мы стремимся к чисто внешнему благополучию: чтобы ничего не болело, чтобы никто не обижал, чтобы денег было вдоволь, чтобы все нас жалели, любили и привечали, чтобы ходить в гости, чтобы жизнь была увлекательной и интересной. Но неужели Господь Кровь Свою пролил, чтобы нам здесь культурно время проводить? Нет, конечно. Христианство требует подвига. У нас в Церкви есть обычай носить на шее крест. И на храме у нас крест, и в храме куда ни помотришь — везде крест. Это чтобы нам напомнить, что такое христианство. Христианство есть распятие, пролитие крови, а мы хотим культурной, спокойной жизни и чтобы все у нас было отлично. Какая же тут связь? Никакой связи нет. Христианство — это страдание, добровольно принятое на себя, это желание грех с мясом, с кровью вырвать из своей души. Это очень мучительно, а мы страдать не хотим. Поэтому наше христианство — дутое, мыльный пузырь. Оно ничем не отличается ни от самодовольного баптизма, ни от глупого иеговизма, ни от экзальтированного пятидесятничества. Потому что если нет борьбы с грехом — то есть того, в чем смысл Православия,— значит, настоящего Православия в нашей жизни нет.

Так что нам до Православия еще очень долго расти. И сегодняшнее Евангелие нас учит, каким образом нужно это делать. Мы должны постоянно молиться Богу — не просто читать молитвы, а молиться! И в утреннем, и в вечернем правиле очень много молитв, где есть слова о покаянии, об изменении жизни. Но в силу того, что мы их просто механически читаем, эти слова не становятся для нас молитвой. Поэтому и преобразования не происходит. Если бы мы читали одни только молитвы Иоанна Златоустого, двадцать четыре молитвы, на каждый час суток,— хотя бы только их! — и то в них есть все, что нам потребно. Но поскольку мы читаем механически, лишь бы прочесть, то, конечно, толку от этого никакого нет. Поэтому нам нужно обязательно молиться от всего сердца, вкладывать в молитву и ум, и волю, и желание; чтобы мы действительно хотели все, что там сказано, исполнить и исправить свою душу так, как там написано. И когда Господь увидит это желание, Он нам скажет: иди с миром, вера твоя спасла тебя. Вчера ты был хуже скотины, а сегодня будешь человеком — сегодня же, если только захочешь из самой глубины души.

Если из глубины души помолишься, Господь тут же все даст. Потому что если Он видит, что человек искренне молится, а не просто отработывает какую-то повинность, вычитывает определенное количество слов, что человек желает, причем не на словах: ой, прости, больше не буду,— а завтра то же самое делает, а действительно желает исправиться, то Господь сразу поможет. И если каждый день ты просишь об исправлении и хочешь исправления так же сильно, как Иаир хотел исцеления дочери и как болящая женщина хотела исцелиться от своей болезни,— то и ты исцелишься. Это нам пример. Они исцелились? Исцелились. И после них уже миллионы людей получили исцеление. Потому что если бы они не исцелялись, в церковь бы никто не ходил. Зачем с утра в воскресенье кудато ехать за тридевять земель, уж лучше поспать. А раз люди приходят — значит, Господь помогает. Ясное дело, к пустому колодцу никто за водой не ходит. Вот и надо нам наконец начать пользоваться такой милостью Божией. И сегодняшнее евангельское чтение как раз этому нас и учит. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
19 ноября 1989 года*

Четверг седмицы 23-й по Пятидесятнице

Мы сегодня читали отрывок из Послания к Солунянам святого апостола Павла. Вот что он пишет: «Вы помните, братья, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие. Свидетели вы и Бог, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими, потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу. Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не как слово человеческое, но как слово Божие, — каково оно есть по истине, — которое и действует в вас, верующих».

Апостол Павел благодарит Бога, что христиане в Фессалониках приняли его проповедь не как слово человеческое, а именно как слово Божие. Это слово, которое апостол Павел и другие апостолы им проповедовали, принесло большие плоды. Поэтому он говорит: «благодарю Бога». А глядя на нас, благодаришь, конечно, Бога за то, что некоторые слово Божие принимают, но все-таки для большинства оно остается закрытой книгой. И сегодняшнее евангельское чтение как раз об этом.

Пришли люди и рассказали Иисусу о галилеянах, кровь которых Пилат смешал с их жертвами: они принесли в храм жертву, а Пилат их убил. «Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете».

Можно продолжить: думаем ли мы, что те, которые погибли в армянском землетрясении, были грешнее нас? Нет, но, если мы не покаемся, все погибнем так же. Думаем ли мы, что люди, пострадавшие в Уренгое от катастрофы, были грешнее нас? Нет, не грешнее, но, если не покаемся, погибнем так же, как они. Думаем ли мы, что люди, погибшие в Сан-Франциско от землетрясения, грешнее нас? Нет. А сколько сегодня в Москве погибнет в автокатастрофах народу из-за скользкой дороги? Что, эти люди

грешнее нас? Нет, не грешнее, но, если мы не покаемся, мы так же погибнем. И этот список можно продолжать без конца.

«И сказал сию притчу» (Господь часто говорил притчами, чтобы пояснить Свою мысль). «Некто имел в винограднике своем посаженную смоковницу» (это дерево инжир, у нас оно тоже растет, в Абхазии). «И пришел искать плода на ней, и не нашел; и сказал виноградарю: вот, я третий год прихожу искать плода на этой смоковнице и не нахожу; сруби ее: на что она и землю занимает? Но он сказал ему в ответ: господин! оставь ее и на этот год, пока я окопаю ее и обложу навозом, — не принесет ли плода; если же нет, то в следующий год срубишь ее».

Господь долго медлит, долго ждет, когда мы все покаемся. А мы не каемся. Какую жизнь вели, такую и ведем. Нас всех крестили, у всех у нас есть вера, но она не приносит никакого плода. Какой же плод должна наша вера принести? Плод добродетелей христианских. А у нас вместо добродетелей одни только страсти греховные. И конечно, нас ждет участь этой смоковницы, потому что мы с вами на земле только место зря занимаем, от нас только одно зло и никакого добра. Конечно, Господь ждет и пытается нас как-то вразумить, и одно из вразумлений — усилившиеся катастрофы. Господь показывает: смотри, человек, ты живешь, хлопчешь, копишь, планы какие-то строишь, а земля разверзлась — и все твои хлопоты оказались чушью, глупостью. Все твои задумки, все твои накопления — все это ерунда.

Почему именно у армян было такое страшное землетрясение? Что они, грешнее всех остальных? Грешнее грузин или якутов? Нет, конечно, все мы одинаково грешны. Но Господь на их примере показывает всем остальным: человек, посмотри, вот что такое твоя жизнь. Куда ты спешишь? Куда ты все летишь? Тебе некогда остановиться, некогда Богу помолиться, некогда заставить себя заповеди Божии исполнять.

Но допустим даже, что все в нашей жизни будет благополучно, не будет никакого землетрясения, не будет переломов ноги, проломов черепа, никто нас не зарежет в подъезде, никто нас не изнасилует, и врач нам СПИД в вену не вколает. И вот представим себе на секунду, что мы уже в конце нашей жизни, что нам уже семьдесят четыре года. Что дальше-то? Мы свою жизнь прожили. Ну и что? Какой плод принесла наша жизнь? Никакого. Мы принесли в мир только зло. Воспитали мы детей по-православному? Нет, а зла сотворили целую гору. Вся наша жизнь — прах. Поэтому Господь и говорит, что если не покаемся, то все погибнем.

А что значит покаяться? Это значит всю свою жизнь изменить. Конечно, это очень трудно, но это сделать надо. Наша жизнь должна приносить плоды. В нашей душе, как в винограднике, должны расцвести благоуханные цветы: смирение, кротость, воздержание, терпение, любовь, милосердие, радость, послушание. А этого ничего нет. В нашей душе что? Раздражительность, зависть, накопительство, себялюбие, гордость, тщеславие, превозношение, всякое хамство, злоба, гнев. Чего там только нет! Вот из чего состоит наша душа. И многие уже даже понимают, что злиться — это плохо, но продолжают это делать. Завидовать — плохо, но продолжают завидовать. Понимают, что не в деньгах счастье, не в тряпках счастье, но это стремление захватывает человека. И получается, что жизнь не приносит плода. А Господь ждет. И потом, как в притче сказано, пришел хозяин виноградника — Сам Господь — и говорит: сейчас Я эту смоковницу уберу, потому что она только место занимает.

Бог дал нам прекрасную планету, изумительной красоты Землю. Во что мы ее превратили? В свальную яму. Дышать нечем, вода отравлена, все продукты начинены всякой гадостью. Мы не только себя изуродовали, но и животных, и птиц, и все вокруг. И это продолжается, причем не только у нас в России, но везде: и в Японии, и в Америке, и где угодно. Все испорчено. Господь говорит: «и все так погибнете». Будет конец света, и все погибнем, и все наши дела, всё, из-за чего мы копошимся здесь, все это сгорит. Но для каждого из нас конец света наступит с его смертью. Поэтому каждый из нас сегодня,

когда придет домой, пусть задаст себе вопрос: допустим, я завтра умру, и куда моя душа пойдет, в рай или в ад? Совесть сразу скажет: она пойдет в ад. А теперь задай себе второй вопрос: а хочешь ли ты этого? Каждый скажет: конечно, не хочу. Спрашивается: что же ты не остановишься в своем грехе? Начинай жизнь человеческую, начинай молиться, ходи в храм, учись вере православной, выкинь телевизор с десятого этажа. Не надо время попусту тратить, у нас времени мало. Если у кого есть дети, надо стараться воспитанием их заниматься, читать книги, которые учат духовной жизни

А мы всё строим планы: то сделаю, это сделаю. Когда мы этим всем будем пользоваться? У нас осталось очень мало времени, жизнь проходит очень быстро. При современном темпе месяцы летят как недели, годы как месяцы, а дни как минуты. Утром встанешь, не успеешь опомниться, смотришь — уже темно, вечер. И вместо того чтобы вечером хоть что-то для души сделать, еще телевизор включают. А находятся еще и такие предатели веры православной, которые Кашпировского смотрят и всяких колдунов, всей этой заразой себя пропитывают, а потом приходят на исповедь и говорят: смотрел да воду пил. Это же самое настоящее предательство, это Иудин грех, за это от причастия полагается отлучать на шесть лет! И потом еще лицемерно каются, что я, мол, не знал. Как не знал? Какое может быть исцеление от телевизора? Это же явно сатана! И человек крестик на себе носит, а потом начинает кланяться сатане, у него ищет помощи: ты меня, сатана, исцели, ты мне, сатана, помоги. Сатана исцелит, поможет — только душу продай. И продает душу ни за что, за здоровычко. Восемьдесят лет человеку, а он здоровья все ищет. Какое здоровье! Проживи хоть двести лет — все равно же умрешь. Так нет, наплевать на душу. Вот только чтобы сейчас ничего не болело.

Да пусть он тысячу раз исцелит, но разве можно у сатаны просить чего-либо?! Это все равно, что заниматься бандитизмом. Хочешь хорошо жить — вору, возьми лом. Сейчас милиция плохо работает, с ломом в Москве вечером, от одиннадцати до двенадцати часов, можно набрать кучу денег. Можешь зарабатывать больше, чем академик. Тогда пойдем все грабить, нам же всем деньги нужны. Уверю вас, никто никогда не поймают. Можно грабить квартиры, делать что угодно: милиция спит мертвым сном, все пьяные лежат. Пожалуйста, давайте грабить, раз деньги нужны. Но мы же этого не делаем. Почему? Да потому, что это сатанизм. Разве можно, чтобы лучше жить, брать у другого? А тут что делаем? К сатане идем на поклон, чтобы какая-то бородавочка у нас прошла или где-то не терло, не чесалось. Причем и детей сажают, заставляют смотреть. Внуки кричат: не хотим, не будем. Нет, усаживают: смотри. До такого осатанения дошли.

И что потом? Ну что нас ждет? Я удивляюсь только долготерпению Божию. В нашей стране аборт делают десять миллионов ежегодно! По Москве уничтожают каждый год, а потом говорят: Гитлер плохой, Берия плохой, Сталин плохой, ах, какие негодяи! А самито?! Сталин одного только своего сыночка угробил, больше никого. Мог бы его выкупить у Гитлера, а не стал. А тут мамочки своих собственных детей пачками уничтожают, гробят и гробят. И вся медицина на это работает. У нас восемьдесят процентов всех медицинских средств направлено на уничтожение детей. Вся медицина трудится, чтобы детей убивать. Все деньги уходят на абортарии. А потом говорим: чтобы только войны не было. Да нас надо всех в тюрьму посадить, голодом морить и бить палкой каждый день, и то будет мало! Есть ли на свете казнь, чтобы наказать мать, которая убила собственное дитя?

Так когда же мы покаемся? Все тихо, все спокойно, все только ищут, как бы развлечься, повеселиться, да чтобы полегче здесь, на земле, пожить. Сколько мы еще проживем? Десять-пятнадцать лет. Кто помоложе — тридцать лет, может, сорок Бог даст. И что потом? Тело черви съедят или в крематории сожгут. А душа? А некоторые даже не знают, где у них душа. Спрашиваешь: «Где у тебя душа?» — «Не знаю». То есть полное забвение всего. Вот поэтому Господь и предупреждает, что, если не покаемся, все так и погибнем, все погибнем страшной смертью. Зачем нам это нужно, спрашивается? Вроде

так, логически рассуждая, никому не нужно, никто не хочет себе зла. Но настолько дьявол всех закрутил, что человек не может никак остановиться.

Так вот, надо нам стараться всю свою жизнь изменить, пока еще не поздно. Может быть, у нас в душе или в мозгах какой-то еще маленький здоровый участок, не поврежденный сатаной, остался. И надо стараться пользоваться той возможностью, которая у нас еще осталась: капелька совести, может быть, где-то есть незамутненная — стараться ее развивать, не делать греха, изучать Священное Писание, молиться Богу, каждую свободную минуту стараться в храм пойти для того, чтобы как-то просветиться, что-то понять в жизни. Потому что жизнь-то проходит, а мы всё не торопимся, душа ничего не чувствует, мертвая.

Господь говорит: «Там будет плач и скрежет зубов». Многие покойнички, которых мы отпеваем, прямо в ад идут сплошным косяком, и там для них начинаются жуткие муки. Поэтому они сняты своим родственникам, чтобы за них как-то помолились, облегчили участь. Ужасно это всегда: отпеваешь человека, а люди вокруг черные платочки наденут, роз, гвоздик наложат в гроб и стоят как пни. И ничего их не пронизает, ни одно слово, ни одна молитва — все как в броню. И в голову не приходит, что пройдет месяц или годика два — и ты будешь тут же лежать. Тут же! Задумайся! Ведь неизвестно, что с нами будет завтра: от рака мы умрем, от инфаркта, от СПИДа или машина нас задавит. Но известно только одно, что душа отделится от тела и мы с вами будем лежать в гробу мертвые. Это уж будет точно. Ни один человек на земле этих ворот не минует.

Так надо же об этом думать! А мы о чем думаем? Я туда поеду, я то куплю, я это сделаю. А душа? Это все потом. А потом может не быть. Вот сколько таких случаев знаю — человек думает: ну ничего, вот заболею, тогда батюшку позову, причащусь. Но позвали батюшку причастить: приходишь, снимаешь шляпу на вешалке и слышишь последний вздох — не дождался двух секунд. А бывает, что позвали, а уже поздно: он уже ничего не понимает, не чувствует, не соображает. И так бывает. А кто из нас застрахован от того, что нас через месяц не парализует и мы вообще человеческую речь не будем понимать? Сосуд в голове лопнет, кровоизлияние в мозг, и все: язык на сторону, мэ-мэ-мэ, и ничего не будем говорить, и узнавать никого не будем. И как мы покаемся? Как мы сможем изменить свою жизнь, когда мы будем только пеленки пачкать? Никак. Грехи, которые в нашей душе были, останутся, и в этих грехах мы и умрем. И что мы будем наследовать? Какую вечную жизнь?

Поэтому надо спешить. Не надо откладывать на завтра, потому что никакого завтра для нас может и не быть. Это же сплошь и рядом: пришел с работы, что-то нехорошо, сел на стул и умер. Почему мы думаем, что этого с нами не случится? Вот где-то там, в Армении, далеко, было землетрясение. Но почему мы думаем, что нас обязательно это все минует, раз слово Божие говорит, что если не покаетесь, то все так погибнете? Имеется в виду не обязательно землетрясение. Господь поэтому два примера привел, чтобы никто не думал, что обязательно будет убийство или еще какое-то событие. Нет, мы можем просто умереть внезапной смертью, и не успеем покаяться, и душа погибнет безвозвратно. Этот отрывок из Священного Писания как раз нас в этом убеждает.

Апостол Павел говорит: «Мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога». А мы? Какое там «достойно»? Хуже свиней. Свинья на небо не может посмотреть, у нее на заливке кусок сала — так и мы: только все земное, только есть, пить, тряпки и развлечения. Рим, огромная империя, из-за чего погиб? Жаждал хлеба и зрелищ, только развлекаться и объедаться. И мы в таких же превратились. Когда-то Святая Русь теперь интересуется только экономикой, едой и развлечениями: книжечки, журнальчики, театры, кино, вино, домино, телевидение, порновидео и что угодно. А душа в забвении. Вот поэтому мы приближаемся к ужасу, сдвигаемся к краю и если не покаемся, то рухнем. Более того — определенно все рухнет, это уже известно. Но мыто, верующие, хотя бы мы должны же задержаться на этом обрыве. Или мы со всеми вместе полетим?

Каждый из нас свою судьбу выбирает. Что для тебя дороже? Хочешь туда проваливаться — пей, веселись. Как во время шторма, когда океан бушевал, а корабль управление потерял и носился по водам, то многие решили: если нам суждено утонуть, утонем в вине. И из трюма достали бочки, напились до смерти и погибли спьяну. А потом шторм утих и корабль сел на мель. И получилось, что кто не пил и не гулял — тот и выжил. А кто: ладно, пропадать, так с музыкой — те и погибли. Известно, что во время кораблекрушения гибнут в основном от паники, а не от того, что какая-то опасность угрожает.

Так же и мы с вами несемся со всем человеческим потоком. Святая Церковь хочет нас вразумить, успокоить, чтобы мы не забыли о Боге, о вечной жизни, о том, что жизнь наша все равно временная, все равно нам умирать. Но не обязательно скатываться в пропасть, в преисподнюю вместе со всеми остальными людьми, которые ничего и знать-то не хотят. Надо нам остановиться и образумиться. К этому нас Господь и призывает. Аминь.

*Крестовоздвиженский храм,
23 ноября 1989 года*

Пятница 3-й седмицы Великого поста

Для того чтобы покаяться, нужно знать, что такое покаяние, но мы часто об этом не думаем. Для нас исповедь — просто формальность, которую надо обязательно совершить, перед тем как причаститься. Поэтому отношение к ней такое: лишь бы поскорей отделаться. А ведь исповедь — это таинство. Если человек кается по-настоящему, то невидимо для него самого приходит в его сердце благодать Божия, которая очищает его от грехов. Таинственно происходит это чудо.

Ходит грешник по улицам, чем-то занимается, о чем-то думает, но вот уверовал во Иисуса Христа, пришел в Церковь Божию — и Церковь его начинает спасать своей благодатью. Постепенно происходит процесс очищения грешника и превращения его в святого — медленно, незаметно, как дерево растет. Господь так и сказал: «Не придет Царствие Божие приметным образом». Человек вроде такой же, но уже и другой. Только окружающие потихонечку начинают замечать, что он меняется: меняется его внешний вид, меняются привычки, меняются друзья, меняются представления, меняются мысли. Вот это и есть покаяние — постепенное изменение всего строя жизни на строй христианский, на христианское устройство. И нужно нам всю свою жизнь переменить на христианский лад. Но для этого надо глубоко осознать: а что, собственно, менять? Надо посмотреть в свою душу: что там, в душе, есть?

Ну прежде всего, конечно, тщеславие. Нам всем кажется, что мы из себя что-то представляем, на самом деле будучи никем и ничем. Потому что вся наша жизнь — это пустота: пустой треп, пустые мысли, мечтания. Никакого реального доброго дела не совершаем, а от людей ждем похвалы, хотим, чтобы нас замечали. Если что-то сделаем на копейку, рассказываем всем, как будто сделали на сто рублей. И в этом жизнь и проходит. Мы хотим быть на виду у людей, чтобы нас подхваливали, чтобы нас гладили по головке. А это же скверно. Ведь то, что у людей высоко, перед Богом мерзость. Значит, если мы стараемся заслужить похвалу у людей, стараемся людям угодить, это мерзость перед Богом. Поэтому нам надо это исправить.

Как же от тщеславия избавиться? Есть два способа, сопутствующих один другому. Первый — научиться молчать, потому что тщеславимся мы в основном, много разговаривая. Поэтому все тщеславные люди обычно болтливы. И надо стараться

замечать это за собой и удерживать свой язык. А второе — постоянно окаивать себя. Как только тщеславная мысль пришла в голову, надо сразу: Господи, прости меня окайнного, — и вспомнить о своих грехах. Тогда тщеславие наше будет угасать, мы его таким образом будем угнетать.

Мы же, если нас кто-то обижает, утесняет, обычно с этим не согласны, нам кажется, что к нам недостаточно хорошо относятся, нас недостаточно заметили, выделили. А вспомним: ведь мы жалкие грешники, из нас нужно сделать половую тряпку и ноги вытереть. Но о нас пока никто ноги-то не вытер. Ну, подумаешь, задели, подумаешь, не поздоровались, не заметили. Ничего в этом страшного нет. Мы и этого недостойны. Живем хуже, чем насекомые, не то, что животные. Поэтому надо нам смиряться. Тщеславие — производное гордости, поэтому лечится смирением. И если мы будем в этом упражняться, то потихонечку будем тщеславие побеждать.

Но это только одна наша страсть, а сколько у нас всего: и страсть к многоглаголанию, и к объядению, и к тому, чтобы вкусно поесть, и к постоянному осуждению других — все время судим других и превозносим себя, считаем: я лучше этого, я умнее, этот подлец, а вот я... Но ведь так же нельзя. Господь как нас учил? Если ты даже исполнишь все, что Бог повелел, буква в букву, и то про себя говори: я раб негодный. Потому что ты сделал только то, что положено, и ничего сверх. А мы и этого не делаем. Так за что же нам самих себя хвалить? Не за что. Надо смиряться и каяться. И если войдем в такое устройство, не будем думать о себе высоко, тогда нас посетит благодать Божия, потому что Бог только смиренным дает благодать. А если мы не любим, когда нас осаживают, ставят на место, значит, не узнаем, что такое благодать Божия. Так вся жизнь мимо и пройдет.

Представляете, как обидно будет! В храм ходим, добираемся долго — автобусом, на метро; потом стоим здесь в нетопленном помещении, на холодном полу; а сколько трудов, болезней еще претерпим — и все зря. Потому что пока мы не вкусим, не познаем, что такое смирение, мы не узнаем и что такое благодать Божия. Так, на словах, мы все вроде христиане, крест на себе носим. Но христианство не во внешнем проявлении: должна быть жизнь христианская, устройство христианское. А устройство христианское есть смирение. Поэтому пока этого нет, все наше хождение в церковь — пустота дутая и пользы не принесет.

Очень многие люди, всю жизнь отходившие в храм, идут напрямик в ад. И когда в аду оказываются, очень удивляются. Об этом в Евангелии сказано — двери Царствия Небесного закрываются, они говорят: «Господи, Господи, открой нам», а Господь: «Отойдите, Я не знаю вас». «Как же так? — спрашивают.— Мы ели, пили перед Тобой, мы все время в храм ходили, сколько свечей сожгли, одних записок наподавали рублей на восемьсот». Но Господь отвечает: «Это все Мне не нужно совсем».

Ему нужно, чтобы изменилась природа человека, чтобы он стал подобен во всем Богу: кроткий, смиренный, милосердный, трудолюбивый, независтливый, как наш Господь Иисус Христос. «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» — вот Он как сказал. Но в нас этого не только нет, а мы даже и не стремимся к этому. А если иногда нам кто-нибудь укажет, поставит нас на место, имеем еще наглость обижаться. И это даже возмутительно, потому что как христианин может обижаться? Это свойство человека, совершенно чуждого Бога и Церкви.

Нет на земле такой казни, чтобы мы ею искупили свои грехи; нас убить каждого нужно сто раз — и тем не менее мы еще кичимся, что-то еще требуем, в таком устройении пребываем. И это совершенно неправильно, поэтому надо в этом каяться, то есть менять свою жизнь. А для этого нужна решимость встать именно на этот путь. Вот придем на исповедь, скажем: каюсь, Господи, да, действительно, я гордый, напыщенный, тщеславный, пустой человек, глупый, но Ты меня прости, помоги, хочу встать на новый путь. И если наше желание будет искреннее, мы почувствуем, как в сердце придет благодать Божия. И тогда, причастившись, мы сможем свое желание исполнить,

очиститься от страстей — не своей силой, конечно, а Божией, потому что мы сами себя очистить не в состоянии.

Вот я такой-сякой, окаянный. А как взять себя и переделать? Можно мускулы накачать, можно здоровьем своим позаниматься, подлечиться с помощью врачей, и то если Бог даст. А как душу переделать? Никак не переделаешь. Недаром говорят: горбатого могила исправит. И купель крещения есть именно образ могилы. Человек в крещении должен умереть от греха и воскреснуть для новой жизни. Вот и надо нам каждому для старой жизни умереть, чтобы эта духовная могила нас исправила — тогда у нас все будет совершенно по-другому. А если не будет, какой смысл в нашей жизни? И надо это глубоко осознать, покаяться и каждый раз, подходя к исповеди, думать: а в чем мне с сегодняшнего дня надо исправиться? Потому что многие грешат даже смертно — и не думают об этом.

Как же можно крест целовать, на котором Христос распялся за нас, — и тут же самому идти распинать Христа своими грехами? Если Господь жестоко наказывает людей, которые разрушают храмы рукотворенные, то, раз мы сами растлеваем свою душу, какое же наказание будет нам? Наше тело и душа — это ведь храм Божий, потому что мы все крещены, каждому из нас дана благодать Божия, в нас во всех Бог живет. Это не нам принадлежит. Мы не сами себя родили, мы не сами в мир пришли. Нет, нас Господь вызвал к жизни каждого, каждому дал и определенный внешний вид, и определенные свойства души, и определенные таланты. И за все то, что нам дано, Господь с нас обязательно спросит. Об этом тоже в Писании сказано. Поэтому надо нам как-то устрашиться, надо стараться жизнь свою выправить. Не жить лишь бы как, думать не о себе, а думать о смерти, о Царствии Небесном, о суде Божиим, о том, что такое христианская жизнь и соответствуем ли мы ей.

Время идет, годы один за другим наматываются, наматываются, мы к смерти приближаемся. Что нас ждет дальше? Крематорий или Домодедовское кладбище? Поэтому надо стараться, чтобы каждый день для нас был действительно шагом на пути к Богу. Надо стараться думать, чем бы Богу угодить. А мы всё какие-то планы строим: туда пойду, то куплю, это сделаю, тем-то буду. Ну и что? Ну, купил, ну стал, а дальше-то что? Приблизит тебя это к Богу или нет? Надо же Царствие Небесное искать, а мы стремимся только к развлечению, к комфорту, к безболезненному существованию. Это совершенно неправильно. А раз неправильно, значит, надо в этом покаяться, свои мысли изменить.

Вот я думаю так — а надо мне голову свою таким образом перегнуть, чтобы думать иначе, чтобы все у меня было по-христиански. А если этого нет, тогда то, что мы к исповеди приходим, бесполезно. Что с того, что ты назвал свои грехи: а, б, в, г, д?.. А я ругаюсь, а я обзываюсь, а я с женой поцапался, не могу ей простить. Ну и что? И завтра ты будешь то же самое делать, и послезавтра. Это что, покаяние, что ли? Да, ты знаешь свои грехи, это само по себе неплохо. Если человек знает диагноз, это совсем неплохо. Но знать диагноз еще не значит выздороветь, это только полдела. Нужно лечиться. И если ты сам не лечишься, то под лежащий камень вода не течет.

Поэтому обязательно надо из последних сил своей души стараться все время свою жизнь исправлять. Каждый день, каждый час за собой следить, думать, не давать себе покоя ни на минутку. Не так что только полежать, расслабиться, поболтать, куда-то сходить — а жизнь уходит сквозь пальцы. Некоторые имеют такую глупость, что еще у телевизоров часами сидят. Разве можно на развлечения какое-то время оставлять?

Вот сейчас Великий пост. Время покаяния специально Церковь установила, чтобы нас встряхнуть как-то, чтобы мы задумались. Все Господь предусмотрел для нас, для нашей пользы, а мы отвергаем. Нам все то, что в миру, всякие развлечения оказываются дороже Бога. Мы сами Богу изменяем, мы Ему что угодно предпочитаем, Бог для нас на втором месте, на третьем: вот все дела свои сделал, все уладил, теперь пойду причащусь.

Причастился — и опять можно Бога забыть: лоб перекрестил, полторы молитвы прочел и лег спать. Это разве молитва? Думаешь, Бог тебя услышал, если ты сам себя не слышал?

Какие-то формальные ритуалы соблюдаем и думаем, что это христианская жизнь. Нет, не надо этим обольщаться. Фарисеи все ритуалы соблюдали, а когда Христос пришел, они Его спокойненько распяли. Так же и мы. Ритуальчики соблюдаем, все у нас в порядке: и иконочка в уголке, и лампадочка, и Евангелие на полочке лежит, мы его даже иногда и читаем. Но, а что толку-то?

Надо, чтобы это обязательно стало нашей жизнью — вот тогда будет результат, хоть малый, но будет. Не все достигнут святости, как Митрофан Воронежский, Серафим Саровский. Конечно, нет. Но каждый в свою меру, кому сколько отпущено, может потрудиться. Может и должен. Потому что кому Господь десять талантов дал, кому пять, кому два, а кому один. Мы все нищие, убогие, нам дано очень мало — но и за это малое с нас спросится. Поэтому надо нам каяться.

*Храм Святителя Митрофана Воронежского,
16 марта 1990 года, перед исповедью*